

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 2/2026

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

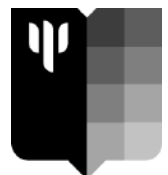
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2026 г. Том 17. № 2

2026. Vol. 17. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

V.A. Labunskaya (Russia),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Социальная психология: XXI век начался 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Попов М.Ю. Цифровая социализация в конвергентной реальности: интегративная модель влияния онлайн-рисков на психическое здоровье подростков 19

Волкова Е.Н. Чат-боты и подростки: метафора диалога в новой социальной реальности 38

Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б. Социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда 53

Литвинова Е.Ю., Погодина А.В., Харченко М.А., Храмов Е.В. Трансформация «профессиональной судьбы» как социально-психологический феномен XXI века 71

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пищик В.И., Саталкин Д.В. Особенности принятия решений представителями поколений Y и Z в условиях цифровой среды 89

Гудзовская А.А. Социальная идентичность и групповая идентификация в условиях успеха и поражения 105

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Дворская Е.В. Роль семьи в детском благополучии: почему подростки из полных семей больше удовлетворены жизнью? 124

Самольянов О.А., Дементьева М.В., Соловьев В.А., Боровикова А.Л. Социальные представления государственных служащих о качествах человекоцентричного руководителя и их роли в раскрытии потенциала сотрудников 145

Сорокоумова Е.А., Кочнева А.Ю., Чердымова Е.И. Функции лидера в переговорном процессе в условиях использования технологий искусственного интеллекта 164

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Одицова М.А., Радчикова Н.П., Семёнова Е.М., Комин Л.А. Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-PIIA) для подростков 13–18 лет 182

Базаров Т.Ю., Гасимов А.Ф. Разработка методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)» 202

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Белинская Е.П. Счастье как индивидуальное переживание и идеологический императив 221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бабанин П.А., Никулин С.А. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: тенденции развития и перспективные направления исследований в социальной психологии 229

CONTENTS

EDITORIAL

- Tolstykh N.N.* Social psychology: the 21st century has begun 5

THEORETICAL RESEARCH

- Popov M.Yu.* Digital socialization in convergent reality: an integrative model of the impact of online risks on adolescent mental health 19

- Volkova E.N.* Chatbots and teenagers: the metaphor of dialogue in a new social reality 38

- Zverovskaya Y.P., Krushelnickaya O.B.* Socio-psychological mechanisms for the formation of professional identity of young people in the context of digitalization of labor 53

- Litvinova E.Yu., Pogodina A.V., Kharchenko M.A., Khramov E.V.* Transformation of “professional destiny” as a socio-psychological phenomenon of the 21st century 71

EMPIRICAL RESEARCH

- Pishchik V.I., Satalkin D.V.* Features of decision-making by representatives of generations Y and Z in a digital environment 89

- Gudzovskaya A.A.* Social identity and group identification in conditions of success and defeat 105

- Gordeeva T.O., Sychev O.A., Dvorskaya E.V.* The role of family in children's well-being: why are teenagers from intact families more satisfied with life? 124

- Samolyanov O.A., Dementyeva M.V., Solovyov V.A., Borovikova A.L.* Social representations of civil servants on the qualities of a human-centric leader and their role in unlocking employee potential 145

- Sorokoumova E.A., Kochneva A.Yu., Cherdymova E.I.* Leadership functions in the negotiation process in the context of the introduction of artificial intelligence technology 164

METHODOLOGICAL TOOLS

- Odintsova M.A., Radchikova N.P., Semionova E.M., Komin L.A.* Short version of the family resilience assessment scale (FRAS20-RIIA) for adolescents aged 13–18 182

- Bazarov T.Yu., Gasimov A.F.* Development of the methodology “Method for assessing the quality of personal responsiveness” 202

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Belinskaya E.P.* Happiness as an individual experience and an ideological imperative 221

SCIENTIFIC LIFE

- Babanin P.A., Nikulin S.A.* Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: development trends and promising research areas in social psychology 229

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Социальная психология: XXI век начался

Н.Н. Толстых ✉

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Резюме

Обсуждается деятельность журнала «Социальная психология и общество» в 21 веке, в особенности в последнее десятилетие. Журнал рассматривается как «зеркало», отражающее трансформации и российского (преимущественно) общества, и социальной психологии как отрасли психологической науки. Анализируется популярность статей журнала в таких базах, как РИНЦ, PsycJournal, OpenAlex.

Ключевые слова: журнал, социальная психология, общество, популярность статей в разных базах

Для цитирования: Толстых, Н.Н. (2026). Социальная психология: XXI век начался. *Социальная психология и общество*, 17(2), 5–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170201>

Social psychology: the 21st century has begun

N.N. Tolstykh ✉

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation
✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Abstract This article discusses the activities of the journal “Social Psychology and Society” in the 21st century, particularly in the last decade. The journal is viewed as a “mirror” reflecting the transformations of both Russian (primarily) society and social psychology as a branch of psychological science. The popularity of the journal’s articles in databases such as the Russian Science Citation Index (RSCI), PsycJournal, and OpenAlex is analyzed.

Keywords: journal, social psychology, society, article popularity in various databases

For citation: Tolstykh, N.N. (2026). Social psychology: the 21st century has begun. *Social Psychology and Society*, 17(2), 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170201>

Вот и пронеслись первые 25 лет нового тысячелетия. Четверть века. Можно подводить некоторые итоги. Стала общим местом констатация того, что мир в последние десятилетия стремительно меняется, причем со все возрастающей скоростью. Социальная психология как отрасль психологии, наиболее чутко реагирующая на изменения общества и человека как его члена, фиксирует эти трансформации, во многом трансформируясь и сама. Присмотримся.

Сделать это можно разными способами. Выбранный нами — увидеть социальную психологию в зеркале журнала «Социальная психология и общество». Не самая, как представляется, плохая идея. Сам этот журнал возник уже в XXI веке: в 2010 году вышел его первый (и единственный в том году) пилотный номер. Отведем 3–4 года на становление журнала и обратимся к публикациям последнего десятилетия.

Каждый год составляется подробный отчет о деятельности журнала. Затем этот отчет входит составной частью в общий отчет о деятельности журнального холдинга МГППУ, и его итоги представляются широкой общественности¹. Но мы присмотримся именно к публикациям журнала «Социальная психология и общество» как к зеркалу, одному из зеркал социальной психологии.

Журнал с самого начала создавался с целью освещать происходящее в сравнительно узком сегменте психологиче-

ской науки — социальной психологии. Это был на то время, по сути дела, единственный такой журнал (хотя статьи по социальной психологии и печатались в других журналах, публикующих работы из самых разных сфер психологической науки). В последние годы проблематика журнала была расширена за счет добавления политической психологии и экономической психологии (в ВАК это теперь общая специальность 5.3.5. — социальная, политическая и экономическая психология), но статей по этим направлениям пока сравнительно немного. Журнал и сегодня остается ведущим в сфере социальной психологии Российской Федерации, входя в «Белый список» научных журналов (1 уровень), Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (категория: К1), Российский индекс научного цитирования (Ядро РИНЦ), по данным которого журнал на протяжении последних лет неизменно находится в числе 10-ти лучших журналов по психологии. Журнал индексируется и в крупнейших зарубежных базах: Scopus, Web of Science, Emerging Sources Citation Index (WoS), Directory of Open Access Journals (DOAJ), OpenAlex и других².

Последовательно растет популярность журнала, если, в частности, судить по числу просмотренных его статей (см. табл. 1).

В табл. 2 представлены города Российской Федерации (кроме Москвы), статьи авторов из которых были опубликованы в журнале с 2015 по 2025 гг.

¹ Отчеты Управления информационными и издательскими проектами ФГБОУ ВО МГППУ. URL: <https://mgppu.ru/project/4/info/6018> (дата обращения: 18.04.2026).

² Журнал «Социальная психология и общество». Индексирование. URL: <https://psyjournals.ru/journals/sps/indexing> (дата обращения: 18.04.2026).

Таблица 1 / Table 1

**Число просмотров статей журнала «Социальная психология и общество»,
опубликованных в разные годы (по данным НЭБ elibrary)
Number of views of articles published in the journal “Social Psychology
and Society” in different years (according to eLibrary data)**

Число просмотров статей / Number of article views	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
	2154	6243	8051	5603	5879	8974	8842	10780	13496	12529

К сожалению, у нас нет статистики по поводу того, из каких городов поступали рукописи (далеко не все затем публикуются), но и приведенных данных достаточно для того, чтобы отметить широту географии российских городов, исследователи из которых активно участвуют в работе журнала. С каждым годом эта география расширяется: так, если в 2015 г. таких региональных городов было 10, то

в 2025 г. – 17. Поскольку число статей, публикуемых в одном номере, и, соответственно, число статей, публикуемых за весь год, остается неизменным, а критерием попадания статьи в печать является, в первую очередь, оценка ее научного качества, то можно констатировать рост качества материалов, поступающих из разных городов Российской Федерации при ужесточении критериев отбора.

Таблица 2 / Table 2

**Города Российской Федерации, авторы из которых публиковались в журнале
«Социальная психология и общество» в период 2015–2025 гг.
Cities of the Russian Federation whose authors published in the journal
“Social Psychology and Society” in 2015–2025**

№	Город / City	Частота публикаций / Number of publications
1	Санкт-Петербург / St. Petersburg	11
2	Саратов / Saratov	9
3	Нижний Новгород / Nizhny Novgorod	8
4	Ростов-на-Дону / Rostov-on-Don	7
5	Пермь / Perm	6
6	Бийск / Biysk	5
7	Красноярск / Krasnoyarsk	5
8	Новосибирск / Novosibirsk	4
9	Кострома / Kostroma	3
10	Самара / Samara	3
11	Хабаровск / Khabarovsk	3
12	Чита / Chita	3
13	Архангельск / Arkhangelsk	2

Толстых Н.Н. (2026)
 Социальная психология:
 XXI век начался
 Социальная психология и общество,
 17(2), 5–18.

Tolstykh N.N. (2026)
 Social psychology:
 the 21st century has begun
 Social Psychology and Society,
 17(2), 5–18.

№	Город / City	Частота публикаций / Number of publications
14	Екатеринбург / Yekaterinburg	2
15	Казань / Kazan	2
16	Кемерово / Kemerovo	2
17	Киров / Kirov	2
18	Комсомольск-на-Амуре / Komsomolsk-on-Amur	2
19	Краснодар / Krasnodar	2
20	Смоленск / Smolensk	2
21	Ставрополь / Stavropol	2
22	Тюмень / Tyumen	2
23	Уфа / Ufa	2
24	Челябинск / Chelyabinsk	2
25	Якутск / Yakutsk	2
26	Армавир / Armavir	1
27	Барнаул / Barnaul	1
28	Владимир / Vladimir	1
29	Владивосток / Vladivostok	1
30	Всеволожск / Vsevolozhsk	1
31	Грозный / Grozny	1
32	Дубна / Dubna	1
33	Иркутск / Irkutsk	1
34	Калуга / Kaluga	1
35	Махачкала / Makhachkala	1
36	Омск / Omsk	1
37	Орехово-Зуево / Orekhovo-Zuyevo	1
38	Пенза / Penza	1
39	Переяславль-Залесский / Pereslavl-Zalessky	1
40	Петропавловск-Камчатский / Petropavlovsk-Kamchatsky	1
41	Рязань / Ryazan	1
42	Симферополь / Simferopol	1
43	Ставрополь / Stavropol	1
44	Томск / Tomsk	1
45	Тюмень / Tyumen	1
46	Ульяновск / Ulyanovsk	1

Разговор о содержании публикаций зеркала. Журнал издается на русском
 начнем с описания рамы выбранного языке, печатает главным образом статьи

отечественных авторов, ориентируясь в первую очередь на отечественную аудиторию. Это и задает рамки рассмотрения социально-психологической проблематики в журнале и, соответственно, раму нашего зеркала. Вместе с тем в редакцию журнала регулярно поступают и статьи на английском языке из разных стран, и таких статей становится с каждым годом все больше. Журнал публикует некоторые из них. Но, во-первых, англоязычных рукописей поступает в журнал сравнительно с русскоязычными немного (в последние годы большая их часть приходит в редакцию из стран Восточной и Юго-Восточной Азии: Вьетнама, Индии, Индонезии, Ирана, Малайзии, Пакистана и т.д.), во-вторых, они часто не проходят жесткие фильтры журнальной политики (об этом ниже). Сказанное не значит, что тот образ социальной психологии, который отражается в зеркале журнала «Социальная психология и общество», оказывается оторванным от общемировых процессов, трендов, которые наблюдаются сегодня в социальной психологии. Прежде всего потому, что крайне редко мы получаем рукописи отечественных ученых или пишущих на русском языке ученых из стран СНГ с описанием исследований, не вписанных в контекст мировой науки. И это первая,

важная, как представляется, констатация: отечественная социальная психология, несмотря на все геополитические сложности, остается частью мировой психологической науки.

Пойдем дальше.

Журнал все годы своего существования не менял объем публикуемых материалов: 4 номера в год, в каждом 12–13 статей, объемом не более 40000 знаков. Закономерно на фоне последовательного роста числа поступающих в редакцию рукописей (см. табл. 3) усиливаются и фильтры для получения того изображения, которое мы видим в зеркале.

Теперь о фильтрах.

Первый фильтр – это мнение редакции о соответствии рукописи как ряду формальных требований (оригинальность, объем, оформление, качество английского языка, если рукопись на английском, и т.п.), так и – главное – тематике журнала. Несмотря на известную неопределенность границ предметной области социальной психологии (в некотором смысле вся психология человека – это социальная психология), редакция прилагает определенные усилия печатать в журнале только статьи, имеющие непосредственное отношение к социальной психологии в современном ее понимании (в последние годы, как уже

Таблица 3 / Table 3

Число рукописей, ежегодно поступающих в редакцию журнала «Социальная психология и общество» в период с 2016 по 2025 гг.

Number of manuscripts submitted annually to the editorial office of the journal “Social Psychology and Society” in 2016–2025

Год / Year	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Число статей / Number of manuscripts submitted	83	80	121	147	153	141	126	192	216	211

отмечалось выше, принимаются еще и статьи по политической и экономической психологии).

Второй фильтр — тематические выпуски. В конце каждого года, в декабре, собирается редколлегия журнала (а это известные, признанные специалисты в области социальной психологии) для того, чтобы определить темы специальных выпусков грядущего года. Оснований для выбора этих тем бывает несколько.

Во-первых, иногда в редакционном портфеле скапливается несколько хороших статей по одной и той же проблеме (что само по себе вряд ли можно считать случайностью), увиденной, естественно, с разных сторон, — они и могут составить основу для планируемого тематического выпуска.

Во-вторых, члены редколлегии обобщенно предлагают свои темы, которые им представляются актуальными, хотя пока могут быть и недостаточно проявленными. Надо сказать, что ни разу не случилось, чтобы так предложенные темы не нашли отклика у исследователей и тематические выпуски оказались бы не заполненными поступившими в редакцию статьями соответствующего содержания.

Наконец, в-третьих, редколлегия намеренно предлагает некоторые свои темы в целях расширения проблематики журнала и привлечения новых авторов. Так, например, было в 2021 г. (№ 3) с тематическим выпуском по политической психологии, а в 2026 (№ 4) планируется тематический выпуск по экономической психологии.

Понятно, что рукописи, предлагаемые авторами для тематических номеров, получают преференции. Вместе с тем каждый год один-два выпуска журнала бывают заполнены статьями на самые разные темы, что крайне важно для того, чтобы

не пропустить чего-то нового, существенного, не всеми замеченного, что не входит в тематические номера журнала.

Третий важнейший фильтр — рецензирование. В журнальном холдинге МГППУ (*PsyJournal*) принято так называемое «двойное слепое» рецензирование, когда рецензент не знает, статью какого автора он рецензирует, а авторы не знают, кто был рецензентом. В последние годы в рецензировании статей, представляющих эмпирические или экспериментальные исследования, принимают участие математики — специалисты созданного в МГППУ центра *Psydata*, за что редакция журнала им бесконечно благодарна. Рецензирование дает возможность оценить качество рукописей с самых разных точек зрения.

Думается, что описанные фильтры улучшают получаемое в зеркале журнала «Социальная психология и общество» отображение процессов, которые имеют сегодня место в социальной психологии и в обществе. Важны, однако, не только публикуемые в журнале статьи, прошедшие через описанные выше фильтры, но и мнение о них читателей журнала. Их, этих читателей со своими мнениями и оценками, несравненно больше, чем вышедших в свет статей. Какие статьи пользовались наибольшим вниманием читателей? Какие темы, проблемы их больше всего волновали в разные годы? К сожалению, представленные выше фильтры в совокупности с относительно небольшим числом ежегодно публикуемых в журнале статей не дают возможности строго фиксировать динамику изменения — из года в год — предметов научных исследований. Но об общих трендах, думается, судить можно.

Мы подходим к самому интересному.

Опираясь на данные *PsyJournal*, для начала мы выбрали по пять чаще всего просматриваемых читателями журнала публикаций за каждый год из 10 лет с 2015 по 2024 гг. (по состоянию на февраль 2026 г.). Поскольку эти данные отражают кумулятивную оценку читательского интереса, который «итожит» все годы просмотра публикаций журнала, мы посчитали правильным не рассматривать публикации 2025 г. (обычно многие статьи последнего года бывают прочитаны позже). Итак, в поле нашего внимания попадают ровно 50 статей.

Вначале перечислим 5 статей, имеющих на сегодня максимальное число просмотров:

1. Холмогорова А.Б., Рычкова О.В. «40 лет биопсихосоциальной модели: что нового?» (Холмогорова, Рычкова, 2017) — **8436** просмотров.

2. Кочетков Н.В. «Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов» (Кочетков, 2020) — **8357** просмотров.

3. Солдатова Г.У. «Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире» (Солдатова, 2018) — **8256** просмотров.

4. Зарецкая О.В. «Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения» (Зарецкая, 2016) — **7321** просмотр.

5. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Никитина А.А. «Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика» (Сергиенко и др., 2019) — **7010** просмотров.

Мы видим, что три первых места занимают обзорно-аналитические работы,

две из которых посвящены цифровой социализации, отражая попытки осмыслить процессы, происходящие в этой области.

Если посмотреть в целом на отобранные 50 статей, то статьи, так или иначе связанные с проблематикой жизни человека в цифровом обществе, составляют более половины — 52%, включая не только теоретические (как видим, наиболее популярные), но и эмпирические исследования, а также статьи, посвященные разработке и психометрической проверке соответствующих методик. И таких статей год от году поступает в редакцию все больше.

За предыдущие годы существования журнала (2010–2014) были опубликованы всего две статьи (обе в рубрике «Прикладные исследования»), направленные на обсуждение проблематики жизни детей и подростков в цифровом обществе: статья Ю.М. Барановой «К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет» (Баранова, 2012) и статья С.Н. Вачковой «Особенности сетевых форм коммуникации современных подростков» (Вачкова, 2014). И эти статьи сразу вызвали заметный интерес читателей.

Из 50 самых популярных статей последнего 10-летия 40% оказались посвященными подросткам, что было естественно предположить, поскольку именно на них ярче всего видны процессы цифровой социализации (хотя цифровой социализацией вовсе не исчерпывался интерес современных исследователей к подростковой проблематике), с одной стороны, и на них же, подростках, как известно, проще всего проводить эмпирические/экспериментальные исследования — с другой.

Социальная психология подростка давно была предметом особенного интереса исследователей, что отразилось, в частности, в первых (2010–2014 гг.) выпусках журнала «Социальная психология и общество». Проблемы роли и специфики общения в этом возрасте, процессы образования групп и коллективов, их влияния на развитие личности подростка, методы изучения интрагрупповой структуры подростковых объединений в разных образовательных организациях и т.п. были предметом пристального внимания и основателя журнала Михаила Юрьевича Кондратьева, и его учителя Артура Владимировича Петровского, и многих других отечественных (и не только) социальных психологов второй половины XX – начала XXI века. Каково же было удивление редакции, когда в ответ на объявленную в 2025 г. тему выпуска «Современный подросток глазами социальных психологов» (№ 2, 2025) не поступило ни одной рукописи с этими «традиционными» предметами исследования. То есть интерес к социальной психологии подростка остался, а предметы исследований в этой области заметно изменились.

В целом можно сказать, что в журнале последовательно растет число публикаций, посвященных разработке и психометрической проверке самых разных инструментов эмпирического исследования. Такие публикации пользуются растущим вниманием читателей. Из 50 самых популярных статей десятилетия (по версии *PsyJournal*) они составили 16%. И это только статьи, непосредственно посвященные разработке той или иной методики, что мы отмечаем потому, что в ряде статей, не вошедших в эти 16%, оказываются «встроенными» те или иные,

включая новые и оригинальные, методики. Подавляющее большинство методик относится к методикам опросного типа, чаще всего заимствованным из англоязычных источников и являющих собой их перевод и адаптацию для отечественных выборок. Тем важнее отметить, что в топ-5 (из топовых 50) попала именно оригинальная разработка отечественных авторов, посвященная изучению эмоционального интеллекта (Сергиенко и др., 2019). Экспериментальные исследования, преобладавшие во второй половине XX века в работах социальных психологов, стали большой редкостью, если не сказать «исчезли совсем».

Все вышесказанное вряд ли можно назвать неожиданным. Поэтому обратим теперь внимание на менее очевидные предпочтения читательской аудитории.

5 из 50 (10%) самых популярных (в той же базе данных) статей посвящены проблемам семьи как одной из важнейших контактных групп, влияющих на становление личности человека, его самочувствие (заметим в скобках, что специально этой теме не было посвящено ни одного тематического выпуска журнала). Две из этих пяти статей посвящены факторам семейного воспитания в контексте личностного и интеллектуального развития детей-дошкольников (Головей, Василенко, Савеньшева, 2016; Головей, Савеньшева, Энгельгардт, 2016), две – супружеским отношениям в молодых парах (Сычев, 2017; Кожухарь, 2021), одна – адаптации шкалы родительского стресса (Бочавер и др., 2024).

На этом фоне – фоне «вечной» темы внутрисемейных и детско-родительских отношений – изумляет относительное равнодушие читателей к проблематике

социально-психологических аспектов пандемии COVID-19, мирового по значимости события, которое пришлось на анализируемое десятилетие и заметно отразилось на жизни именно семьи. Редакция журнала оперативно реагировала на поступающие в этой связи рукописи, публикуя хорошие статьи буквально «с колес», не дожидаясь объявления тематического выпуска. И ситуативно эти статьи читались, но читательский, как, впрочем, и исследовательский интерес к проблеме пандемии быстро угас — ни одна из этих статей не вошла в число обсуждаемых топ-50.

Обратимся теперь для сравнения к одной из влиятельных международных баз данных — так называемой Александрийской базе *OpenAlex*, которая фиксирует не просто число обращений к той или иной статье, а число ее упоминаний/цитирований. (Заметим в скобках, что само присутствие журнала «Социальная психология и общество» в этой авторитетной базе является знаком высокой его оценки международным научным сообществом.) 10 статей журнала, занявших самые высокие позиции, были опубликованы в рассматриваемое нами десятилетие — с 2015 по 2025 гг.

В этом топ-10 списке (по состоянию на февраль 2026 г.) с большим отрывом лидирует занявшая третье место в «нашем» топ-50 и уже упомянутая выше статья Г.У. Солдатовой о цифровой социализации современных детей (Солдатова, 2018). Но уже на втором месте оказывается статья Л.А. Цветковой (2023) «Социальная психология здоровья», которая вообще не попала в эти 50 наиболее популярных статей, обсуждавшихся выше. Из 10 топ-статей, по версии *OpenAlex*,

4 так или иначе связаны с цифровизацией: это уже упомянутые выше статьи Г.У. Солдатовой (2018), Н.В. Кочеткова (2020), а также статьи Р.М. Айсиной и А.А. Нестеровой (2019) — третье место в рейтинге *OpenAlex* и С.В. Крайнюкова (2019) — 9-е место. Две статьи посвящены проблемам, связанным с пандемией COVID-19, как мы помним, явно недостаточно популярные у русскоязычной аудитории: Нестик и др. (2020); Крюкова и др. (2020) — соответственно, 8-е и 10-е места в рейтинге. На 5-ой позиции — «не замеченная» в российском сегменте статья «Индивидуальные планы развития в технологии и практике наставничества в организациях» (Бухарина, 2018).

Нельзя не отметить и находящуюся на третьей позиции в этом международном рейтинге статью Ф. Тан о специфике поколения Z в Китае (Тан, 2019). Вообще надо сказать, что мы получаем все больше рукописей, так или иначе освещающих проблемы поколений, их различий в самых разных проявлениях, отношениях, аттитюдах; и указанная статья Ф. Тан — одна из статей тематического выпуска «Поколения в свете социальной психологии». Интерес к проблематике поколений отражает тот аспект современной социальной реальности, в котором эти поколенческие различия стали отчетливо проявляться. Для России это новое явление, новая феноменология, связанная в первую очередь именно с растущей скоростью социальных трансформаций. В те исторические периоды, когда жизнь меняется не столь стремительно, поколения практически не оформляются, различия между людьми разных возрастов в определенном смысле слова не существенны (Толстых, 1994, 2000). Научный

интерес к поколенческой проблематике, отражающийся в росте числа публикаций на эту тему в журнале «Социальная психология и общество», интерес к ним представителей научного сообщества — тому доказательство.

Если посмотреть на число цитирований статей в отечественной базе РИНЦ за все время существования журнала (2010–2025), то в топ-10 статей попадают 4 статьи по цифровизации, частично совпадающие с выделенными и в базе *OpenAlex*, и в «нашем» топ-50. Все они опубликованы в последние 10 лет. В последние 5 лет (2020–2025) в топ-10 статей по числу цитирований в РИНЦ попадали статьи на такие остроактуальные темы, которые по понятным причинам не встречались ранее: «Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества» (Нестик, 2023), «Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества» (Мураценкова и др., 2023).

Если обратиться к топ-10 наиболее цитируемых статей журнала «Социальная психология и общество» за 5 последних лет и за все время существования журнала, по данным РИНЦ на 26 марта 2026 г., то мы увидим совпадения с международной базой *OpenAlex* лишь в 2–3 случаях. Это статьи, посвященные главным образом цифровой социализации. В остальном отечественных читателей интересуют во многом иные проблемы, чем международную читательскую аудиторию, что, с нашей точки зрения, отражает и специфику современной российской жизни, и те сугубо научные проблемы, которые волнуют именно от-

ечественных исследователей (например, адаптации англоязычных опросников или создание методик, ориентированных на русскоязычных респондентов).

Подводя краткий итог, отметим еще раз, что за последнее десятилетие значительно по сравнению с предыдущими годами поменялась проблематика журнала «Социальная психология и общество»: в первую очередь, виден резкий взлет числа публикаций, посвященных проблемам цифровой социализации и — шире — жизни людей в цифровом обществе, а также рост интереса к ним читателей. Этот интерес заметен и в русскоязычном, и в общемировом сегментах читательской аудитории. Важно, с нашей точки зрения, то, что если первые публикации носили в основном алармистский характер (*Ужасно, что дети и подростки проводят у экранов гаджетов так много времени! Надо с этим что-то делать!*), то постепенно стали появляться исследования, авторы которых рассматривают значительно более широкий круг проблем в области цифровизации.

Заметно изменились подходы к исследованиям в области социальной психологии подростков и молодежи, что проявляется в выборе и новых предметов исследования, и нового методического инструментария. Важным аспектом в некоторых таких исследованиях является взгляд на современных молодых людей как на представителей новых поколений, во многом не похожих на своих сверстников прошлых лет. Отметим и понимание важности учитывать специфику взаимоотношений представителей разных поколений («обращения поколений» — по Ф.Т. Михайлову) в семье, в образовательных организациях, на производстве,

особенно с учетом уже неоднократно упомянутой выше цифровизации, в которую разные поколения вступают по-разному, с разным багажом.

Журнал «Социальная психология и общество» своими публикациями оперативно реагирует на те новые непростые

вызовы, которые стоят сегодня перед нашим обществом. Совершенно не случайно, что такие статьи, представляющие реальные исследования в областях социальной, политической и экономической психологии, вызывают заметный интерес читательской аудитории.

Список источников / References

1. Айсина, Р.М., Нестерова, А.А. (2019). Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*, 10(4), 42–57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
Aysina, R.M., Nesterova, A.A. (2019). Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Social Psychology and Society*, 10(4), 42–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
2. Баранова, Ю.М. (2012). К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет. *Социальная психология и общество*, 3(4), 122–129. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2012_n4/56526 (дата обращения: 07.04.2026).
Baranova, Y.M. (2012). Psychological Aspects of Information Safety of Children and Adolescents on the Internet. *Social Psychology and Society*, 3(4), 122–129. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/sps/archive/2012_n4/56526 (viewed: 07.04.2026).
3. Бочавер, А.А., Ахмеджанова, Д.Р., Байрамян, Р.М., Поливанова, К.Н. (2024). Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке матерей школьников. *Социальная психология и общество*, 15(3), 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>
Bochaver, A.A., Akhmedjanova, D.R., Bayramyan, R.M., Polivanova, K.N. (2024). Parental Stress Scale: Adaptation on the Russian-Speaking Sample of Schoolchildren's Mothers. *Social Psychology and Society*, 15(3), 202–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>
4. Бухарина, А.Ю. (2018). Индивидуальные планы развития в технологии и практике наставничества в организациях. *Социальная психология и общество*, 9(1), 162–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090111>
Bukharina, A.Y. (2018). Personal development plan (PDP) in practice and technology of introducing mentoring in organizations. *Social Psychology and Society*, 9(1), 162–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090111>
5. Вачкова, С.Н. (2014). Особенности сетевых форм коммуникации современных школьников. *Социальная психология и общество*, 5(4), 135–144. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2014_n4/72871 (дата обращения: 07.04.2026).
Vachkova, S.N. (2014). Features of Internet Communication in Modern Schoolchildren. *Social Psychology and Society*, 5(4), 135–144. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/sps/archive/2014_n4/72871 (viewed: 07.04.2026).
6. Головей, Л.А., Василенко, В.Е., Савенышева, С.С. (2016). Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника. *Социальная психология и общество*, 7(2), 5–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>

- Golovey, L.A., Vasilenko, V.E., Savenysheva, S.S. (2016). Family structure and family education as the factors for personal development of preschooler. *Social Psychology and Society*, 7(2), 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>
7. Головей, Л.А., Савенышева, С.С., Энгельгардт, Е.Е. (2016). Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников. *Социальная психология и общество*, 7(3), 18–32. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070302>
- Golovey, L.A., Savenysheva, S.S., Engelgardt, E.E. (2016). Family structure and upbringing as factors of intellectual development of preschool children. *Social Psychology and Society*, 7(3), 18–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2016070302>
8. Зарецкая, О.В. (2016). Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения. *Социальная психология и общество*, 7(3), 105–120. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070308>
- Zaretskaya, O.V. (2016). Dependence on online computer games as a type of addictive behaviour. *Social Psychology and Society*, 7(3), 105–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2016070308>
9. Кожухарь, Г.С. (2021). Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей. *Социальная психология и общество*, 12(1), 143–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110>
- Kozhukhar, G.S. (2021). The Quality of Interpersonal Relationships and Satisfaction with the Marriage of Young People. *Social Psychology and Society*, 12(1), 143–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110>
10. Кочетков, Н.В. (2020). Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов. *Социальная психология и общество*, 11(1), 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
- Kochetkov, N.V. (2020). Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists. *Social Psychology and Society*, 11(1), 27–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
11. Крайнюков, С.В. (2019). Влияние современных информационных технологий на картину мира человека. *Социальная психология и общество*, 10(4), 23–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100403>
- Krainyukov, S.V. (2019). Influence of modern information technologies on the worldview. *Social Psychology and Society*, 10(4), 23–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100403>
12. Крюкова, Т.Л., Екимчик, О.А., Опекина, Т.П., Шипова, Н.С. (2020). Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19. *Социальная психология и общество*, 11(4), 120–134. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409>
- Kryukova, T.L., Ekimchik, O.A., Opekina, T.P., Shipova, N.S. (2020). Stress and Coping in a Self-Isolated Family during COVID-19 Pandemic. *Social Psychology and Society*, 11(4), 120–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409>
13. Мурашченкова, Н.В., Гриценко, В.В., Калинина, Н.В., Константинов, В.В., Кулеш, Е.В., Маленова, А.Ю., Малышев, И.В. (2023). Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества. *Социальная психология и общество*, 14(4), 68–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>
- Murashchenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Kalinina, N.V., Konstantinov, V.V., Kulesh, E.V., Malenova, A.Y., Malyshev, I.V. (2023). Attitudes towards Patriotism and Patriotic Self-identity of Russian Students Youth in the Polarization of Russian Society. *Social Psychology and Society*, 14(4), 68–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>

14. Нестик, Т.А. (2023). Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований. *Социальная психология и общество*, 14(4), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>
Nestik, T.A. (2023). The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Social Psychology and Society*, 14(4), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>
15. Нестик, Т.А., Дейнека, О.С., Максименко, А.А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
Nestik, T.A., Deyneka, O.S., Maksimenko, A.A. (2020). Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society*, 11(4), 87–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
16. Сергиенко, Е.А., Хлевная, Е.А., Ветрова, И.И., Никитина, А.А. (2019). Тест эмоционального интеллекта – русскоязычная методика. *Социальная психология и общество*, 10(3), 177–192. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100311>
Sergienko, E.A., Khlevnaya, E.A., Vetrova, I.I., Nikitina, A.A. (2019). The test of emotional intelligence – a russian-speaking method. *Social Psychology and Society*, 10(3), 177–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100311>
17. Солдатова, Г.У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
Soldatova, G.U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
18. Сычев, О.А. (2017). Социально-психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых супружеских парах. *Социальная психология и общество*, 8(1), 56–74. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080104>
Sychev, O.A. (2017). Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction in young married couples. *Social Psychology and Society*, 8(1), 56–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2017080104>
19. Тан, Ф. (2019). Критический обзор исследований отношения к работе поколения Z в Китае. *Социальная психология и общество*, 10(2), 19–28. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100203>
Tang, F. (2019). A critical review of research on the work-related attitudes of Generation Z in China. *Social Psychology and Society*, 10(2), 19–28. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100203>
20. Толстых, А.В. (1994). *Формирование и самоопределение личности в исторической динамике поколений: Автореф. дис... д-ра психол. наук*. Психологический институт Российской академии образования. М.
Tolstykh, A.V. (1994). *Formation and self-determination of personality in the historical dynamics of generations*. Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Psychological Institute of the Russian Academy of Education. Moscow. (In Russ.).
21. Толстых, А.В. (2000). Понятие и генезис поколений в истории общества. В: А.В. Толстых. *Опыт конкретно-исторической психологии личности* (с. 143–151). СПб.: Алетейя.
Tolstykh, A.V. (2000). The concept and genesis of generations in the history of society. In: A.V. Tolstykh. *The experience of concrete historical personality psychology* (pp. 143–151). St. Petersburg: Alethea. (In Russ.).

Толстых Н.Н. (2026)
Социальная психология:
XXI век начался
Социальная психология и общество,
17(2), 5–18.

Tolstykh N.N. (2026)
Social psychology:
the 21st century has begun
Social Psychology and Society,
17(2), 5–18.

22. Холмогорова, А.Б., Рычкова, О.В. (2017). 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? *Социальная психология и общество*, 8(4), 8–31. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080402>
Kholmogorova, A.B., Rychkova, O.V. (2017). 40 years of Bio-Psycho-Social model: what's new? *Social Psychology and Society*, 8(4), 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2017080402>
23. Цветкова, Л.А. (2023). Социальная психология здоровья. *Социальная психология и общество*, 14(2), 5–8. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140201>
Tsvetkova, L.A. (2023). Social Psychology of Health. *Social Psychology and Society*, 14(2), 5–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140201>

Информация об авторах

Наталья Николаевна Толстых, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная психология развития» факультета социальной психологии, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Science (Psychology), Head of the Department of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Editor-in-chief of the journal “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 26.05.2026

Received 2026.05.26

Поступила после рецензирования 28.05.2026

Revised 2026.05.28

Принята к публикации 16.06.2026

Accepted 2026.06.16

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Цифровая социализация в конвергентной реальности: интегративная модель влияния онлайн-рисков на психическое здоровье подростков

М.Ю. Попов ✉

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии
им. В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ popovmikhail@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современный этап социализации подростков характеризуется стиранием границ между онлайн- и офлайн-пространствами. Накопленные данные убедительно свидетельствуют о потенциальных рисках этого процесса, однако вопрос об их системных взаимосвязях и влиянии на психическое здоровье остается малоизученным.

Цель. Разработка интегративной модели, отражающей опосредованные механизмы влияния цифровой социализации на психическое здоровье подростков с учетом факторов индивидуальной уязвимости и устойчивости личности.

Гипотеза. Процесс цифровой социализации подростков может быть описан моделью, в которой конвергентная реальность выступает системообразующим контекстом, а влияние рисков опосредуется комплексом медиаторов и модулируется индивидуальными и социальными факторами.

Методы. В исследовании использован метод теоретического моделирования на основе анализа и синтеза современных научных данных сквозь призму социально-когнитивной концепции цифровой социализации и теории экологических систем.

Результаты. Разработана интегративная модель, основанная на концепции «конвергентной реальности» в качестве системообразующего контекста. Модель операционализирует понятие «контур риска» — динамической системы, в которой ключевые риски цифровой социализации (кибербуллинг, социальное сравнение, деструктивный контент) оказывают влияние на психическое здоровье через комплекс взаимосвязанных медиаторов (цифровой стресс, нарушение образа тела, стойкие нарушения сна). В рамках модели основная роль в поддержании этого контура отводится механизму обратной связи, реализуемому через проблемное использование социальных сетей. В качестве модуляторов, регулирующих силу воздействия всей системы, рассматриваются индивидуальные и социальные факторы уязвимости и устойчивости личности.

Выводы. Разработанная модель представляет собой теоретическую рамку, описывающую влияние цифровой социализации на психическое здоровье подростков как динами-

ческий, самоподдерживающийся процесс. Выводы исследования могут служить основой для эмпирической проверки и разработки интервенций, нацеленных на разрыв «контура риска» и активацию факторов устойчивости личности.

Ключевые слова: цифровая социализация, психическое здоровье подростков, конвергентная реальность, интегративная модель, онлайн-риски, проблемное использование социальных сетей, цифровой стресс, факторы устойчивости личности

Для цитирования: Попов, М.Ю. (2026). Цифровая социализация в конвергентной реальности: интегративная модель влияния онлайн-рисков на психическое здоровье подростков. *Социальная психология и общество*, 17(2), 19–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170202>

Digital socialization in convergent reality: an integrative model of the impact of online risks on adolescent mental health

M.Yu. Popov ✉

V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ popovmikhail@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *Currently, adolescent socialization is characterized by the blurring of boundaries between online and offline experiences. While substantial evidence highlights the associated risks, the systemic interconnections and cumulative impact of these risks on mental health remain poorly understood.*

Objective. *The study aims to develop an integrative model illustrating how digital socialization affects adolescent mental health, delineating the mechanisms through which key risks are mediated, as well as the role of individual vulnerability and personal resilience factors.*

Hypothesis. *The process of adolescent digital socialization can be described by a model in which convergent reality provides the systemic context, socialization risks exert their influence through a set of mediators, and the strength of this influence is moderated by individual and social factors.*

Methods. *The research utilized theoretical modeling based on the analysis and synthesis of contemporary empirical data through the lenses of the social-cognitive concept of digital socialization and the ecological systems theory.*

Results. *We developed an integrative model organized around the concept of “convergent reality” as the systemic context. This model features a “risk circuit” — a dynamic system wherein key online socialization risks (e.g., cyberbullying, upward social comparison, exposure to harmful content) influence mental health through a set of interrelated mediators, including digital stress, body image disturbance, and impaired sleep. Within the model, a critical role in sustaining this circuit is assigned to a feedback mechanism, driven by problematic social media use. Individual and social factors of vulnerability and personal resilience are considered to moderate the overall impact on mental health.*

Conclusion. *The proposed model constitutes a theoretical framework describing the impact of digital socialization on adolescent mental health as a dynamic, self-sustaining process. The findings of this theoretical study can serve as a basis for empirical testing and the development of interventions targeted at disrupting the “risk circuit” and activating personal resilience factors.*

Keywords: *digital socialization, adolescent mental health, convergent reality, integrative model, online risks, problematic social media use, digital stress, personal resilience factors*

For citation: Popov, M.Yu. (2026). Digital socialization in convergent reality: an integrative model of the impact of online risks on adolescent mental health. *Social Psychology and Society*, 17(2), 19–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170202>

Введение

Актуальность исследования цифровой социализации обусловлена формированием принципиально нового контекста развития личности (Шайгерова, Шилко, Ваханцева, 2022; Солдатова, Рассказова, Клишевич, 2023). Этот контекст характеризуется тотальной интеграцией интернет-технологий в повседневную жизнь и стиранием границ между офлайн- и онлайн-пространствами (Солдатова, Войскунский, 2021). Подобная гибридность среды акцентирует противоречивый характер цифровой социализации: с одной стороны, она обеспечивает беспрецедентные возможности для общения и самопрезентации, с другой — выступает источником серьезных психологических угроз (Волкова, 2025). Такая двойственность особенно значима для подросткового возраста в силу повышенной восприимчивости к социальным влияниям и незавершенности развития механизмов саморегуляции.

Интенсивность цифровой социализации резко возросла в период пандемии COVID-19, приведшей к наибольшему приросту экранного времени именно у подростков (Madigan et al., 2022). Статистические данные подчеркивают масштаб проблемы: российские подростки входят в число европейских «лидеров» по уровню пользовательской активности, при этом каждый второй подросток в России сталкивается с негативным онлайн-опытом (Солдатова, Рассказова, 2023).

Социально-психологический анализ цифровой социализации требует перехода от измерения «времени у экрана» к изучению специфических социальных практик и паттернов взаимодействия. Исследования подтверждают, что именно характер онлайн-активности, а не ее продолжительность, в большей степени влияет на психическое благополучие (Verduyn et al., 2021). Значимым фактором риска признано проблемное использование цифровых технологий, ассоциированное с развитием психических нарушений (Манчук, Терещенко, Шубина, 2024; Shannon et al., 2024).

Растущий массив эмпирических данных указывает на необходимость их теоретической интеграции. Существует потребность в разработке целостных моделей, объясняющих воздействие цифровой социализации на психическое здоровье не просто как сумму онлайн-угроз, а как динамическую систему взаимосвязанных процессов.

Цель исследования — разработка интегративной модели, отражающей опосредованные механизмы влияния цифровой социализации на психическое здоровье подростков с учетом факторов индивидуальной уязвимости и устойчивости.

Задачи:

1. Теоретически обосновать использование конструкта «конвергентная реальность» как системообразующего контекста для построения модели.

2. Оценить роль основных онлайн-рисков как триггеров процессов, связываю-

щих цифровую социализацию и психическое здоровье.

3. Определить медиаторные механизмы, опосредующие связь рисков с психическим неблагополучием.

4. Установить модулирующую роль факторов уязвимости и устойчивости, а также позитивного потенциала цифровой социализации.

Основная *гипотеза*: процесс цифровой социализации подростков может быть описан интегративной моделью, в которой конвергентная реальность выступает системообразующим контекстом, влияние специфических рисков опосредуется комплексом медиаторов (цифровой стресс, нарушение образа тела, стойкие нарушения сна), а результирующее воздействие на психическое здоровье модулируется индивидуальными и социальными факторами.

Материалы и методы

Основной метод исследования — теоретическое моделирование на базе системного подхода. Работа основана на комплексном анализе концепций и эмпирических данных из отечественных и зарубежных публикаций через призму двух основных теорий: социально-когнитивной концепции цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, 2021), задавшей содержательные ракурсы анализа, и экологического подхода (Bronfenbrenner, 1979), обеспечившего рассмотрение процесса в контексте многоуровневой системы взаимосвязанных механизмов.

Поиск литературы проводили в электронных базах eLIBRARY.RU и Google Scholar (для охвата отечественных и зарубежных исследований), а также PubMed (для включения релевантных работ в области медицины и психического здо-

рочья). Поисковые запросы включали следующие термины: «цифровая социализация», «конвергентная реальность», «психическое здоровье подростков», «социальное сравнение», «кибербуллинг», «проблемное использование социальных сетей», «цифровой стресс», а также их эквиваленты на английском языке.

Критерии включения: публикации 2016–2025 гг. (с фокусом на последние пять лет) на русском или английском языке, посвященные цифровой социализации, ее рискам и позитивному потенциалу, влиянию на психическое благополучие подростков.

Приоритеты при отборе работ: эмпирические исследования (лонгитюдные и кросс-секционные) в репрезентативных выборках; систематические обзоры и теоретические статьи, предлагающие концептуальные модели; публикации в рецензируемых журналах.

Выбранная стратегия отбора литературы определялась целью теоретического моделирования. В отличие от систематических обзоров, направленных на максимально полный охват, настоящее исследование сфокусировано на выявлении и анализе работ, необходимых для построения и верификации структуры предлагаемой модели.

При первичном поиске было идентифицировано 487 публикаций. После предварительного скрининга по названиям и аннотациям и последующей проверки на соответствие критериям включения проанализировано 76 статей. В работе процитировано 35 наиболее релевантных публикаций.

Анализ и синтез данных проводили в три этапа:

1. Систематизация и категоризация основных понятий.

2. Выявление связей между рисками цифровой социализации и клиническими исходами.

3. Построение логической схемы взаимодействия выявленных элементов.

Результаты: разработка интегративной модели

Конвергентная реальность как системообразующий контекст

Проведенный анализ показывает, что дихотомия «онлайн-офлайн» недостаточно адекватно отражает современный процесс социализации. Подростки осваивают социальный опыт и строят отношения в принципиально новом контексте, для которого характерно неразрывное переплетение цифрового и физического миров. В качестве теоретического конструкта, отражающего этот контекст, в работе используется понятие **«конвергентная реальность»** — гибридная среда, в которой цифровые и физические практики сливаются в единое пространство жизнедеятельности, формируя новое поле для социализации (Солдатова, Войсунский, 2021).

В отличие от представлений об интернете как об отдельном «виртуальном мире», данный концепт фокусируется на изменении субъективного опыта, при котором онлайн- и офлайн-пространства перестают восприниматься как отдельные сущности. По сравнению со сходными, но более технологически ориентированными понятиями «смешанная реальность» и «дополненная реальность» конструкт «конвергентная реальность» смещает акцент на целостность субъективного переживания гибридной среды.

Содержательное наполнение конструкта раскрывается через перечисленные ниже атрибуты (Солдатова,

Войсунский, 2021), имеющие методологическое значение для анализа рисков цифровой социализации.

Стирание пространственных и контекстуальных границ. Подросток одновременно существует в нескольких социальных контекстах — физических (семья, школа) и цифровых (соцсети, игровые платформы), что воспринимается им как переход между «окнами» единого жизненного пространства.

Непрерывность и асинхронность социальных связей. Коммуникация теряет временные ограничения, формируя культуру «постоянной включенности» (always-on culture). Это создает фоновый социальный прессинг и необходимость постоянной самопрезентации.

Формирование гибридной идентичности. Идентичность подростка формируется в диалоге между его онлайн- и офлайн-Я. Цифровые платформы предоставляют пространство для экспериментирования с социальными ролями, что может быть ресурсом для самопознания, но одновременно порождает риски зависимости идентичности от внешней валидации (лайков, комментариев), искажая нормальный ход становления самооценки.

Формирующий контекст развития. Конвергентная реальность — не просто фон, а активная среда, архитектура которой формирует поведенческие паттерны и ценностные ориентации, поощряя определенные модели социального поведения.

Таким образом, конструкт «конвергентная реальность» обеспечивает системный контекст для анализа цифровой социализации, протекающей в едином гибридном пространстве, где стирание границ, непрерывность социального поля и активное формирующее воздействие среды стано-

вятся системообразующими принципами, задающими новые механизмы, риски и траектории социального развития подростка.

Архитектура и динамика «контура риска»: системные взаимосвязи и механизмы

На основе эмпирических данных может быть выделен «контур риска» цифровой социализации — многоуровневая система динамически связанных элементов, объясняющая, каким образом риски социализации в конвергентной реальности могут трансформироваться в последствия для психического здоровья.

Ключевые риски: триггеры системы

Цифровая социализация сопровождается несколькими типами рисков, образующих континуум — от прямого межличностного воздействия до опосредованного влияния деструктивной субкультуры. В качестве ключевых рисков выделены кибербуллинг, социальное сравнение и деструктивный контент, что обусловлено их высокой значимостью для подростковой популяции и наличием эмпирических данных, указывающих на связь перечисленных рисков с психическим неблагополучием (John et al., 2018; Smahel et al., 2020; Irmer, Schmiedek, 2023).

Кибербуллинг. Уровень столкновения с онлайн-агрессией у российских подростков один из самых высоких в Европе (Smahel et al., 2020). При этом психотравмирующий потенциал кибербуллинга превосходит воздействие офлайн-травли вследствие перманентности, публичности и частой анонимности (Lee et al., 2025). Эмпирические данные подтверждают устойчивые связи кибербуллинга с депрессивной симптоматикой, тревож-

ными расстройствами и аутоагрессивным поведением (John et al., 2018).

Социальное сравнение. Социальное сравнение, интенсифицируемое архитектурой соцсетей, представляет собой центральный когнитивный механизм социализации, работающий в искаженных условиях. Идеализированные образы создают нереалистичные стандарты, что может приводить к неудовлетворенности своим телом и заниженной самооценке (Vincente-Benito, Ramírez-Durán, 2023), нарушая формирование Я-концепции (Irmer, Schmiedek, 2023).

Деструктивный контент. Потребление контента, пропагандирующего самоповреждения, нездоровое пищевое поведение или экстремизм, представляет собой угрозу, выходящую за рамки информирования. В соответствующих онлайн-сообществах происходит усвоение искаженных норм и формирование групповой идентичности на основе деструктивного поведения, что может способствовать закреплению девиантных паттернов (Ye et al., 2023; Orsolini et al., 2024).

Комплекс медиаторов: от триггеров к стойким нарушениям

К основным медиаторным звеньям отнесены цифровой стресс, нарушение образа тела и стойкие нарушения сна. Их выбор опирается на эмпирические данные, подтверждающие значимые ассоциации этих факторов как с онлайн-рисками, так и с клиническими исходами (Brown, Tiggemann, 2020; Steele, Hall, Christofferson, 2020; Ahmed et al., 2024).

Цифровой стресс. Непосредственным откликом на травмирующие онлайн-события являются интенсивные негатив-

ные эмоциональные реакции. В условиях конвергентной реальности стирание границ приводит к тому, что цифровая травма пронизывает все жизненное пространство, не оставляя «буферной зоны» для переработки негативного опыта и способствуя трансформации острого стресса в хронический. Данное состояние соответствует концепции «цифрового стресса» (Steele, Hall, Christofferson, 2020). Его центральным компонентом выступает страх упущенных возможностей (Fear of Missing Out, FoMO), создающий постоянный уровень тревоги (Gupta, Sharma, 2021). Таким образом, хронический цифровой стресс не только сам по себе снижает психологическое благополучие, но и истощает ресурсы совладания, повышая восприимчивость подростка к негативному воздействию других элементов «контура риска».

Нарушение образа тела. Данный феномен выступает предполагаемым медиатором, связывающим искаженные социальные эталоны с риском развития психических расстройств. Постоянное воздействие нереалистичных эталонов ведет к искажению восприятия собственной внешности (Brown, Tiggemann, 2020). Это проецируется на Я-концепцию подростка, влияя на его социальное поведение и самооощущение офлайн. Установлено, что нарушение образа тела ассоциировано с повышенным риском тревоги, депрессии, дисморфического расстройства, расстройств пищевого поведения (РПП) и аутоагрессии (Laughter et al., 2023; Vincente-Benito, Ramírez-Durán, 2023; Merino et al., 2024).

Стойкие нарушения сна. Причины нарушений сна носят комплексный характер: подавление секреции мелатонина светом

экранов, психоэмоциональная активация от контента, компульсивная проверка уведомлений, общая умственная перегрузка (Lissak, 2018). Нарушения сна являются не просто симптомом, а одним из основных медиаторов, снижающим необходимые ресурсы для эффективной эмоциональной регуляции и совладания со стрессом (Li et al., 2017; Ahmed et al., 2024), что напрямую повышает уязвимость к формированию клинических исходов.

Клинические исходы: ответ на кумулятивную нагрузку

Комплекс медиаторов создает психофизиологический фундамент, предрасполагающий к развитию клинически значимых последствий. Важно подчеркнуть, что эти последствия представляют собой не случайный набор диагнозов, а закономерный системный ответ на кумулятивную нагрузку социализации в условиях конвергентной реальности. Переход от медиаторов к диагнозам характеризуется рядом закономерностей.

Принцип коморбидности. Медиаторные звенья служат общими предикторами для широкого спектра исходов (аффективных нарушений, РПП, аутоагрессивного поведения), что объясняет часто наблюдаемую у подростков коморбидность психических расстройств (Laughter et al., 2023; Ahmed et al., 2024).

Формирование специфических траекторий. Взаимодействие триггеров и медиаторов может задавать различные пути к исходам: социальное сравнение через нарушение образа тела — к РПП, кибербуллинг через хронический стресс — к аффективным расстройствам с повышенным суицидальным риском (Vincente-Benito, Ramirez-Durán, 2023; Lee et al., 2025). Эти

траектории не являются взаимоисключающими, а могут переплетаться, создавая сложную клиническую картину.

Механизм положительной обратной связи: проблемное использование социальных сетей

Важную роль в поддержании «контура риска» предположительно играет механизм обратной связи, реализуемый через проблемное использование социальных сетей (Problematic Social Media Use, PSMU). Согласно эмпирическим данным, именно проблемный, аддиктивный компонент использования ассоциирован с нарушениями психического здоровья (Finserås et al., 2023). PSMU замыкает порочный круг через описанные ниже взаимосвязанные механизмы.

От социального дистресса к компульсивному поведению. Сами медиаторы, будучи источником психоэмоционального дистресса, могут побуждать к проблемному использованию платформ как дезадаптивной попытке эмоциональной регуляции — «цифровому копингу» (Zhao et al., 2022). Например, нарушение образа тела может способствовать компульсивному потреблению фитнес-контента и практик самопрезентации, что не решает, а еще больше усугубляет исходную проблему.

Эскалация нарушений. В результате возникает замкнутый круг, при котором проблемное использование, вызванное медиаторами, само начинает их интенсифицировать: подпитывает FoMO, углубляет недовольство телом, нарушает архитектуру сна. По данным метаанализа, именно PSMU ассоциировано с нарушениями сна, в то время как общее время использования соцсетей такой связи не показывает (Ahmed et al., 2024).

Закрепление дезадаптивного паттерна. Сформировавшиеся клинические исходы (депрессия, тревога, РПП), в свою очередь, способствуют консолидации PSMU, превращая его в ригидный поведенческий стереотип и основной, хотя и дезадаптивный, способ социального существования. Эмпирические данные подтверждают наличие связи: распространенность депрессивных расстройств у лиц с PSMU достигает 73,8%, а тревожных — 93,9% (Ahmed et al., 2024).

Таким образом, триггеры, медиаторы и клинические исходы формируют три основных уровня гипотетического «контура риска». PSMU, выступая одновременно и причиной, и следствием нарушений, замыкает порочный круг через механизм обратной связи, что преобразует линейную цепь «триггер-медиатор-исход» в устойчивую и самоподдерживающуюся систему (см. рис. — левая часть схемы).

Модуляция «контура риска»

В предлагаемой модели «контура риска» не функционирует изолированно. Его запуск и интенсивность модулируются факторами, которые либо повышают восприимчивость подростка к дезадаптивным паттернам, либо обеспечивают устойчивость. Эти модуляторы не являются элементами самого «контура риска», а выступают в роли механизмов, усиливающих или ослабляющих связи между его компонентами.

Факторы уязвимости

Нейробиологические особенности подросткового возраста (недостаточность самоконтроля на фоне гиперактивности лимбической системы и относительной незрелости префронтальной коры) создают универсальную основу уязвимости к дезадаптивным формам

социального подкрепления (Paus, 2024). Биологическая основа дополняется индивидуальными психологическими особенностями. Низкая самооценка и перфекционизм усиливают зависимость от внешней валидации, социальная тревожность подталкивает к замещению реального общения более контролируруемыми цифровыми суррогатами, а импульсивность затрудняет отказ от постоянной проверки уведомлений (Zhao et al., 2022).

Индивидуальные предпосылки часто усугубляются средовыми факторами. Низкий уровень родительской поддержки и мониторинга, семейные конфликты создают ситуацию, когда цифровая среда становится компенсаторным пространством для социализации (Campos et al., 2021). Офлайн-изоляция и опыт традиционного буллинга повышают уязвимость к онлайн-агрессии. В совокупности эти факторы формируют индивидуальный контекст уязвимости, который может значительно усиливать сигнал внутри «контура риска».

Факторы устойчивости

Противовесом «контуру риска» служит система устойчивости. Развитые навыки саморегуляции и критического мышления позволяют осознанно управлять цифровым потреблением и трезво оценивать недостижимые стандарты в соцсетях, создавая «когнитивный иммунитет» (Qi, Yang, 2024). Высокая самооценка снижает зависимость от внешней валидации и уязвимость к психотравмирующему воздействию кибербуллинга.

Поддерживающие детско-родительские отношения и конструктивная родительская медиация формируют фундамент для безопасного освоения цифрового мира (Liu et al., 2023; Корниенко и др., 2025). Каче-

ственные офлайн-отношения и вовлеченность в реальные, а не только цифровые, активности создают позитивный контекст социализации, снижающий зависимость от цифрового пространства как единственного источника общения и самореализации.

Позитивный потенциал цифровой среды

Позитивный онлайн-опыт способствует формированию здоровых путей цифровой социализации, которые конкурируют с рисками за внимание и психологическую вовлеченность подростка, тем самым ослабляя связи в «контуре риска». Так, практика творческого самовыражения (ведение блога, цифровое искусство) и участие в конструктивных сообществах по интересам развивают самоэффективность (Волкова, 2025), а социальная поддержка, получаемая онлайн, смягчает последствия столкновения с агрессией (Knowles, Danzi, 2025).

Взаимодействие модуляторов

В условиях конвергентной реальности индивидуальные и средовые модуляторы вступают во взаимодействие, формируя непрерывный континуум траекторий психического здоровья. В этом континууме можно выделить два полярных сценария. Подросток с развитой саморегуляцией и семейной поддержкой использует цифровую среду для расширения социальных связей и самореализации (Волкова, Сорокумова, 2024). Столкнувшись с цифровой угрозой, он с высокой вероятностью сможет погасить негативную цепь реакций на ранних стадиях. В противоположность этому, для подростка с множественными уязвимостями даже незначительный цифровой инцидент может запустить самоусиливающийся каскад проблем.

Таким образом, предлагаемая модель описывает не жесткую дихотомию «здоровье-болезнь», а динамическую систему, в которой траектории

психического здоровья зависят от баланса между активностью «контура риска» и мощностью модуляторов (см. рис.).

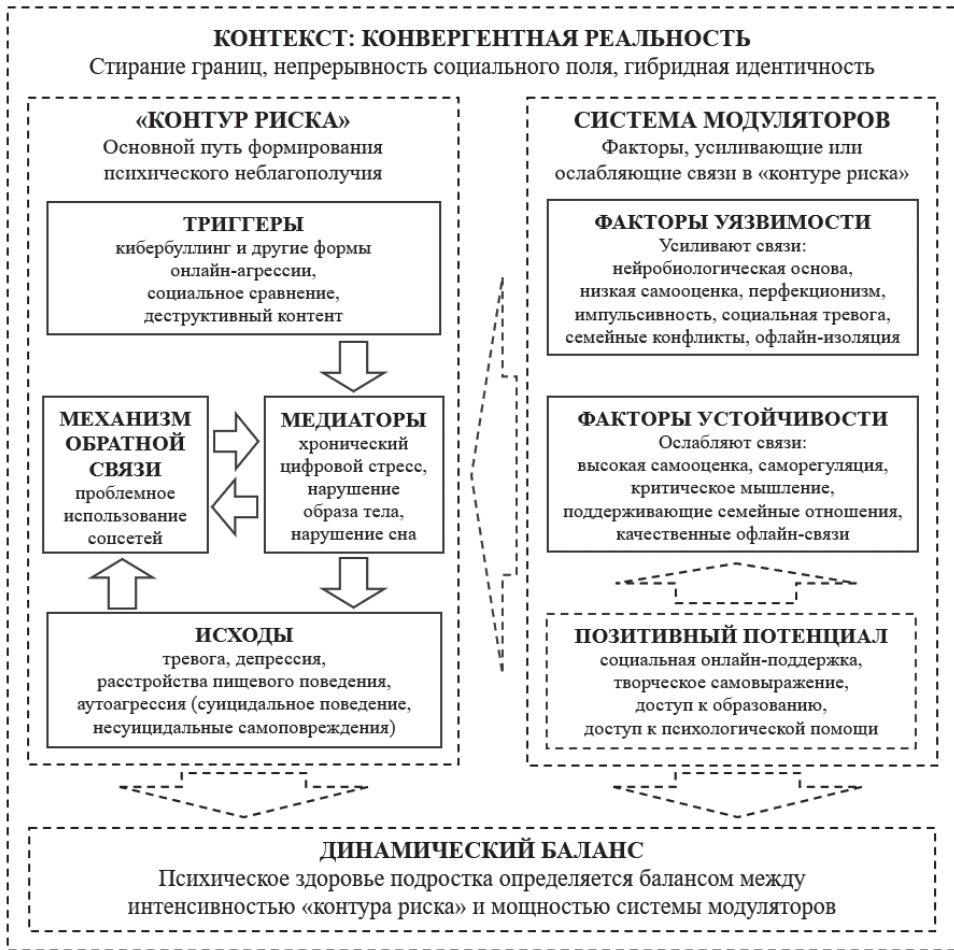

Рис. Интегративная модель влияния цифровой социализации на психическое здоровье подростков: сплошные стрелки — основной путь развития «контура риска» от триггеров через медиаторы к клиническим исходам, поддерживаемый механизмом обратной связи; пунктирные стрелки — влияние модуляторов (факторов уязвимости/устойчивости), усиливающих или ослабляющих связи внутри «контура риска» и определяющих итоговое влияние на психическое здоровье

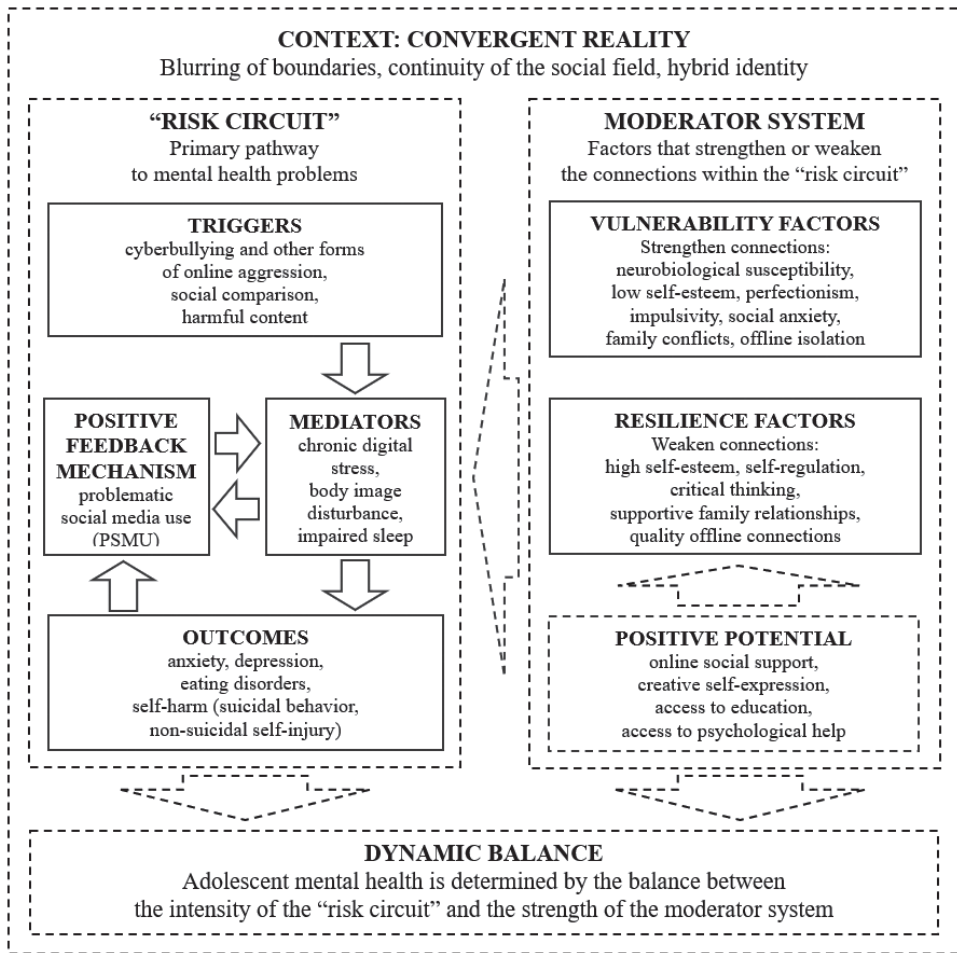

Fig. An integrative model of the impact of digital socialization on adolescent mental health; solid arrows represent the primary pathway within the “risk circuit” – from triggers through mediators to clinical outcomes, supported by the feedback mechanism; dashed arrows represent the influence of moderators (vulnerability/resilience factors), which strengthen or weaken the connections within the “risk circuit” and determine the ultimate impact on mental health

Обсуждение результатов

Разработанная модель описывает механизмы влияния цифровой социализации на психическое здоровье подрост-

ков. Далее обсуждаются теоретическая валидность модели, ее эвристический потенциал, практическая ценность и пути эмпирической проверки.

Теоретическое основание и системная природа цифровой социализации

Теоретический каркас модели образуют два взаимодополняющих основания: экологический подход и социально-когнитивная концепция цифровой социализации.

Теория экологических систем (Bronfenbrenner, 1979), адаптированная к цифровому контексту, задает общую архитектуру модели. Конструкт «конвергентная реальность» представляет собой развитие идеи экосистемы, которая не просто влияет на подростка, а сливается с его микросистемой, формируя гибридную среду развития и выступая системообразующим контекстом для «контура риска». Факторы уязвимости и устойчивости, в свою очередь, могут рассматриваться как элементы микро-, мезо- и экосистем, модулирующие силу воздействия этой среды.

Социально-когнитивная концепция цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, 2021) наполняет общую архитектуру конкретными психологическими механизмами. Из данной концепции заимствован и операционализирован не только сам конструкт «конвергентная реальность», но и основные измерения цифровой социализации. Социальное сравнение выступает центральным триггером, отражая когнитивный механизм усвоения социальных эталонов. Медиаторы (цифровой стресс, нарушение образа тела) являются аффективно-когнитивными последствиями этого процесса. Концепция «расширенного Я» дает основания интерпретировать проблемное использование социальных сетей (PSMU) как результат глубокой интеграции техносистемы в структуру личности, что

объясняет устойчивость механизма обратной связи в «контуре риска».

Синтез двух подходов позволяет концептуализировать «контур риска» как динамическую структуру, в которой связь онлайн-рисков с клиническими исходами опосредована комплексом взаимно усиливающих медиаторов. Согласно выдвинутой гипотезе, центральную роль в замыкании этого контура играет механизм обратной связи через PSMU, превращающий линейную цепь «причина—следствие» в самоподдерживающуюся систему. Тем самым модель способна объяснить не только возникновение, но и устойчивость траекторий психического неблагополучия в условиях конвергентной реальности.

Конструкт «конвергентная реальность» в данной модели выполняет роль мета-теоретического контекста. Это не измеряемая переменная, а фундаментальная предпосылка, без которой невозможно отразить гибридный характер описанных медиаторов и механизма обратной связи. Именно эта предпосылка объясняет, почему социальные по своей природе взаимодействия (кибербуллинг, социальное сравнение) и усвоение девиантных норм в онлайн-сообществах способны порождать самоподдерживающуюся систему нарушений.

Эвристический потенциал модели

Хотя разработанная модель ориентирована на клинические исходы, ее компоненты (триггеры, медиаторы, модуляторы) могут быть релевантны и для подростков, не имеющих диагностированных психических расстройств. Это позволяет рассматривать модель как потенциально применимую не только для

понимания патологических траекторий, но и для анализа рисков в неклинических популяциях, где описанные механизмы могут действовать в менее выраженной, но качественно сходной форме.

Будучи построенной на основе существующих эмпирических данных, модель тем не менее представляет собой не статичный «слепок» текущей ситуации, а динамическую структуру, способную отражать эволюцию цифровых вызовов. Появление новых угроз, ассоциированных с эрой Web 3.0, — иммерсивных технологий и генеративного искусственного интеллекта (ИИ) — подтверждает концептуальную состоятельность модели.

Иммерсивные технологии способны усиливать выраженность основных атрибутов конвергентной реальности (стирание границ, формирование гибридной идентичности) до крайней степени. Риски социальной дезадаптации в метавселенных встраиваются в описанную модель, повышая нагрузку на медиаторные звенья, в частности, на цифровой стресс и нарушения сна (Kim, Kim, 2023).

Генеративный ИИ может действовать как супер-триггер и супер-медиатор: создание гиперперсонализированного деструктивного контента усиливает триггеры, а формирование патологических отношений с чат-ботами представляет собой новую, опосредованную ИИ форму проблемного использования, замыкающую — аналогично PSMU — петлю обратной связи (Yu et al., 2024).

Таким образом, риски Web 3.0 не отменяют предложенную архитектуру, а интегрируются в нее, демонстрируя, что модель обладает прогностической силой и способна адаптироваться к технологическим инновациям. Это не только под-

тверждает ее адекватность как теоретического инструмента, опирающегося на классические психологические концепции, но и открывает конкретные практические перспективы.

Практические импликации и направления эмпирической верификации модели

Прикладной потенциал модели заключается в смещении фокуса на ключевые связи внутри «контура риска». В отличие от подхода, нацеленного на отдельные элементы (например, уменьшение экранного времени), модель обосновывает стратегию, направленную на два взаимосвязанных аспекта: ослабление патологических связей внутри «контура риска» и укрепление адаптивных механизмов.

1. Коррекция дезадаптивных паттернов цифрового поведения. Понимание PSMU как механизма обратной связи является основанием для разработки методов, нацеленных не на исключение цифровых практик, а на преобразование их характера: обучение осознанному использованию (разрыв связи между цифровым стрессом и PSMU) и техникам цифровой гигиены (ослабление связи «триггер-медиатор»).

2. Развитие адаптивных альтернатив «цифровому копингу». Поскольку компульсивное использование соцсетей служит дезадаптивной попыткой эмоциональной регуляции, критически важным представляется формирование навыков совладания со стрессом и негативными эмоциями в офлайн-пространстве (развитие эмоционального интеллекта, техник саморегуляции), а также укрепление психологических ресурсов, которые могли бы составить конкуренцию мгно-

венному, но деструктивному «обезболивающему» эффекту от погружения в цифровую среду.

Из архитектуры модели вытекают конкретные направления эмпирической верификации, позволяющие сформулировать ряд проверяемых гипотез для будущих исследований.

1. Гипотеза о системной медиации. Связь между онлайн-рисками и симптомами депрессии у подростков опосредована системой взаимосвязанных медиаторов — цифровым стрессом, нарушением образа тела и стойкими нарушениями сна. Проверка требует лонгитюдного дизайна и методов структурного моделирования.

2. Гипотеза о модулирующих факторах. Индивидуальные особенности (саморегуляция, самооценка) и социальные факторы (поддержка родителей, качество офлайн-отношений) модулируют связь между воздействием деструктивного контента и нарушением образа тела; сила этой связи значимо ниже в группе с высокими показателями протективных факторов. Для проверки подходят кросс-секционные исследования с регрессионным анализом.

3. Гипотеза об обратной связи. PSMU выступает не просто следствием, но и предиктором усиления медиаторных звеньев в рамках положительной обратной связи. Лонгитюдные данные должны показать двунаправленную связь (например, цифровой стресс является предиктором PSMU, которое, в свою очередь, становится предиктором усиления стресса и нарушений сна при последующих измерениях).

4. Гипотеза о целостности системы. Интегративная модель, включающая все предложенные элементы, лучше соответствует эмпирическим данным, чем упро-

щенные модели, учитывающие только прямые связи цифровой активности с психическим здоровьем. Верификация возможна методами сетевого анализа.

Кроме того, перспективным направлением является изучение нейробиологических коррелятов отдельных компонентов модели и связей между ними. Это позволит перейти к созданию комплексных интервенций, нацеленных одновременно на психологические, поведенческие и нейробиологические механизмы.

Заключение

Основным научным итогом настоящего теоретического исследования является разработка интегративной модели влияния цифровой социализации на психическое здоровье подростков. Новизна работы заключается в синтезе существующих данных, позволившем представить цифровую социализацию как систему взаимосвязанных социально-психологических механизмов. Предполагается, что в условиях конвергентной реальности эта система может приобретать патологический, самоподдерживающийся характер.

Практическая значимость модели видится в том, что она может служить концептуальной схемой для специалистов (психологов, педагогов) и родителей. Модель обосновывает переход от подсчета экранного времени к точечной диагностике и коррекции: выявлению у подростка конкретных элементов «контура риска», дезадаптивных паттернов социализации и активации соответствующих протективных факторов.

Результаты проведенного теоретического исследования подтверждают исследовательскую гипотезу и позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Концепция «конвергентной реальности» может рассматриваться как адекватный инструмент для описания нового контекста развития подростков, преодолевающий ограничения дихотомии «онлайн-офлайн».

2. Влияние цифровой социализации на психическое здоровье опосредовано не отдельными факторами, а целостным «контуром риска», который гипотетически функционирует как самоподдерживающаяся система с положительной обратной связью.

3. В качестве основных медиаторов в этом контуре рассматриваются цифровой стресс, нарушение образа тела и стойкие нарушения сна.

4. Динамический баланс между активностью «контура риска» и модулирующим воздействием факторов уязвимости и устойчивости вносит вклад в формирование индивидуальных траекторий психического здоровья в конвергентной реальности.

5. Разработанная модель представляет собой теоретическую рамку, обладающую эвристическим потенциалом и позволяющую генерировать проверяемые гипотезы.

Перспективные направления дальнейших исследований включают эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез с применением методологически корректных исследовательских дизайнов; изучение нейробиологических коррелятов компонентов модели; разра-

ботку и оценку эффективности интервенций, направленных на разрыв «контура риска» в его ключевых точках.

Ограничения. Основное ограничение исследования связано с его теоретическим характером. Хотя модель основана на синтезе эмпирических данных, причинно-следственные связи в «контуре риска» требуют верификации с применением таких статистических методов, как лонгитюдное структурное моделирование или сетевой анализ. Модель целенаправленно сфокусирована на детализации механизмов влияния рисков, в связи с чем факторы устойчивости рассмотрены преимущественно как модуляторы, а не как симметричная система. Обобщаемость модели требует проверки в различных популяциях с учетом культуральных и социально-экономических факторов.

Limitations. The primary limitation stems from the theoretical nature of this study. Although the model synthesizes empirical findings, the causal relationships within the “risk circuit” require validation using advanced methods like longitudinal structural equation modeling or network analysis. The model is intentionally focused on elucidating risk mechanisms; consequently, resilience factors are presented primarily as moderators rather than as a symmetrical system. The generalizability of the model needs to be tested across diverse populations, accounting for cultural and socioeconomic factors.

Список источников / References

1. Волкова, Е.Н. (2025). Феномены социализации современных подростков: Pro et contra. *Социальная психология и общество*, 16(2), 23–42. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160203>
Volkova, E.N. (2025). Socialization phenomena of modern adolescents: Pro et contra. *Social Psychology and Society*, 16(2), 23–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160203>

2. Волкова, Е.Н., Сорокоумова, Г.В. (2024). Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации. *Социальная психология и общество*, 15(2), 12–27. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>
Volkova, E.N., Sorokoumova, G.V. (2024). Psychological Criteria of Adolescent Well-being in the Context of Digital Socialization. *Social psychology and society*, 15(2), 12–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>
3. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78–95. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Smirnova, Y.K., Kalimullin, A.M., Semenov, Y.I. (2025). Digital media preferences in late adolescence: challenges of online engagement and the importance of social support. *Social Psychology and Society*, 16(2), 78–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
4. Манчук, В.Т., Терещенко, С.Ю., Шубина, М.В. (2024). Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространенность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность. *Социальная психология и общество*, 15(2), 28–46. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150203>
Manchuk, V.T., Tereshchenko, S.Yu., Shubina, M.V. (2024). Problematic Social Media Use: Terminology, Prevalence, Psychosocial and Somatic Comorbidity. *Social Psychology and Society*, 15(2), 28–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150203>
5. Солдатова, Г.У., Войскунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
Soldatova, G.U., Voiskounsky, A.E. (2021). Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
6. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, 14(3), 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2023). Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Social Psychology and Society*, 14(3), 11–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
7. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Клишевич, А.С. (2023). Смешанная среда с дополненной реальностью: эффекты присутствия в ситуации игрового взаимодействия. *Экспериментальная психология*, 16(2), 4–19. <https://doi.org/10.17759/exrpsy.2023160201>
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Klishevich, A.S. (2023). Mixed Environment with Augmented Reality: The Effects of Presence in Game Interaction Situation. *Experimental Psychology*, 16(2), 4–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exrpsy.2023160201>
8. Шайгерова, Л.А., Шилко, Р.С., Ваханцева, О.В. (2022). Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 73–107. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04>

- Shaigerova, L.A., Shilko, R.S., Vakhantseva, O.V. (2022). Cultural Mediation of the Identity of the Digital Generation: Perspectives on the Analysis of Internet Activity and Social Media. *Moscow University Bulletin. Section 14. Psychology*, 73–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04>
9. Ahmed, O., Walsh, E.I., Dawel, A., Alateeq, K., Espinoza Oyarce, D.A., Cherbuin, N. (2024). Social media use, mental health and sleep: A systematic review with meta-analyses. *Journal of Affective Disorders*, 367, 701–712. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.08.193>
 10. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge: Harvard University Press.
 11. Brown, Z., Tiggemann, M. (2020). A picture is worth a thousand words: The effect of viewing celebrity Instagram images with disclaimer and body positive captions on women's body image. *Body Image*, 33, 190–198. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.03.003>
 12. Campos, L., Verissimo, L., Nobre, B., Morais, C., Dias, P. (2021). Protective Factors in the Use of Electronic Media According to Youth and Their Parents: An Exploratory Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(7), Article 3573. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073573>
 13. Finserås, T.R., Hjetland, G.J., Sivertsen, B., Colman, I., Hella, R.T., Andersen, A.I.O., Skogen, J.C. (2023). Reexploring Problematic Social Media Use and Its Relationship with Adolescent Mental Health. Findings from the “LifeOnSoMe”-Study. *Psychology Research and Behavior Management*, 16, 5101–5111. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S435578>
 14. Gupta, M., Sharma, A. (2021). Fear of missing out: A brief overview of origin, theoretical underpinnings and relationship with mental health. *World Journal of Clinical Cases*, 9(19), 4881–4889. <https://doi.org/10.12998/wjcc.v9.i19.4881>
 15. Irmer, A., Schmiedek, F. (2023). Associations between youth's daily social media use and well-being are mediated by upward comparisons. *Communications Psychology*, 1(1), Article 12. <https://doi.org/10.1038/s44271-023-00013-0>
 16. John, A., Glendenning, A.C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, A., Wood, S., Lloyd, K., Hawton, K. (2018). Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review. *Journal of Medical Internet Research*, 20(4), Article e129. <https://doi.org/10.2196/jmir.9044>
 17. Kim, S., Kim, E. (2023). Emergence of the Metaverse and Psychiatric Concerns in Children and Adolescents. *Journal of Korean Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 34(4), 215–221. <https://doi.org/10.5765/jkacap.230047>
 18. Knowles, E.A., Danzi, B.A. (2025). The Role of Online Social Support in Mental Health: Comparing Rural and Urban Youth. *Children (Basel)*, 12(2), Article 113. <https://doi.org/10.3390/children12020113>
 19. Laughter, M.R., Anderson, J.B., Maymone, M.B.C., Kroumpouzou, G. (2023). Psychology of aesthetics: Beauty, social media, and body dysmorphic disorder. *Clinics in Dermatology*, 41(1), 28–32. <https://doi.org/10.1016/j.clindermatol.2023.03.002>
 20. Lee, J., Choo, H., Zhang, Y., Cheung, H.S., Zhang, Q., Ang, R.P. (2025). Cyberbullying Victimization and Mental Health Symptoms Among Children and Adolescents: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies. *Trauma, Violence, & Abuse*, Article 15248380241313051. <https://doi.org/10.1177/15248380241313051>
 21. Li, J.-B., Lau, J.T.F., Mo, P.K.H., Su, X.-F., Tang, J., Qin, Z.-G., Gross, D.L. (2017). Insomnia partially mediated the association between problematic internet use and depression among secondary school students in China. *Journal of Behavioral Addictions*, 6, 554–563. <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.085>

22. Lissak, G. (2018). Adverse physiological and psychological effects of screen time on children and adolescents: Literature review and case study. *Environmental Research*, 164, 149–157. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2018.01.015>
23. Liu, J., Wu, L., Sun, X., Bai, X., Duan, C. (2023). Active Parental Mediation and Adolescent Problematic Internet Use: The Mediating Role of Parent-Child Relationships and Hiding Online Behavior. *Behavioral Sciences*, 13(8), Article 679. <https://doi.org/10.3390/bs13080679>
24. Madigan, S., Eirich, R., Pador, P., McArthur, B.A., Neville, R.D. (2022). Assessment of Changes in Child and Adolescent Screen Time During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-analysis. *JAMA Pediatrics*, 176(12), 1188–1198. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2022.4116>
25. Merino, M., Tornero-Aguilera, J.F., Rubio-Zarapuz, A., Villanueva-Tobaldo, C.V., Martín-Rodríguez, A., Clemente-Suárez, V.J. (2024). Body Perceptions and Psychological Well-Being: A Review of the Impact of Social Media and Physical Measurements on Self-Esteem and Mental Health with a Focus on Body Image Satisfaction and Its Relationship with Cultural and Gender Factors. *Healthcare (Basel)*, 12(14), Article 1396. <https://doi.org/10.3390/healthcare12141396>
26. Orsolini, L., Reina, S., Longo, G., Volpe, U. (2024). “Swipe & slice”: decoding digital struggles with non-suicidal self-injuries among youngsters. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1403445. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2024.1403445>
27. Qi, C., Yang, N. (2024). Digital resilience in Chinese adolescents: a portrayal of the current condition, influencing factors, and improvement strategies. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1278321. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2024.1278321>
28. Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P.J., Hellemans, K.G., Guimond, S. (2022). Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Mental Health*, 9(4), Article e33450. <https://doi.org/10.2196/33450>
29. Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., lafsson, K., Livingstone, S., Hasebrink, U. (2020). EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. *EU Kids Online*. <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj01of0>
30. Steele, R.G., Hall, J.A., Christofferson, J.L. (2020). Conceptualizing digital stress in adolescents and young adults: Toward the development of an empirically based model. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 23(1), 15–26. <https://doi.org/10.1007/s10567-019-00300-5>
31. Verduyn, P., Gugushvili, N., Kross, E. (2021). The impact of social network sites on mental health: distinguishing active from passive use. *World Psychiatry*, 20(1), 133–134. <https://doi.org/10.1002/wps.20820>
32. Vincente-Benito, I., Ramírez-Durán, M.D.V. (2023). Influence of Social Media Use on Body Image and Well-Being Among Adolescents and Young Adults: A Systematic Review. *Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services*, 61(12), 11–18. <https://doi.org/10.3928/02793695-20230524-02>
33. Ye, X.L., Zhang, W., Zhao, F.F. (2023). Depression and internet addiction among adolescents: A meta-analysis. *Psychiatry Research*, 326, Article 115311. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115311>
34. Yu, Y., Liu, Y., Zhang, J., Huang, Y., Wang, Y. (2024). Understanding Generative AI Risks for Youth: A Taxonomy Based on Real-World Harm. *arXiv preprint*, Article 2502.16383. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.16383>
35. Zhao, J., Jia, T., Wang, X., Xiao, Y., Wu, X. (2022). Risk Factors Associated With Social Media Addiction: An Exploratory Study. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 837766. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.837766>

Попов М.Ю. (2026)
Цифровая социализация в конвергентной
реальности: интегративная модель влияния...
Социальная психология и общество,
17(2), 19–37.

Popov M.Yu. (2026)
Digital socialization in convergent reality: an integrative
model of the impact of online risks on adolescent...
Social Psychology and Society,
17(2), 19–37.

Информация об авторах

Михаил Юрьевич Попов, доктор медицинских наук, руководитель отделения терапии психических расстройств у лиц молодого возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева»), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7905-4583>, e-mail: popovmikhail@mail.ru

Information about the authors

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Science (Medicine), Head of the Department for Treatment of Mental Disorders in Adolescents and Young Adults, V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7905-4583>, e-mail: popovmikhail@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Автор заявляет о соблюдении международных норм публикационной этики в научных журналах.

Ethics statement

The author declares compliance with international standards of publication ethics in scientific journals.

Поступила в редакцию 25.11.2025

Поступила после рецензирования 22.02.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.11.25

Revised 2026.02.22

Accepted 2026.06.16

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Чат-боты и подростки: метафора диалога в новой социальной реальности

Е.Н. Волкова ✉

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация

✉ envolkova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Быстрое включение чат-ботов в повседневные практики ставит перед психологией задачу осмысления нового формата коммуникации, социально-психологическая природа которого и последствия для личностного развития пока недостаточно изучены. Особую значимость проблема приобретает в подростковом возрасте, когда общение выступает ведущей деятельностью и условием становления самосознания, эмпатии, моральных норм, субъектности и способности к построению глубоких отношений. Дефицит эмпирических и теоретических моделей феномена бот-опосредованных коммуникаций подростков определяет актуальность исследования и создает риски необоснованных педагогических и технологических решений.

Цель. Теоретическое осмысление коммуникации подростков с чат-ботами как нового социально-психологического явления: концептуализация данного типа взаимодействия, его дифференциация от реального и виртуального общения «человек—человек», классификация существующих бот-систем и гипотетическое моделирование рисков для личностного развития и позитивной социализации подростков.

Методы. Теоретический анализ, экстраполяция базовых теорий развития личности (ведущая деятельность, социализация, становление субъектности) на бот-опосредованные коммуникации; метод аналогий с использованием данных, полученных при изучении смежных феноменов (коммуникация с роботами, виртуальное общение, интернет-зависимость); сравнительный анализ и классификация.

Результаты. Выделены онтологические различия реального, виртуального и бот-опосредованного общения. Предложена классификация чат-ботов в коммуникативном поле подростков. Приведены данные о распространенности использования чат-ботов среди подростков в США, Великобритании и России. Обоснованы вероятные риски при доминировании бот-опосредованных практик: деформации самосознания, дефицит развития эмпатии, ослабление коммуникативных навыков, снижение когнитивной автономии, упрощение ценностно-смысловой регуляции, ослабление субъектности.

Выводы. Коммуникация с чат-ботами представляет собой самостоятельный тип субъект-объектного взаимодействия, принципиально отличающийся от реального и виртуального общения между людьми. При внешнем сходстве с диалогом она лишена интенциональности, взаимности и персональной ответственности, что создает риски антропологического упрощения и дефицитарных условий для развития личности под-

ростка. Чат-боты могут быть полезным вспомогательным ресурсом в образовательных и поддерживающих практиках, но не должны замещать живое межличностное общение как ключевую среду социализации подростка. Результаты подтверждают необходимость эмпирической верификации предложенной модели рисков, прежде всего в российском культурном контексте, и разработки психолого-педагогических рекомендаций по безопасному и развивающему использованию чат-ботов.

Ключевые слова: подростки, чат-боты, искусственный интеллект, общение, цифровая социализация, личностное развитие, субъект-объектное взаимодействие

Для цитирования: Волкова, Е.Н. (2026). Чат-боты и подростки: метафора диалога в новой социальной реальности. *Социальная психология и общество*, 17(2), 38–52. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170203>

Chatbots and teenagers: the metaphor of dialogue in a new social reality

E.N. Volkova ✉

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

✉ envolkova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. *The rapid integration of chatbots into everyday practices poses a challenge for psychology to conceptualize a new format of communication whose socio-psychological nature and consequences for personality development remain insufficiently studied. This issue becomes especially significant in adolescence, when communication serves as a leading activity and a condition for the development of self-consciousness, empathy, moral norms, agency, and the ability to build deep relationships. The lack of empirical and theoretical models of adolescent chatbot-mediated communication determines the relevance of the study and creates risks of insufficiently grounded pedagogical and technological decisions.*

Objective. *A theoretical understanding of adolescents' communication with chatbots as a new socio-psychological phenomenon: conceptualization of this type of interaction, its differentiation from real and virtual "human–human" communication, classification of existing bot systems, and hypothetical modeling of risks for personality development and positive socialization of adolescents.*

Methods. *Theoretical analysis, extrapolation of basic theories of personality development (leading activity, socialization, development of agency) to bot-mediated communication; method of analogies using data obtained from the study of related phenomena (communication with robots, virtual communication, Internet addiction); comparative analysis and classification.*

Results. *The ontological differences between real, virtual, and bot-mediated communication are identified. A classification of chatbots in the communicative space of adolescents is proposed. Data on the prevalence of chatbot use among adolescents in the United States, Great Britain, and Russia are presented. Probable risks under the dominance of bot-mediated practices are substantiated: distortions in self-awareness, deficits in empathy development, weakening of*

communication skills, reduced cognitive autonomy, simplification of value-meaning regulation, and diminished subjectness.

Conclusions. *Communication with chatbots represents an independent type of subject-object interaction that is fundamentally different from real and virtual human–human communication. Despite its superficial resemblance to dialogue, it lacks intentionality, reciprocity, and personal responsibility, which creates risks of anthropological simplification and deficient conditions for adolescent personality development. Chatbots can serve as a useful supportive resource in educational and assisting practices, but they should not replace live interpersonal communication as the key environment for adolescent socialization. The results confirm the need for empirical verification of the proposed risk model, especially in the Russian cultural context, as well as the development of psychological and pedagogical recommendations for the safe and developmentally supportive use of chatbots.*

Keywords: *adolescents, chatbots, artificial intelligence, communication, digital socialization, personal development, subject-object interaction*

For citation: Volkova, E.N. (2026). Chatbots and teenagers: the metaphor of dialogue in a new social reality. *Social Psychology and Society*, 17(2), 38–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170203>

Введение

В середине 2020-х годов широкое распространение получила коммуникация человека с чат-ботами — программами, которые имитируют человеческое общение через текст или голос в мессенджерах, на сайтах или в приложениях для автоматизации ответов, поддержки и выполнения задач. Массовый характер и интенсивный рост таких коммуникаций находятся в противоречии с глубиной научного понимания их сущности и характера, а вопросы влияния бот-опосредованных интеракций на развитие личности человека, ближайшей и отдаленные последствия такого влияния остаются практически не изученными в психологии. Между тем известно, что общение с другими людьми является ведущей детерминантой личностного развития человека, а качество межличностных коммуникаций определяет содержание и сущность человеческой личности. В подростковом возрасте общение является ведущей деятельностью, в которой

формируются основные личностные новообразования. Именно в этой деятельности формируются самосознание, мировоззрение, моральные нормы, способность к эмпатии и построению глубоких отношений с другими людьми. Именно эта деятельность, будучи полноценно представленной в жизни растущего человека, выступает условием развития механизмов позитивного функционирования и социализации личности, или в случае дефицитарности общения и снижения его качества становится фактором личностных нарушений вплоть до деперсонализации.

Можно с уверенностью утверждать, что сегодня межличностное общение претерпевает серьезные трансформации, обусловленные технологически опосредованными процессами коммуникаций. Начиная с исследований коммуникаций человека и роботов ученые говорят о необходимости расширения понятия социального взаимодействия, традиционно связанного с изучением межличностных

отношений в системе «человек—человек» в сторону признания новых видов взаимодействия с особыми принципами существования и, следовательно, изучения (Моторина, 2023). Коммуникации с чат-ботами претендуют на такой статус. Однако научный дискурс изучения чат-ботов и искусственного интеллекта сегодня сосредоточен преимущественно на технологических аспектах, корпоративных кейсах или философско-этических дилеммах в целом. В этих направлениях существует довольно много исследований, и исследовательское поле продолжает расширяться, в частности, в области прикладной психологии (Фрейманис, 2024). Парадоксально, но исследований, посвященных коммуникациям с чат-ботами среди подростковой аудитории, практически нет: подростки, будучи, возможно, самыми активными и восприимчивыми пользователями этой технологии, остаются в тени академического интереса. Этот дефицит создает серьезный пробел в нашем понимании того, как развивается личность подростка в современном цифровом мире. Существующая картина осложняется почти полным отсутствием кросс-культурных сопоставлений и, что особенно важно, в российском контексте. Большинство доступных статистических данных и аналитических выводов приходит из США и Западной Европы. Проблема коммуникации российских подростков с чат-ботами — это сегодня terra incognita, а без ее изучения любые обобщения и практические рекомендации для психолого-педагогического сопровождения процессов развития личности или конструирования образовательных ресурсов на основе бот-опосредованных технологий рискуют оказаться беспочвенными.

Актуальность изучения коммуникаций с чат-ботами именно в подростковом возрасте, на наш взгляд, обусловлена стечением трех обстоятельств: беспрецедентной скоростью проникновения технологии чат-ботов в нашу жизнь и особенно в подростковую повседневность, сензитивностью подростка к качеству процессов общения, а также неизученностью рисков и последствий такого рода коммуникаций в онтогенетической перспективе. Можно предположить, что интенсивное внедрение чат-ботов в жизнь современных подростков носит характер массового, но краткосрочного увлечения и не представляет собой серьезную проблему. Однако основания для подобного оптимизма довольно зыбкие. Существует по меньшей мере две группы факторов, снижающих уровень безопасности. С одной стороны, появляются и развиваются не имеющие аналогов технологические новшества, такие как, например, импульсные нейронные сети в разных классах интеллектуальных устройств с нейроморфной архитектурой и принципами работы, схожими с принципами работы человеческого мозга, или технологии мобильной связи пятого поколения (5G), которые меняют масштаб и доступность коммуникаций, создавая еще более технологически взаимосвязанное общество. С другой стороны, психологические особенности подростка, оставаясь универсальными для разных периодов человеческой истории, специфически модифицируются в цифровую эпоху, проявляясь в феноменах гиперподключенности и сопряженных с ним рисками интернет-зависимостей (Солдатова, Илюхина, 2021), цифрового самоповреждения (Волкова, Орлова,

2025); одиночества в толпе (Turkle, 2011) и других, демонстрируя угрозу психологическому благополучию и позитивной социализации подростков.

Цель статьи — в теоретическом осмыслении феномена коммуникации подростков с чат-ботами как нового социально-психологического явления. В условиях ограниченного количества прямых эмпирических данных наше исследование направлено на концептуализацию данного типа взаимодействия путем дифференциации его от смежных форм общения (реального и виртуального), классификацию существующих бот-систем и гипотетическое моделирование рисков их использования для личностного развития подростков. Основным методом выступала экстраполяция базовых теорий о развитии личности в подростковом возрасте (идеи об общении как ведущей деятельности, концепции социализации и становлении субъектности) на новый, эмпирически малоизученный объект — бот-опосредованные коммуникации подростков. Мы использовали метод аналогий, позволяющий перенести данные, полученные при изучении смежных феноменов (коммуникации с роботами, виртуальное общение, интернет-зависимость, цифровая социализация), для обоснования выводов и заключений. Дополнительно использовались методы сравнительного анализа (для дифференциации типов общения) и классификации (для упорядочивания типов чат-ботов).

Результаты

Реальное, виртуальное и бот-опосредованное общение

Для понимания специфического влияния чат-ботов на развитие личности необ-

ходимо дифференцировать онтологические различия форм коммуникации, в которые погружен современный подросток.

Реальное межличностное общение представляет собой биопсихосоциальный процесс с эволюционными корнями, базирующийся на непосредственном физическом присутствии, вовлекающем все сенсорные системы человека. Это взаимодействие двух и более субъектов, наделенных сознанием, интенциональностью и собственной волей. Значительная доля информации в межличностном общении передается через невербальные каналы: выражения лица, интонации, позы, тактильные контакты, запахи. В таком общении происходит непроизвольное эмоциональное заражение, формирование доверия и привязанности. Контекст общения (место, время, социальная ситуация) играет ключевую роль для интерпретации смыслов. Обратная связь является немедленной, полимодальной и субъективно окрашенной. Стили общения определяются уникальным сочетанием установок, интересов и эмоциональных состояний всех участников взаимодействия. Именно в этой среде, через столкновение с другим человеком, происходит становление собственного «Я» подростка.

Виртуальное общение между людьми (социальные сети, форумы, мессенджеры) представляет собой сохраненный антропогенный процесс (взаимодействуют два субъекта), но опосредованный цифровыми технологиями. Коммуникация здесь сохраняет, хотя и в редуцированной форме, субъективные переживания и опыт. Трансформации субъект-субъектного взаимодействия, опосредованного технологиями, затрагивают преимущественно структуры самосознания

личности: на уровне самопрезентации, например, возникает «цифровое Я» — аватары, ники, тщательно отобранный контент (Белинская, Гавриченко, 2018), а стилевые характеристики общения часто являются проекцией этих идеализированных или фантазийных образов. Процессуальные характеристики общения также изменяются: невербальные проявления компенсируются эмодзи, стилистическими гиперболами; контакт характеризуется возможностью задержки ответа, паузы, редактирования, что снижает воздействие немедленной реакции. Установленными последствиями этих изменений процесса общения являются расширение круга контактов при возможном эмоциональном обеднении связей (феномен «цифрового одиночества»), конфликт между свободой самовыражения и рисками киберагрессии. Однако, несмотря на опосредованность коммуникационного процесса, виртуальное общение остается взаимодействием субъектов, обладая распределенной ответственностью и эмоциональной подлинностью (Кириухина, 2021).

Коммуникация с чат-ботами представляет собой принципиально иной, субъект-объектный тип взаимодействия. Это функционально-инструментальное отношение с алгоритмической системой, симулирующей диалог. Главное онтологическое отличие коммуникации с чат-ботом — это отсутствие сознания, субъектности и интенциональности у одной из сторон. Чат-бот не порождает смыслы, не обладает переживаниями, его «личность» — продукт статистического анализа паттернов языка и предсказания вероятных ответов на основе обучения на больших данных.

Однако субъективное восприятие коммуникаций с чат-ботами не выявляет их субъект-объектную природу. Часто в восприятии пользователя диалог с чат-ботом, являясь по сути семиотической иллюзией, воспринимается как диалог с равноценным партнером (Janson, 2023). В этом диалоге с помощью специальных шаблонов, имитирующих понимание и эмпатию («Мне жаль это слышать»), создается видимость сочувствия и принятия. Подобная имитация — результат алгоритмической обработки, а не подлинного переживания. Интеракция с чат-ботом всегда направлена на решение прагматической задачи (получение информации, сервис), а не на установление связи или порождение совместного смысла. Обратная связь в этом процессе лишена субъективности, она предсказуема и обусловлена архитектурой алгоритма.

Таким образом, три формы коммуникации современного подростка принципиально различны. Реальное общение составляет основу человеческой социализации с нередуцируемой эмоциональной глубиной. Виртуальное общение «человек—человек» представляет собой адаптивный компромисс, расширяющий возможности, но несущий риски нарушений развития. Коммуникация «человек—бот» — это инструментальное взаимодействие с симулятором диалога, лишенное интенциональности, взаимности и этического измерения.

Классификация чат-ботов для подростков

Сегодня существует множество чат-ботов, и их можно классифицировать по-разному: по уровню сложности технологий, способу общения

или решаемым задачам. Самый распространенный способ различать чат-боты — по технологиям, которые лежат в их основе. Как правило, чем сложнее технология, тем более «естественным» и самостоятельным является диалог. Для понимания роли чат-ботов в жизни подростков их целесообразно классифицировать по смысловому назначению и решаемым пользовательским задачам, а не только по уровню технологической сложности. В коммуникативном поле подростка можно выделить следующие категории — как универсальные чат-боты на базе ис-

кусственного интеллекта, так и узкоспециализированные, созданные для решения конкретных учебных и образовательных проблем, а также чат-боты для решения личных проблем и общения. Основываясь на комбинационном критерии «смысловое назначение/технологическая сложность», можно привести следующую классификацию чат-ботов для подростков (см. таблицу).

Запросы подростков к чат-ботам можно разделить на несколько категорий:

- **учебные задачи:** подростки активно используют чат-ботов для помощи с домашними заданиями, повторения ма-

Таблица / Table

Классификация чат-ботов в коммуникативном поле подростков
Classification of chatbots in teenagers' communication space

Категория / Category	Примеры / Examples	Назначение / Purpose
Универсальные ИИ-помощники / Universal AI Assistants	ChatGPT, Google Gemini, DeepSeek	Помощь с учебной, поиск информации, создание текстов, дружеское общение / Help with studies, information search, text creation, friendly communication
	Голосовые помощники (Алиса, Маруся) / Voice assistants (Alice, Marusya)	Голосовое взаимодействие, управление устройствами, развлечения / Voice interaction, device control, entertainment
Образовательные и развивающие / Educational and Developmental	Частные/локальные боты в мессенджерах (например, Telegram) / Private/local bots in messengers (e.g., Telegram)	Подготовка к экзаменам (ОГЭ/ЕГЭ), изучение иностранных языков, тренировка через игры и головоломки / Exam preparation (OGE/EGE), learning foreign languages, training through games and puzzles
Психологическая поддержка и просвещение / Psychological Support and Education	«Лучше знать» (Telegram) / “Luchshe znat” (Telegram)	Конфиденциальная помощь при буллинге, конфликтах, психологических проблемах / Confidential help with bullying, conflicts, psychological problems
	«Я рядом» / “Ya ryadom”	Первичная психологическая и информационная помощь подросткам / Primary psychological and informational support for teenagers

Категория / Category	Примеры / Examples	Назначение / Purpose
	Универсальные ИИ-помощники (ChatGPT и др.) / Universal AI assistants (ChatGPT, etc.)	Эмоциональная поддержка, ответы на личные вопросы, обсуждение проблем / Emotional support, answers to personal questions, discussion of problems

Примечание. Классификация построена на основании анализа публичных описаний ботов и их предназначений для использования подростками.

Note. The classification is based on the analysis of public bot descriptions and studies of their use by teenagers.

териала, поддержки в написании текстов и практики языковых навыков;

- **эмоциональная поддержка и личные проблемы:** подростки делятся с ботами интимными переживаниями, спрашивают совета о том, что надеть, как вести сложный разговор с друзьями, а также обсуждают проблемы ментального здоровья;

- **вопросы взросления и здоровья:** подростки ищут у ботов проверенную информацию о физиологии, психологии взросления, отношениях и сексуальном здоровье, особенно когда стесняются или не имеют возможности спросить у взрослых;

- **помощь в сложных ситуациях:** чат-боты, созданные при участии официальных организаций (например, «Лучше знать»), помогают в решении внешних угроз, таких как буллинг в школе, конфликты в семье, кибербезопасность.

Кроме перечисленных в таблице, существуют и другие чат-боты, которые в своих анонсах информируют подростков о том, что они помогают разбираться в эмоциях и управлять ими, ставить и достигать цели, используя диалог с ботом или специальные игры. Однако можно предположить, что поскольку эти сервисы дают структурированные советы и алгоритмы действий без учета индивидуальности подростка и специфики его ситуа-

ции, то в реальности понимания эмоций и развития целеполагания не происходит. Создавая иллюзию дружеского общения, эта коммуникация создает своеобразную зону риска: подросток, особенно одинокий или находящийся в состоянии эмоционального напряжения, может не только получить некорректную информацию, но и сформировать зависимость от симулякра диалога, предпочитая его реальному межличностному общению.

Распространенность чат-бот коммуникаций среди подростков

Исследования американских подростков, проведенные в Pew Research Center (Pew Research Center, 2025), показали, что 64% подростков в возрасте 13–17 лет используют чат-боты, причем около 30% делают это ежедневно, а 4% — «почти постоянно». Эти цифры свидетельствуют о том, что чат-боты сегодня успешно конкурируют с ведущими социальными платформами. Для сравнения, по данным тех же исследований, платформу TikTok ежедневно используют 61% подростков, YouTube — 75%.

Чат-боты широко используются подростками для получения психологической помощи. Так, по данным благотворительного фонда Youth Endowment

Fund (Youth Endowment Fund, 2025), каждый четвертый британский подросток (25%) в течение года обращался к чат-ботам за поддержкой. Среди тех подростков, кто сталкивался с насилием, эта доля возрастает до 40%. Исследователи отмечают большую заинтересованность мальчиков-подростков в такого рода коммуникациях, в частности, для решения задач терапии, общения и создания виртуальных отношений, что эксперты связывают с чрезмерным стремлением соответствовать социальным нормам, правилам и ожиданиям и страхом осуждения в реальном общении.

Многие подростки воспринимают коммуникацию с чат-ботом как разговор с другом (35%, согласно исследованию Internet Matters), а 40% детей доверяют советам чат-бота и готовы им следовать в ситуации выбора (Internet Matters, 2025).

Российские исследовательские данные носят менее структурированный характер, указывая в основном на высокую активность российских подростков в целом в интернет-пространстве. РИА «Новости» со ссылкой на данные Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации (РИА «Новости», 2025) сообщили, что свыше 50% российских подростков 12–17 лет используют искусственный интеллект (однако без специальной спецификации интеракций с чат-ботами) ежедневно. Основными целями являются выполнение учебных задач (60%) и досуг (55%). В локальных исследованиях приводятся несколько иные данные, где чат-боты используют от 39% до 43% подростков (данные по Республике Мордовия и Донецкой Народной Республике (Ушкин, Коваль, 2024)).

Предпочтения подростков распределяются между универсальными и нишевыми ботами и сильно варьируются в зависимости от демографических факторов. Так, ChatGPT — абсолютный лидер в США (59% пользователей-подростков), популярный также в России и Великобритании как многоцелевой инструмент. Character.AI — ведущий бот, специализирующийся на использовании разговорных и ролевых ботов-персонажей. Его применение в США (9%) имеет яркую социально-экономическую специфику: он вдвое популярнее среди подростков из семей со средним и низким доходом. Заметим, что в 2025 году эта платформа, столкнувшись с судебными исками, запретила самостоятельный доступ подросткам. Платформы Gemini (Google) и Meta AI занимают вторые позиции в США (Pew Research Center, 2025).

Подростки 15–17 лет используют чат-боты чаще (68%), чем 13–14-летние (57%). Ежедневное использование также выше среди старшей подростковой группы (31% против 24%) (Pew Research Center, 2025).

Риски чат-бот коммуникаций для личного развития и позитивной социализации подростков

Несмотря на имеющиеся доказательства конструктивного влияния чат-ботов для развития коммуникативных навыков, с целью оптимизации образовательных процессов и получения информации (например, представленные в работах (Ушкин, Коваль, 2024; Рафикова, Воронин, 2025)) обозначим возможные риски бот-опосредованных коммуникаций.

Систематическое и длительное взаимодействие подростков с чат-ботами

создает дефицитарные условия для становления базовых компонентов личности. Формирование самосознания, происходящее через диалог и апробирование идентичности в социальных взаимодействиях, искажается алгоритмической природой бота. Вместо сложной обратной связи от другого человека, пусть и опосредованной цифровыми технологиями, подросток получает оптимизированный, предсказуемый и безоценочный ответ. Это может способствовать снижению адекватности самооценки, лишенной проверки в условиях реального взаимодействия с поливалентной обратной связью. По организации и содержанию коммуникации с чат-ботами напоминают феномен эхо-камеры, описанный в исследованиях влияния интернета (Sunstein, 2001). Этот феномен представляет собой ситуацию, в которой определенные идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путем передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы. Чат-бот как такая же закрытая система, стремясь к согласию с пользователем, может усиливать существующие у подростка, зачастую дезадаптивные, нарративы о себе.

Интеракция с чат-ботом ограничивает развитие механизмов эмпатии у подростка. Установлено, что даже когда текстовая поддержка чат-бота по содержанию идентична, люди оценивают ее как менее эмпатичную, если знают, что она сгенерирована искусственным интеллектом (Perry, 2023). Рассматривая три компонента эмпатии (когнитивный, эмоциональный и мотивационный), автор показывает, что и в социально-ориентированных чат-ботах искусственный

интеллект не способен к аффективной эмпатии (разделению чувств) и не несет эмоциональных издержек, которые в человеческой коммуникации сигнализируют о ценности отношений, а диалог, лишенный подлинных эмоций и невербальных сигналов, не способствует развитию эмпатии. То есть при отсутствии живого невербального контекста не только снижается доверие к источнику, но и со временем атрофируется сама способность различать искренние эмоции и их имитацию.

Чат-бот способен имитировать человеческую речь, но не включен в реальную взаимность и ответственность межличностных отношений. Диалог с ботом построен на бесконфликтной подстройке под пользователя, что лишает подростка практики совместного преодоления непонимания, смены ролей в разговоре и управления эмоциональным напряжением. Для подростка это может означать смещение акцента к своего рода сервисному общению, ориентированному прежде всего на быстрый эмоциональный отклик и инструментальное решение запроса. Качественные исследования с участием подростков показывают, что пользователи позитивно оценивают доступность, нейтральный тон и предсказуемость чат-бота, но одновременно подчеркивают потребность в большей естественности диалога и гибкости ответов (Beilharz et al., 2021). Следовательно, при доминировании бот-опосредованных практик существует риск дефицита тренировки сложных офлайн-навыков: выдерживания неопределенности, распознавания противоречивых сигналов, переговоров в условиях конфликта.

Ценностно-смысловая сфера подростка также может подвергаться искажениям в бот-опосредованных коммуникациях. Чат-бот как носитель усредненных, дерискированных ценностей избегает полемичных позиций, предлагает подростку социально одобряемые формулировки. Между тем подростковое моральное развитие опирается на личностное присвоение ценностей через дискуссию, сомнение и выбор в условиях неопределенности. Чат-боты, особенно в массовых продуктах, чаще предлагают нормативно безопасные и усредненные готовые решения. Это функционально снижает вероятность открытого ценностного конфликта и может укреплять установку на корректный ответ вместо самостоятельного этического суждения. Линейная схема «запрос—ответ» лишена морального измерения, что может создавать иллюзию условности этических границ (Бек, 2000).

В целом, привычка делегировать искусственному интеллекту задачи ведет к утрате контакта с деятельным отношением к себе. Алгоритмы, предлагая оптимальные шаблонные пути на основе усредненных данных, преждевременно закрывают пространство личностного поиска подростка и подрывают развитие его субъектности — способности быть автором своей жизни (Волкова, 2020). Исследования показывают, что чат-бот-интервенции в среднем дают небольшой, но значимый эффект по снижению психологического дистресса, при этом влияние на более широкие показатели благополучия остается менее определенным (Li et al., 2025). Для задач воспитания субъектности это принципиально: снижение текущего напряжения не

тождественно развитию способности к автономному смыслообразованию и ответственному выбору.

Вероятно, коммуникации с чат-ботами не будут способствовать и когнитивному развитию подростка. Поскольку чат-боты предлагают готовые решения, то будет формироваться установка на избегание когнитивной нагрузки и поиска в проблемной ситуации, а мотивация деятельности будет смещаться к получению результата с минимальными затратами. Глубина и самостоятельность в когнитивной обработке информации будут замещаться внешним инструментальным схематизмом. Несмотря на то, что такого рода исследований нам обнаружить не удалось, в близких по содержанию клинически ориентированных работах авторы подчеркивают, что наличие позитивного эффекта на дистресс в коммуникациях подростка с чат-ботами не отменяет вопроса о том, какие именно когнитивные стратегии закрепляются при регулярном обращении к готовым алгоритмическим ответам (Nicol et al., 2022).

Таким образом, являясь симулякром социального взаимодействия, коммуникация с чат-ботами ограничивает развитие личности подростка, подменяя аутентичные, требующие усилий и диалога процессы пассивным потреблением оптимизированных, но экзистенциально пустых алгоритмических реакций.

Заключение

Теоретический анализ позволяет рассматривать коммуникацию подростков с чат-ботами как самостоятельный тип социально-психологического взаимодействия, принципиально отличный от реального и виртуально-

го общения «человек—человек». При внешнем сходстве с диалогом бот-опосредованная коммуникация сохраняет инструментальный характер и не включает взаимность, интенциональность и персональную ответственность, что задает иные условия развития личности и социализации подростков и ограничивает возможность становления зрелой личности, поскольку выхолащивает аутентичные, требующие усилий и диалога процессы самопознания, смыслообразования, эмоционального сопереживания и ответственного действия. Технология, расширяя информационные возможности, одновременно создает риск антропологического упрощения, подменяя сложный диалог с другим человеком и миром в целом пассивным потреблением оптимизированных симулякров.

Представленный анализ открывает несколько перспективных направлений для будущих исследований. Сегодня необходимы долгосрочные исследования, отслеживающие влияние интенсивной коммуникации с чат-ботами в подростковом возрасте на личностные и социальные последствия во взрослой жизни — карьерные траектории, качество отношений, психологическое благополучие (например, по аналогии исследований (Potterton et al., 2022)). Исследовательские приоритеты могут быть сосредоточены в области изучения специфики мотивов, практик и восприятия чат-ботов подростками в российском и других культурных контекстах, где нормы общения, выражения эмоций и обращения за помощью могут кардинально отличаться. Необходимо более тонкое изучение того, как различные типы чат-ботов

(универсальные помощники, терапевтические, игровые) и различные паттерны их использования (инструментальный или эмоционально-зависимый) связаны с конкретными рисками или потенциальными возможностями для развития. Важно выявить индивидуальные (например, уровень рефлексии, критического мышления) и средовые (стиль воспитания, качество реальных социальных связей) факторы, которые могут смягчать негативное влияние или способствовать позитивному, осознанному использованию этой технологии. Кроме того, перспективным направлением является не только изучение рисков, но и проектирование образовательных и развивающих сред, где чат-боты используются дозированно и целенаправленно для усиления, а не подмены человеческого познания, творчества и коммуникации. Широкое распространение чат-ботов в подростковой среде требует анализа долгосрочных эффектов для личностного развития и социализации. Уже имеющиеся эмпирические данные показывают, что чат-боты могут быть приемлемым и потенциально полезным инструментом поддержки, однако их эффективность и безопасность существенно зависят от контекста применения, дизайна взаимодействия и степени сопровождения со стороны взрослых и специалистов (Gabrielli et al., 2020; Nicol et al., 2022; Li et al., 2025).

Ограничения исследования связаны с его теоретико-аналитическим характером и дефицитом прямых российских эмпирических данных.

The limitations of the study are associated with its theoretical-analytical nature and the lack of direct Russian empirical data.

Список источников / References

1. Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
Bek, U. (2000). *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.).
2. Белинская, Е.П., Гавриченко, О.В. (2018). Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности. *Психологические исследования*, 11(60), 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.269>
Belinskaya, E.P., Gavrichenko, O.V. (2018). Self-presentation in virtual space: Phenomenology and patterns. *Psychological Studies*, 11(60), 12. (In Russ.).
3. Волкова, Е.Н. (2020). Психологические особенности субъектности одаренных подростков. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 197, 52–62. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-197-52-62>
Volkova, E.N. (2020). Psychological features of subjectivity in gifted adolescents. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 197, 52–62. (In Russ.).
4. Волкова, Е.Н., Орлова, А.А. (2025). Цифровые и традиционные формы самоповреждения у современных подростков. *Ученые записки Института психологии Российской академии наук*, 5(3), 57–66. <https://scientific-letters.ru/index.php/SLIPRAS/article/view/140>
Volkova, E.N., Orlova, A.A. (2025). Digital and traditional forms of self-harm in modern adolescents. *Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 5(3), 57–66. (In Russ.).
5. Кирюхина, Д.В. (2021). Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 40–47. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100304>
Kiryukhina, D.V. (2021). Online communication of adolescents: Boundaries of normativity. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 10(3), 40–47. (In Russ.).
6. Моторина, Л.Е. (2023). Взаимосвязь человека и робота как феномен социального взаимодействия. *Социальная психология и общество*, 14(1), 38–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140103>
Motorina, L.E. (2023). Human-robot interaction as a phenomenon of social interaction. *Social Psychology and Society*, 14(1), 38–54. (In Russ.).
7. Рафикова, А.С., Воронин, А.Н. (2025). Оценка удобства использования чат-ботов: адаптация опросника BUS-11 на русскоязычной выборке. *Экспериментальная психология*, 18(3), 194–210. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180313>
Rafikova, A.S., Voronin, A.N. (2025). Evaluating the usability of chatbots: Adaptation of the BUS-11 Questionnaire for a Russian-speaking sample. *Experimental Psychology*, 18(3), 194–210. (In Russ.).
8. РИА «Новости» (2025). <https://ria.ru/20251209/ii-2060920025.html>
RIA News (2025). <https://ria.ru/20251209/ii-2060920025.html>. (In Russ.).
9. Солдатова, Г.У., Илюхина, С.Н. (2021). Аутодеструктивный онлайн-контент: особенности оценки и реагирования подростков и молодежи. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(1), 66–91. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290105>
Soldatova, G.U., Ilyukhina, S.N. (2021). Self-Destructive Online Content: Features of Attitude and Response of Adolescents and Youth. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 29(1), 66–91. (In Russ.).

10. Ушкин, С.Г., Коваль, Е.А. (2024). Практики использования чат-ботов с искусственным интеллектом российскими подростками. *Социология науки и технологий*, 15(4), 125–141. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-4-124-141>
- Ushkin, S.G., Koval, E.A. (2024). Practices of using AI chatbots among Russian adolescents. *Sociology of Science and Technology*, 15(4), 125–141. (In Russ.).
11. Фрейманис, И.Ф. (2024). Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2, 250–259. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>
- Freimanis, I.F. (2024). Chatbot as a psychological support tool: research review. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2, 250–259 (In Russ.).
12. Beilharz, F., Sukunesan, S., Rossell, S.L., Kulkarni, J., Sharp, G. (2021). Development of a positive body image chatbot (KIT) with young people and parents/carers: Qualitative focus group study. *Journal of Medical Internet Research*, 23(6), e27807. <https://doi.org/10.2196/27807>
13. Gabrielli, S., Rizzi, S., Carbone, S., Donisi, V. (2020). A chatbot-based coaching intervention for adolescents to promote life skills: Pilot study. *JMIR Human Factors*, 7(1), e16762. <https://doi.org/10.2196/16762>
14. Internet Matters. (2025). Teens, AI and mental wellbeing: New research on chatbot use. *Internet Matters*. <https://www.internetmatters.org/wp-content/uploads/2025/07/Me-Myself-AI-Report.pdf>
15. Janson, A. (2023). How to leverage anthropomorphism for chatbot service interfaces: The interplay of communication style and personification. *Computers in Human Behavior*, 149, 107954. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107954>
16. Li, J., Li, Y., Hu, Y., Ma, D.C.F., Mei, X., Chan, E.A., Yorke, J. (2025). Chatbot delivered interventions for improving mental health among young people: A systematic review and meta-analysis. *Worldviews on Evidence-Based Nursing*, 22(4), e70059. <https://doi.org/10.1111/wvn.70059>
17. Nicol, G., Wang, R., Graham, S., Dodd, S., Garbutt, J. (2022). Chatbot-delivered cognitive behavioral therapy in adolescents with depression and anxiety during the COVID-19 pandemic: Feasibility and acceptability study. *JMIR Formative Research*, 6(11), e40242. <https://doi.org/10.2196/40242>
18. Perry, A. (2023). AI will never convey the essence of human empathy. *Nature Human Behaviour*, 7, 1808–1809. <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01675-w>
19. Pew Research Center. (2025). Teens, Social Media and AI Chatbots 2025. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2025/12/09/teens-social-media-and-ai-chatbots-2025/>
20. Potterton, R., Austin, A., Robinson, L., Webb, D., Allen, K.L., Schmidt, U. (2022). Identity development and social-emotional disorders during adolescence and emerging adulthood: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Youth and Adolescence*, 51, 16–29. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01536-7>
21. Sunstein, C.R. (2001). *Echo chambers: Bush v. Gore, impeachment, and beyond*. Princeton University Press. ISBN 1400809053, 9781400809059.
22. Turkle, S. (2011). *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. N.Y.: Basic Books. ISBN 9780465010219
23. Youth Endowment Fund. (2025). *Children, violence and vulnerability 2025. The fourth annual Youth Endowment Fund report into young people's experiences of violence*. URL: <https://youthendowmentfund.org.uk/reports/children-violence-and-vulnerability-2025>

Волкова Е.Н. (2026)
Чат-боты и подростки: метафора диалога
в новой социальной реальности
Социальная психология и общество,
17(2), 38–52.

Volkova E.N. (2026)
Chatbots and teenagers: the metaphor
of dialogue in a new social reality
Social Psychology and Society,
17(2), 38–52.

Информация об авторах

Елена Николаевна Волкова, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Leading Researcher, Laboratory of child psychology and digital socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 20.01.2026
Поступила после рецензирования 24.03.2026
Принята к публикации 17.06.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.01.20
Revised 2026.03.24
Accepted 2026.06.17
Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда

Я.П. Зверовская ✉, О.Б. Крушельницкая

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ yzverovskaya@bk.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровизация труда меняет не только формы занятости, но и социально-психологические условия профессионального становления молодежи, усиливая неопределенность, множественность карьерных сценариев и роль цифрового признания.

Цель. Проанализировать социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда и актуальные эмпирические исследования по данной теме.

Гипотеза. Цифровизация труда не отменяет базовые механизмы формирования профессиональной идентичности, а модифицирует способы их действия через новые режимы включения, признания и контроля.

Методы и материалы. Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по проблемам профессиональной и социальной идентичности, профессионального самоопределения, цифровой социализации и цифровизации труда; использованы концептуальный, сравнительный и синтетический методы.

Результаты. Выделены ключевые механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда: идентификация, интериоризация норм, социальное сравнение, цифровая самопрезентация, рефлексивное конструирование профессионального «Я» и адаптация к неопределенности. Показано, что в цифровой среде труда они объединяются в три контура: принадлежности, субъектности и репутационно-перформативного измерения.

Выводы. Профессиональная идентичность молодежи в условиях цифровизации труда представляет собой динамическую и многокомпонентную систему, формирующуюся на пересечении принадлежности, автономии и публичной репутации.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, цифровизация труда, молодежь, профессиональная социализация, платформизация занятости, профессиональная неопределенность

Для цитирования: Зверовская, Я.П., Крушельницкая, О.Б. (2026). Социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда. *Социальная психология и общество*, 17(2), 53–70. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170204>

© Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б., 2026

CC BY-NC

Socio-psychological mechanisms for the formation of professional identity of young people in the context of digitalization of labor

Y.P. Zverovskaya ✉, O.B. Krushelnickaya

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ yzverovskaya@bk.ru

Abstract

Context and relevance. *The digitalization of labor is changing not only forms of employment but also the socio-psychological conditions of young people's professional development, increasing uncertainty, a multiplicity of career scenarios, and the role of digital recognition.*

Objective. *To analyze the socio-psychological mechanisms of young people's professional identity formation in the context of the digitalization of labor and propose a conceptual model.*

Hypothesis. *The digitalization of labor does not abolish the basic mechanisms of professional identity formation but modifies their modes of action through new modes of inclusion, recognition, and control.*

Methods and materials. *A theoretical analysis of domestic and international studies on professional and social identity, professional self-determination, digital socialization, and the digitalization of labor is used; conceptual, comparative, and synthetic methods are used.*

Results. *The key mechanisms of young people's professional identity formation are identified: identification, internalization of norms, social comparison, digital self-presentation, reflexive construction of the professional self, and adaptation to uncertainty. It is shown that in the digital work environment, these are combined into three circuits: belonging, subjectivity, and the reputational-performative dimension.*

Conclusions. *Young people's professional identity in the context of digitalized work is a dynamic and multicomponent system formed at the intersection of belonging, autonomy, and public reputation.*

Keywords: *professional identity, digitalization of labor, youth, professional socialization, platformization of employment, professional uncertainty*

For citation: Zverovskaya, Y.P., Krushelnickaya, O.B. (2026). Socio-psychological mechanisms for the formation of professional identity of young people in the context of digitalization of labor. *Social Psychology and Society*, 17(2), 53–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170204>

Введение

Профессиональная идентичность в современной психологии выступает как интегральный показатель того, каким образом субъект связывает собственное «Я» с миром труда, преобразуя внешние требования к профессии во внутренний образ себя как профессионала. Зача-

стую при описании профессионального становления человека в отечественных научных работах использовали относительно устойчивые институциональные контуры (Перинская, 2018):

– линейность карьерных траекторий профессионального развития, что формировало понятный и предсказуемый путь;

- вхождение в профессию через образовательные и организационные структуры;
- становление частью профессионального коллектива, где все участники физически находятся в одном пространстве;
- наличие сравнительно стабильных критериев профессионального признания.

Однако цифровизация труда, включая платформизацию занятости и рост дистанционных форм работы, делает сами контуры профессионального мира более динамичными и размытыми. Вследствие этого исследовательская проблема смещается: в центре внимания оказывается уже не только вопрос выбора профессии, но и вопрос о том, какими социально-психологическими механизмами обеспечивается формирование, удержание и переопределение профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровых изменений рынка труда.

Актуальность данной проблемы определяется несколькими обстоятельствами:

- Во-первых, цифровизация затрагивает не только организационные параметры занятости, но и социально-психологические условия профессионального становления: способы включения в занятость, формы профессионального взаимодействия, критерии оценки результатов, каналы профессионального признания и способы построения карьеры.

- Во-вторых, именно молодежь оказывается наиболее чувствительной к этим изменениям, поскольку ее профессиональное становление протекает в ситуации повышенной неопределенности, множественности возможных сценариев и необходимости раннего самоопределения в условиях нестабильных институциональных рамок. В контексте рассмотрения данной проблематики в

российских реалиях можно отметить, что официальные и исследовательские оценки указывают на значительный охват именно платформенной занятости среди общего числа, при этом возрастной профиль платформенных работников в среднем моложе, чем у занятых в «традиционных» сегментах рынка труда, что придает теме молодежной профессиональной идентичности государственную значимость (Сиявская и др., 2024).

- В-третьих, цифровая среда труда не просто задает новые условия занятости, но и меняет психологические механизмы профессионального становления: усиливает роль цифровой самопрезентации, сетевых профессиональных сообществ, постоянного социального сравнения и рефлексивного конструирования профессионального образа личности.

В рамках настоящего исследования важно раскрыть понятие «молодежь», под данной социально-демографической группой понимаются люди в возрасте от 20 до 35 лет, что соответствует современным российским нормативным и исследовательским подходам к определению молодежи. Выбор именно данного возрастного диапазона обусловлен тем, что указанный период охватывает ключевые этапы профессионального становления личности. Кроме того, именно представители данной возрастной группы в наибольшей степени включены в цифровые формы занятости, платформенный труд и сетевые профессиональные практики, что делает их особенно чувствительными к трансформациям социально-психологических механизмов формирования профессиональной идентичности в условиях цифровизации труда.

Степень разработанности проблемы характеризуется одновременно высоким интересом и существенной теоретической фрагментацией. Отечественные исследования профессионального самоопределения и психологического анализа труда акцентируют субъектность выбора, деятельностную основу профессионального становления и связь профессии с жизненным путем личности. Социально-психологические подходы к идентичности подчеркивают роль идентификации, социального сравнения, групповой принадлежности и признания со стороны значимого сообщества, но в них не всегда достаточно раскрыта специфика именно цифровой среды трудовой деятельности.

При этом современные зарубежные исследования профессиональной идентичности все чаще рассматривают ее не как статичное состояние или завершённый результат профессионального выбора, а как непрерывный процесс «professional identity work» — интерпретации, переосмысления и поддержания человеком собственного профессионального образа в изменяющихся социальных и организационных условиях (Reissner, Armitage-Chan, 2024). В рамках данного подхода профессиональная идентичность понимается как динамическая система, включающая когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты профессионального самоотнесения, а ее формирование связывается не только с усвоением трудовых норм и ценностей, но и с переживанием принадлежности к профессиональному сообществу, признания, соответствия ожиданиям и согласования личных и профессиональных ролей. Исследователи также подчеркивают, что в условиях социальных и тех-

нологических трансформаций идентичность на рабочем месте становится менее устойчивой и требует постоянного рефлексивного конструирования, особенно на ранних этапах профессионального становления молодежи.

Зарубежные исследования, посвященные переходу к взрослости, профессиональной идентичности, карьерной адаптации, цифровой социализации и платформизации занятости, показывают, что у молодых людей возрастает роль нелинейных карьерных сценариев, временной занятости, гибридных профессиональных ролей и публичной цифровой самопрезентации (Amal Nazzal, 2024). Вместе с тем эти линии исследований нередко существуют обособленно: психологические теории идентичности не всегда учитывают трансформацию самой структуры труда, а работы о цифровой экономике и платформенном труде часто описывают социальные условия занятости без достаточного раскрытия внутренних механизмов формирования профессионального Я.

Отличие же настоящей работы состоит в том, что она рассматривает цифровизацию труда не как внешний фон профессионального развития, а как фактор, перестраивающий сами социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности.

В статье предпринимается попытка теоретически связать традицию исследований профессионального самоопределения, социально-психологические подходы к идентичности и современные концепции цифровизации труда и цифровой социализации. Тем самым работа продолжает существующие исследования в части понимания идентичности как социально опосредованного и субъек-

ектно организованного процесса, но отличается от них стремлением построить целостную модель тех механизмов, через которые цифровая среда трудовой деятельности влияет на становление профессионального образа «Я» у молодежи.

Теоретическую основу статьи составляют субъектно-деятельностный подход, раскрывающий роль активности, самоопределения и субъектности в профессиональном становлении личности (Абульханова, 2005; Леонтьев, 1975; Иванова, 2006), социально-психологические подходы к идентичности, акцентирующие значение групповой принадлежности, социального сравнения и признания (Белинская, 2024; Гришина, 2024), а также современные исследования цифровизации труда, платформизации занятости и цифровых опосредованных форм профессионального взаимодействия (Шевчук и др., 2021; Nazzal, 2024). Гипотеза исследования заключается в том, что цифровизация труда не отменяет базовые механизмы формирования профессиональной идентичности, но модифицирует способы их действия.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе и систематизации социально-психологических механизмов формирования профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда, а также в разработке концептуальной модели, объясняющей, каким образом изменение трудовой среды трансформирует процессы профессионального самоопределения, профессиональной социализации и конструирования профессионального «Я».

Материалы и методы

Исследование выполнено как теоретико-обзорная работа на основе анализа

отечественных и зарубежных источников по четырем тематическим блокам:

1. Профессиональная идентичность и профессиональное самоопределение.

2. Социальная идентичность и социально-психологические механизмы групповой принадлежности.

3. Цифровая социализация, сетевое взаимодействие и цифровая самопрезентация.

4. Цифровизация труда, платформизация занятости, алгоритмическое управление, удаленная или гибридная занятость.

В работе использовались теоретический анализ для уточнения содержания и разграничения ключевых понятий, обзор эмпирических исследований последних лет для выделения и обоснования различных подходов к пониманию темы, сравнительный анализ для сопоставления их потенциала и ограничений.

В работе не конструировались собственные эмпирические данные, а теоретические положения формулировались на основе опубликованных исследований, аналитических обзоров и статистических материалов, необходимых для раскрытия рассматриваемой проблемы. Такой подход позволяет соотнести избранные методы с задачами статьи и рассматривать полученные выводы как методологически корректные и концептуально обоснованные.

Результаты

Для начала теоретического анализа необходимо уточнить основные понятия и определения, что позволит нам сформулировать его предмет и сделает дальнейшую работу более научно обоснованной. Таким образом, теоретические результаты данного исследования

будут представлены в четырех взаимосвязанных аспектах: понятийном уточнении предмета анализа, систематизации социально-психологических механизмов формирования профессиональной идентичности, сравнительном анализе релевантных теоретических подходов и авторском синтезе, оформленном в виде концептуальной модели.

В рамках настоящей статьи профессиональная идентичность понимается как относительно устойчивая, но динамически воспроизводимая система самоотнесения субъекта к профессиональному миру. Она включает признание себя субъектом определенной или потенциально возможной профессиональной деятельности, принятие либо критическое переосмысление норм и ценностей профессионального сообщества, интерпретацию собственного опыта через профессиональные категории, а также переживание своей принадлежности и профессионального смысла труда (Щербакова, Осипов, 2024). Таким образом, профессиональная идентичность выражает не только факт включенности в сферу труда, но и внутреннюю согласованность образа себя как профессионала.

При этом есть принципиальные различия между понятиями «профессиональное самоопределение» и «профессиональная идентичность». Если самоопределение представляет собой процесс выбора, постановки целей и задания оснований профессионального пути, то профессиональная идентичность выступает его результатом и одновременно механизмом поддержания целостности личности в рамках избранных или апробируемых профессиональных ролей (Кузнецова, 2025). Иначе говоря, само-

определение задает направление профессионального движения, тогда как идентичность обеспечивает его психологическую интеграцию в образ себя при изменении условий, требований и перспектив.

Более широкий аналитический контекст задает понятие социальной идентичности, фиксирующее принадлежность субъекта к социальным группам и связанную с этой принадлежностью систему норм, сравнений и значений (Иванова, 2006). В этом смысле профессиональная идентичность может рассматриваться как частный случай социальной идентичности, в котором группой выступает профессиональное сообщество, а самоопределение осуществляется через профессиональные роли, стандарты компетентности и символические критерии признания.

С вышеописанными понятиями непосредственно связано другое — профессиональная социализация. Под ней понимается многоуровневый процесс усвоения и интериоризации профессиональных норм, языка, образцов деятельности и способов признания, осуществляющийся через образовательные институты, взаимодействие с представителями профессии и участие в профессиональных практиках (Калинина, Осипова, 2023). В этой логике профессиональная идентичность выступает не просто следствием социализации, а ее внутренним психологическим результатом.

В контексте обсуждаемой темы особую роль приобретает молодежь как социально-психологическая группа, поскольку в рамках цифровизации она приобретает уникальные черты, свойственные во многом только ей: высокая интенсивность идентификационных

проб, относительная незавершенность профессиональной социализации, зависимость от внешних режимов оценивания и признания, а также повышенная чувствительность к неопределенности и множественности будущих сценариев (Чупина и др., 2025). Именно поэтому механизмы формирования профессиональной идентичности в молодежной среде проявляются более отчетливо и одновременно оказываются особенно восприимчивыми к трансформациям современной цифровой среды труда.

В рамках исследования цифровизации необходимо дать определение этому понятию — изменение способов организации, координации и оценивания трудовой деятельности под влиянием цифровых технологий, включая платформизацию занятости, алгоритмическое управление, а также распространение дистанционных и гибридных форм работы (Полякова, 2025). Ключевой теоретический вывод здесь состоит в том, что цифровизация труда меняет не только «каналы выполнения работы», но и социально-психологическую инфраструктуру профессионального становления: способы входа в профессию, формы принадлежности, режимы сравнения и признания, а также практики самопрезентации профессиональных умений.

Продолжая теоретический анализ, удалось выделить взаимосвязанные механизмы, составляющие «процессуальное ядро» формирования профессиональной идентичности молодежи. Их общая функция состоит в том, что они обеспечивают переход от внешне заданных требований профессиональной среды к внутренне поддерживаемому обра-

зу себя как профессионала. У молодежи данный процесс становится более интенсивным, поскольку в мире формируются определенные тенденции к трудовой неопределенности, происходит быстрая смена актуальных профессиональных направлений, а также появляются сложности с самовосприятием в рамках профессиональной деятельности (Ральникова, 2025; Siv-Britt Vj rktomta, Pia Tham, 2024).

В анализируемых нами исследованиях можно выделить следующие социально-психологические механизмы формирования профессиональной идентичности молодежи:

— Идентификация с профессиональной группой, которая связана с самоотнесением к профессиональному сообществу, усвоением его языка, норм, символических границ и представлений о «своих» и «чужих» (Белинская, 2024). В условиях цифровизации труда идентификация все чаще осуществляется не только через «очные» коллективы, но и через сетевые формы принадлежности — профессиональные сообщества, цифровые платформы и иные онлайн-среды.

— Интериоризация профессиональных норм и ценностей (Веретникова, 2023). Иными словами, формирование профессиональной идентичности предполагает перевод внешних требований профессии во внутренние критерии профессионального поведения. Если в традиционной модели эти нормы усваивались преимущественно через непосредственное взаимодействие с профессиональным сообществом, то в цифровой среде значительная часть нормативных ожиданий задается интерфейсом, платформенными правилами, метриками ка-

чества и алгоритмизованными процедурами контроля.

— Социальное сравнение. Существенным механизмом выступает соотнесение себя с референтными фигурами, позволяющее уточнять критерии компетентности, успешности и профессионального признания (Воронина, 2026). В цифровой среде данный механизм становится более интенсивным, поскольку достижения и репутационные показатели других участников оказываются открытыми, количественно выраженными и постоянно доступными для сопоставления.

— Цифровая самопрезентация в условиях цифровизации труда превращается в самостоятельный механизм формирования профессиональной идентичности (Ward van Zoonen, Anu E. Sivunen, Jeffrey W. Treem, 2024). Создание профиля, оформление портфолио, демонстрация кейсов и выстраивание сетевой репутации становятся не только средствами представления себя рынку труда, но и способами конструирования профессионального образа Я.

При этом есть такое понятие, как «квантифицированное оценивание», которое выступает как цифровой режим внешнего признания и контроля, усиливающий действие механизмов социального сравнения, самопрезентации и зависимости от внешних метрик профессиональной ценности.

— Рефлексивное конструирование профессионального Я. Профессиональная идентичность молодежи формируется как процесс осмысления и интеграции разнородного учебного, трудового и личного опыта в относительно целостный образ себя как профессионала. В условиях нестабильных и гибридных траекто-

рий этот механизм приобретает особую значимость, поскольку позволяет поддерживать внутреннюю связность профессионального Я.

Сильная волатильность рынка труда вынуждает собирать собственную профессиональную целостность из разнородного опыта, проектной занятости, временных форм включения в труд и множественных каналов обратной связи. Особенное значение в этом занимают социальные сети, которые диктуют критерии успеха, образцы поведения, модели карьерного продвижения и формы взаимного признания, это, в свою очередь, берет на себя часть функций профессиональной социализации, частично смещая при этом роль устойчивого коллектива в процессе формирования профессиональной идентичности (Гайфуллин, 2024).

— Адаптация к профессиональной неопределенности для молодежи выступает важным механизмом, который связан с изменчивостью рынка труда, множественностью карьерных сценариев и нестабильностью требований. В этой связи значимую роль играют совладающее поведение, саморегуляция, готовность к изменениям и развитие метакомпетенций.

Результатом формирования профессионального «Я» в таких условиях становится не жестко фиксированная, а более подвижная и многокомпонентная профессиональная идентичность. Выходит, что цифровизация труда меняет не только внешние условия профессионального становления молодежи, но и внутреннюю логику формирования образа «Я» в рамках трудовой деятельности, делая его более открытым и чувствительным к цифровым изменениям и социальным взаимодействиям в сети Интернет.

Для дальнейшего изучения данной проблематики необходимо сопоставить теоретические подходы к анализу профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда (табл. 1). Такой подход должен показать необходимость в интегративном подходе при изучении подобных тем, поскольку, как уже было сказано ранее, основная научная проблема по данному вопросу — обособленность исследований по конкретным направлениям изучения: психологические, социальные, рыночно-трудовые и экономические.

Сравнительный анализ показывает, что ни один из рассмотренных подходов не позволяет в полной мере объяснить профессиональную идентичность молодежи в условиях цифровизации труда. Одни подходы лучше раскрывают механизмы групповой принадлежности и признания, другие — биографическую связность, субъектность и самоопределение, третьи — цифровую самопрезентацию и внешние режимы оценивания. Отсюда следует, что анализ данной проблемы требует интегративной модели, поскольку в условиях цифровизации труда профессиональная идентичность молодежи формируется на пересечении принадлежности, автономии и публичной репутации, а значит, должна рассматриваться как многоаспектное явление.

Авторский теоретический синтез опирается на позицию о том, что цифровизация труда изменяет профессиональную идентичность молодежи прежде всего через перестройку механизмов социального признания и контроля, которые «встраиваются» в традиционные механизмы идентичности и меняют их динамику. Платформенные механизмы оценивания и алгоритмического управления не только

усиливают зависимость профессионального Я от внешних сигналов признания, но и создают дополнительные возможности для входа в профессию, апробации различных ролей и выстраивания гибких трудовых траекторий.

Обобщая теоретический анализ, можно сделать вывод, что профессиональная идентичность молодежи в цифровой среде труда формируется как результат взаимодействия трех контуров:

- Контур принадлежности: профессиональные сообщества, нормы, символы.
- Контур субъектности: самоопределение, контроль траектории, преадаптация к неопределенности, метакомпетенции.
- Репутационно-перформативный контур: цифровая самопрезентация, цифровая репутация, публичные метрики признания.

Цифровизация труда выступает модулятором всех трех контуров: переносит принадлежность в сетевые и платформенные формы, повышает требования к субъектности в условиях фрагментированного труда и превращает репутацию в ключевой инструмент доступа к профессиональным возможностям (Стребков, 2023; Urrila Laura и др., 2025).

Для конкретизации теоретических положений исследования представим современные психологические исследования, релевантные анализу профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда (табл. 2). Их сопоставление позволяет выявить, какие именно психологические аспекты — мотивационные, идентификационные, рефлексивные и средовые — рассматриваются в современной научной литературе как значимые для профессионального становления молодежи.

Таблица 1 / Table 1
**Сравнение теоретических подходов к анализу профессиональной идентичности
 молодежи в условиях цифровизации труда**
**Comparison of theoretical approaches to the analysis of professional identity of young people
 in the context of digitalization of labor**

Подход / Approach	Основная идея / Core idea	Объяснительный потенциал / Explanatory potential	Ограничения / Limitations	Цифровизация труда / Labor digitalization
Субъектно-деятельностный (Гатонов, Серебрякова, Минаева, 2025) / Subject-activity	Идентичность формируется в деятельности, выборе и самоопределении / Identity is formed through activity, choice, and self-determination	Раскрывает субъектность, смысл труда и связь личности с профессиональным самоопределением / Explains agency, meaning of work, and the link between identity and career self-determination	Слабо учитывает цифровые режимы контроля и сетевые формы занятости / Weakly addresses digital control and networked employment	Идентичность формируется в гибридных, проектных и фрагментированных формах труда / Identity develops in hybrid, project-based, and fragmented work forms
Социальной идентичности (Шамонов, Бочарова, 2024) / Social identity	Идентичность строится через принадлежность к группе, нормы и сравнение / Identity is built through group belonging, norms, and comparison	Объясняет идентификацию с профессиональным сообществом и механизмы признания / Explains identification with professional communities and recognition mechanisms	Недостаточно раскрывает индивидуальную рефлексию и личную траекторию / Insufficiently explains individual reflection and personal trajectory	Принадлежность все чаще опосредована платформами, рейтингами и цифровыми маркерами / Belonging is increasingly mediated by platforms, ratings, and digital markers
Нарративный (Pirita Jurri, 2023) / Narrative	Идентичность поддерживается через связанный рассказ о профессиональном пути / Identity is maintained through a coherent story about one's professional path	Показывает, как молодежь связывает разрозненный опыт в образ «Я-профессионал» / Shows how young people integrate fragmented experience into the image of "I as a professional"	Слабо учитывает структурные ограничения и алгоритмическое управление / Weakly accounts for structural constraints and algorithmic management	Возрастает роль цифрового портфолио и публичной графики / The role of digital portfolios and public professional biographies increases
Социально-конструкционистский (Ефимова, 2023) / Social constructionist	Идентичность конструируется в коммуникации и самопрезентации / Identity is constructed through communication and self-presentation	Объясняет цифровую самопрезентацию, сетевую репутацию и профессиональный образ Я / Explains digital self-presentation, networked reputation, and the professional self-image	Может недооценивать устойчивые нормы и реальные условия труда / May underestimate stable norms and actual working conditions	Цифровая среда становится пространством постоянного конструирования профессионального Я / The digital environment becomes a space of continuous construction of the professional self

Таблица 2 / Table 2
Психологические исследования, релевантные анализу профессиональной идентичности молодежи в условиях цифровизации труда
Psychological studies relevant to the analysis of youth professional identity under labor digitalization

Предмет исследования / Research focus	Выборка / Sample	Основной результат / Main result	Значение для темы / Relevance to the topic
Эмоционально-личностные предпосылки профессиональной идентичности (Гут и др., 2023) / Emotional-personal predictors of professional identity	82 старшеклассника / 82 school students	Профессиональная идентичность связана с трежностью, учебной мотивацией и копинг-стратегиями; у значительной части респондентов выявлен статус моратория / Professional identity is associated with anxiety, learning motivation, and coping strategies; a significant proportion of respondents demonstrate the status of moratorium	Результаты позволяют рассматривать эмоциональную регуляцию, мотивацию и совладание как значимые психологические предпосылки раннего формирования профессиональной идентичности молодежи / The findings allow emotional regulation, motivation, and coping to be considered significant psychological prerequisites for the early formation of youth professional identity
Профессиональная идентичность студентов в процессе обучения (Корчагин, Лобанова, 2025) / Professional identity of students while training	160 студентов / 160 university students	Более высокий уровень профессиональной идентичности связан с академической мотивацией, рефлексивностью, самоорганизацией и большей включенностью в профессиональную подготовку / A higher level of professional identity is associated with academic motivation, reflexivity, self-organization, and greater involvement in professional training	Исследование показывает, что профессиональная идентичность формируется поэтапно и усиливается по мере включения молодежи в профессионально ориентированную деятельность / The study shows that professional identity is formed gradually and strengthens as young people become involved in professionally oriented activity
Социальная активность и согласованность идентичности молодежи (Шаминов, Бочарова, 2024) / Social activity and identity coherence in youth	442 молодых человека 16–31 года / 442 young people aged 16–31	Формы социальной активности связаны с выраженностью и согласованностью различных идентичностей; активность выступает значимым контекстом идентификационных процессов / Forms of social activity are associated with the salience and coherence of different identities; activity acts as a significant context for identity processes	Полученные данные позволяют интерпретировать профессиональную идентичность молодежи как социально опосредованное образование, поддерживаемое участием, принадлежностью и включенностью в совместные практики / The data make it possible to interpret youth professional identity as a socially mediated construct sustained through participation, belonging, and involvement in shared practices

Предмет исследования / Research focus	Выборка / Sample	Основной результат / Main result	Значение для темы / Relevance to the topic
Цифровая самопрезентация и профессиональная идентичность в онлайн (Nazal, 2024) / Digital self-presentation and online professional identity	30 молодых сотрудников / 30 junior employees	Профессиональная идентичность в интернете формируется через управленческие впечатления, самонаблюдение и разграничение личного и профессионального контента / Online professional identity is shaped through impression management, self-surveillance, and the separation of personal and professional content	Исследование дает основание рассматривать цифровую самопрезентацию как самостоятельный механизм формирования профессионального Я в начале карьерного пути / The study provides grounds to consider digital self-presentation as an independent mechanism of professional self-formation at the beginning of a career path
Копинг-стратегии в период формирования взрослости (Клеменьтева, Иванова, 2023) / Coping strategies in emerging adulthood	Студенты 18–25 лет / Students aged 18–25	Переживание нестабильности и переходности связано с определенными копинг-стратегиями; более адаптивные стратегии сопряжены с большей готовностью к исследованию возможностей и планированию будущего / The experience of instability and transition is linked to specific coping strategies; more adaptive strategies are associated with greater readiness for exploration and future planning	Результаты указывают на значимость адаптации к неопределенности как психологического условия формирования профессиональной идентичности молодежи / The findings indicate the importance of adaptation to uncertainty as a psychological condition of youth professional identity formation
Чувство принадлежности в условиях гибридной работы (Utrilla, 2025) / Sense of belonging in hybrid work settings	16 сотрудников, 32 интервью / 16 employees, 32 interviews	Чувство принадлежности зависит от навыков удаленной работы, виртуальной коммуникации, человеческого контакта и обмена информацией / A sense of belonging depends on remote work skills, virtual communication, human contact, and information exchange	Исследование показывает, что в цифровизированной трудовой среде профессиональная идентичность поддерживается не только индивидуальной активностью, но и переживанием включенности в профессиональные отношения / The study shows that in a digitalized work environment, professional identity is sustained not only by individual agency, but also by the experience of inclusion in professional relations

Современные психологические исследования показывают, что профессиональная идентичность молодежи не сводится к результату индивидуального выбора профессии, а представляет собой динамическое образование, формирующееся на пересечении личностных ресурсов, социальных взаимодействий и цифроопосредованных условий профессионального становления.

Обсуждение результатов

Обобщение представленных исследований позволяет сделать вывод, что профессиональная идентичность молодежи в условиях цифровизации труда формируется под влиянием нескольких взаимосвязанных психологических факторов. К ним относятся эмоционально-мотивационные предпосылки профессионального выбора, включенность в профессионально ориентированную деятельность, социальная активность и переживание принадлежности, цифровая самопрезентация, а также адаптация к неопределенности в изменяющейся трудовой среде. Цифровые платформы, алгоритмические метрики, рейтинги и иные формы цифрового оценивания оказываются включенными в процессы признания, сравнения и самопрезентации, то есть непосредственно участвуют в конструировании образа «Я-профессионал».

Новизна модели состоит в преодолении противопоставления идентичности как групповой принадлежности и идентичности как индивидуального проекта. В условиях цифровизации труда этот феномен складывается как переходная конфигурация, в которой принадлежность поддерживается сетевыми формами участия и признания, а автономия — необ-

ходимостью самостоятельно управлять траекторией, репутацией и профессиональным развитием.

Вместе с тем ряд вопросов остается дискуссионным:

- Квантифицированное оценивание может выступать и ресурсом обратной связи, и фактором психологической уязвимости молодежи;
- Профессиональные сообщества все чаще существуют в гибридных сетевых формах, что усложняет критерии подлинности профессиональной идентичности;
- Транспрофессионализм следует рассматривать не как альтернативу идентичности, а как особый способ ее организации в условиях смены ролей и компетенций.

Ограничения модели связаны с ее теоретическим статусом и обобщающим характером. Она не дифференцирует в достаточной степени особенности различных профессиональных областей, где платформизация, алгоритмическое управление и цифровые инструменты могут влиять на идентичность по-разному. Кроме того, в ней специально не выделен анализ социально-экономических и образовательных неравенств, хотя именно они во многом определяют доступ к ресурсам субъектности и более благоприятным форматам цифровой занятости. Наконец, модель сосредоточена на социально-психологических механизмах и не претендует на описание правовых, институциональных и макроэкономических аспектов цифровизации труда, хотя именно они задают общие рамки профессионального становления молодежи.

Заключение

Профессиональная идентичность молодежи в условиях цифровизации труда

представляет собой динамически поддерживаемую систему самоотнесения к профессиональному миру, формирующуюся не только через профессиональный выбор, но и через механизмы принадлежности, признания, самопрезентации и адаптации к неопределенности. В отличие от профессионального самоопределения, задающего направление и основания выбора, профессиональная идентичность обеспечивает смысловую и психологическую целостность профессионального «Я» в условиях изменяющихся траекторий.

Цифровизация труда перестраивает этот процесс через новые режимы

признания и контроля, в которых платформы, алгоритмическое управление, рейтинги и иные публичные метрики становятся посредниками самооценки, принадлежности и доступа к профессиональным возможностям. Это одновременно расширяет возможности входа в профессию и ролевого экспериментирования, но усиливает зависимость идентичности от внешнего оценивания, что делает необходимым интегративный анализ, объединяющий контуры принадлежности, субъектности и репутационно-перформативного измерения.

Список источников / References

1. Абульханова, К.А. (2005). Принцип субъекта в отечественной психологии. *Психология*, 2(4), 3–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/psychology/archive/2005_n4/25435 (дата обращения: 21.03.2026).
Abul'khanova, K.A. (2005). The Principle of the Subject in Russian Psychology. *Psychology*, 2(4), 3–21. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psychology/archive/2005_n4/25435 (viewed: 21.03.2026).
2. Белинская, Е.П. (2024). Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы. *Социальная психология и общество*, 15(4), 5–11. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>
Belinskaya, E.P. (2024). The Relationship Between Social and Personal Identities: The Current State of the Problem. *Social Psychology and Society*, 15(4), 5–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>
3. Веретенникова, В.Б. (2023). Профессиональная идентификация в профессиональном самоопределении студентов — будущих педагогов. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(175), 11–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identifikatsiya-v-professionalnom-samoopredelenii-studentov-buduschih-pedagogov> (дата обращения: 09.03.2026).
Veretennikova, V.B. (2023). Professional Identification in the Professional Self-Determination of Students — Future Teachers. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*, 2(175), 11–19. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identifikatsiya-v-professionalnom-samoopredelenii-studentov-buduschih-pedagogov> (viewed: 09.03.2026).
4. Воронина, Е.С., Строй, Г.В. (2026). Роль социальных сетей в формировании самооценки подростков. *Вестник науки*, 1(94), 1344–1350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-formirovanii-samootsenki-podrostkov> (дата обращения: 21.03.2026).
Voronina, E.S., Stroi, G.V. (2026). The Role of Social Networks in the Formation of Adolescents' Self-Esteem. *Bulletin of Science*, 1(94), 1344–1350. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-formirovanii-samootsenki-podrostkov> (viewed: 21.03.2026).

5. Гайфуллин, А.Ю. (2024). Роль социальных сетей в профессиональном выборе старшеклассников: социологический анализ. *Уфимский гуманитарный научный форум*, 2(18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-professionalnom-vybore-starsheklassnikov-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 09.03.2026).
Gaifullin, A.Yu. (2024). The Role of Social Networks in the Professional Choice of High School Students: A Sociological Analysis. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2(18). (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-professionalnom-vybore-starsheklassnikov-sotsiologicheskiiy-analiz> (viewed: 09.03.2026).
6. Гапонова, С.А., Серебрякова, Т.А., Минаева, Е.В. (2025). Профессиональное самоопределение как условие развития субъектности личности. *Вестник практической психологии образования*, 22(2), 195–207. URL: <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220214>
Gaponova, S.A., Serebryakova, T.A., Minaeva, E.V. (2025). Professional Self-Determination as a Condition for the Development of Personal Agency. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 22(2), 195–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220214>
7. Гришина, Н.В. (2024). Идентичность как проявление целостности личности. *Социальная психология и общество*, 15(4), 12–24. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150402>
Grishina, N.V. (2024). Identity as a Manifestation of Personal Integrity. *Social Psychology and Society*, 15(4), 12–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150402>
8. Гут, Ю.Н., Кабардов, М.К., Жамбеева, З.З., Кошелева, Ю.П., Груша, А.В. (2023). Эмоционально-личностные детерминанты профессиональной идентичности старшеклассников. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 66–84. URL: <https://doi.org/10.17759/pse.2023280103>
Gut, Yu.N., Kabardov, M.K., Zhambeeva, Z.Z., Kosheleva, Yu.P., Grusha, A.V. (2023). Emotional and Personal Determinants of Professional Identity in High School Students. *Psychological Science and Education*, 28(1), 66–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2023280103>
9. Иванова, Н.Л. (2006). Проблема психологического анализа социальной идентичности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3(4), 14–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskogo-analiza-sotsialnoy-identichnosti> (дата обращения: 09.03.2026).
Ivanova, N.L. (2006). The Problem of Psychological Analysis of Social Identity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 3(4), 14–38. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskogo-analiza-sotsialnoy-identichnosti> (viewed: 09.03.2026).
10. Иванова, Н.Л. (2006). Проблема психологического анализа социальной идентичности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3(4), 14–38. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2006-3-4/27109522.html> (дата обращения: 21.03.2026).
Ivanova, N.L. (2006). The Problem of Psychological Analysis of Social Identity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 3(4), 14–38. (In Russ.). URL: <https://psy-journal.hse.ru/2006-3-4/27109522.html> (viewed: 21.03.2026).
11. Калинина, А.В., Осипова, Л.Б. (2023). Профессиональная социализация студентов в системе среднего профессионального образования. *Иновационное развитие профессионального образования*, 2(38), 127–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-1> (дата обращения: 09.03.2026).
Kalinina, A.V., Osipova, L.B. (2023). Professional Socialization of Students in the System of Secondary Vocational Education. *Innovative Development of Vocational Education*, 2(38), 127–134. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-1> (viewed: 09.03.2026).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-professii-sredi-molodezhi> (дата обращения: 09.03.2026).

Churina, I.P., Zhuravleva, L.A., Zarubina, E.V., Simachkova, N.N., Egorov, S.G. (2025). The Problem of Career Choice Among Young People. *Russian Scientific Bulletin*, 1, 312–314. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-professii-sredi-molodezhi> (viewed: 09.03.2026).

21. Шамионов, Р.М., Бочарова, Е.Е. (2024). Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности. *Социальная психология и общество*, 15(4), 94–108. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150407>
Shamionov, R.M., Bocharova, E.E. (2024). The Role of Youth Social Activity in the Expression of Identities and Their Consistency. *Social Psychology and Society*, 15(4), 94–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150407>
22. Шевчук, А.В., Чижова, Д.А., Демина, Д.Е., Чугункова, В.А. (2021). Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 356–381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>
Shevchuk, A.V., Chizhova, D.A., Demina, D.E., Chugunkova, V.A. (2021). The Work of Taxi Drivers Under Algorithmic Management. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 356–381. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>
23. Щербакова, О.И., Осипов, В.П. (2024). Выявление особенностей профессиональной идентичности российских студентов гуманитарного, технического, экономического направлений подготовки. *Вестник университета*, 5, 257–266. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-257-266>
Shcherbakova, O.I., Osipov, V.P. (2024). Identifying the Features of Professional Identity Among Russian Students in Humanities, Technical, and Economic Fields of Study. *University Bulletin*, 5, 257–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-257-266>
24. Björktomt, S.-B., Tham, P. (2024). Building professional identity during social work education: the role of reflective writing as a tool. *Social Work Education*, 43, 2847–2864. <https://doi.org/10.1080/02615479.2023.2297778>
25. Fang, R.T., Saks, A.M. (2022). A self-regulatory model of how future work selves change during job search and the school-to-work transition. *Journal of Vocational Behavior*, 138, Article 103783. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103783>
26. Juppi, P. (2023). Digital Storytelling as a narrative approach to identity and career construction. *Il Capitale Culturale. Studies on the Value of Cultural Heritage*, 14, 49–68. <https://doi.org/10.13138/2039-2362/3133>
27. Nazzal, A. (2024). Professionalize the Personal: Online Professional Identity Using Impression Management Among Junior Employees. *International Journal of Communication*, 18, 4187–4208. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/22850> (viewed: 09.03.2026).
28. Reissner, S., Armitage-Chan, E. (2024). Manifestations of professional identity work: an integrative review of research in professional identity formation. *Studies in Higher Education*, 49(12), 2707–2722. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2322093>
29. Urrila, L., Siiriäinen, A., Mäkelä, L., Kangas, H. (2025). Sense of belonging in hybrid work settings. *Journal of Vocational Behavior*, 157, Article 104096. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2025.104096>
30. Van Zoonen, W., Sivunen, A.E., Treem, J.W. (2024). Algorithmic management of crowdworkers: Implications for workers' identity, belonging, and meaningfulness of work. *Computers in Human Behavior*, 152, Article 108089. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.108089>

Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б. (2026)
Социально-психологические механизмы
формирования профессиональной идентичности...
Социальная психология и общество,
17(2), 53–70.

Zverovskaya Y.P., Krushelnickaya O.B. (2026)
Socio-psychological mechanisms for the formation
of professional identity of young people in the context...
Social Psychology and Society,
17(2), 53–70.

Информация об авторах

Яна Павловна Зверовская, магистр психологии, специалист по УМР, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2223-9450>, e-mail: yzverovskaya@bk.ru

Ольга Борисовна Крушельницкая, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: krushelnickayaob@mgppu.ru

Information about the authors

Yana P. Zverovskaya, Master of Psychology, Specialist in UMR, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2223-9450>, e-mail: yzverovskaya@bk.ru

Olga B. Krushelnitskaya, Candidate of Science (Psychology), Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: krushelnickayaob@mgppu.ru

Вклад авторов

Зверовская Я.П. — разработка концепции, формулировка целей и задач исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Крушельницкая О.Б. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи. Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Zverovskaya Y.P. — development of the concept, formulation of the goals and objectives of the study; annotation, writing and formatting of the manuscript.

Krushelnickaya O.B. — ideas; annotation, writing and formatting of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 11.04.2026

Поступила после рецензирования 18.05.2026

Принята к публикации 17.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.04.11

Revised 2026.05.18

Accepted 2026.06.17

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Трансформация «профессиональной судьбы» как социально-психологический феномен XXI века

Е.Ю. Литвинова ✉, А.В. Погодина, М.А. Харченко, Е.В. Храмов
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
✉ elen-litvinova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современный рынок труда характеризуется нестабильностью, цифровизацией и переходом от модели «пожизненной занятости» к парадигме «пожизненной востребованности» (*lifelong employability*). В этих условиях смена профессии перестает быть исключительным событием, обусловленным внешними обстоятельствами, и превращается в закономерный этап профессионального развития. Однако анализ литературы фиксирует проблему множественности и разрозненности понятий, описывающих данный феномен, а также отсутствие единого теоретического подхода к его объяснению, что затрудняет как дальнейшие научные изыскания, так и разработку практических инструментов психологического сопровождения.

Цель. Теоретический анализ и систематизация психологических подходов к феномену смены профессии, сложившихся в отечественной и зарубежной науке, для привлечения внимания научного сообщества к необходимости построения интегративной модели смены профессии и ее механизмов.

Используемая методология. Анализ, систематизация и обобщение классических и современных отечественных и зарубежных концепций карьерного развития и смены профессии.

Выводы. Феномен смены профессии трансформируется из однократного кризисного события в осознанный, ценностно обусловленный выбор, требующий развития у человека специальных метакомпетенций. Систематизация существующих подходов подтверждает необходимость выработки единой теоретической модели смены профессии, что позволит усовершенствовать практики карьерного консультирования и профессиональной подготовки, ориентированные на многократную смену профессиональной деятельности в течение жизни.

Ключевые слова: профессиональный путь, профессиональная судьба, смена профессии, карьерный переход, повторная профессионализация, модели карьерного развития, карьерное самоуправление, карьерные метакомпетенции, мотивы смены профессии, профессиональная идентичность

Для цитирования: Литвинова, Е.Ю., Погодина, А.В., Харченко, М.А., Храмов, Е.В. (2026). Трансформация «профессиональной судьбы» как социально-психологический феномен XXI века. *Социальная психология и общество*, 17(2), 71–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170205>

© Литвинова Е.Ю., Погодина А.В., Харченко М.А., Храмов Е.В., 2026

CC BY-NC

Transformation of “professional destiny” as a socio-psychological phenomenon of the 21st century

E.Yu. Litvinova ✉, A.V. Pogodina, M.A. Kharchenko, E.V. Khramov
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ elen-litvinova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. *The modern labor market is characterized by instability, digitalization, and a shift from the lifelong employment model to the paradigm of lifelong employability. In these conditions, changing one’s profession ceases to be an exceptional event driven by external circumstances and becomes a natural stage of professional development. However, a review of the literature reveals the problem of multiple and disparate concepts describing this phenomenon, as well as the absence of a unified theoretical approach to its explanation. This hinders further scientific inquiry and the development of practical tools for psychological support.*

Objective. *A theoretical analysis and systematization of psychological approaches to the phenomenon of career change as developed in Russian and international scholarship, aimed at drawing the scientific community’s attention to the need for constructing an integrative model of career change and its underlying mechanisms.*

Methodology. *Analysis, systematization, and synthesis of classical and contemporary Russian and international approaches to career development and career change.*

Conclusions. *The phenomenon of career change is transforming from a singular crisis event into a conscious, value-driven choice that requires the development of specific metacompetencies in an individual. The systematization of existing approaches confirms the need to develop a unified theoretical model of career change. This would improve the practices of career counseling and professional training focused on multiple career transitions throughout an individual’s life.*

Keywords: *professional path, professional destiny, career change, career transition, re-professionalization, career development models, career self-management, career metacompetencies, motives for career change, professional identity*

For citation: Litvinova, E.Yu., Pogodina, A.V., Kharchenko, M.A., Khramov, E.V. (2026). Transformation of “professional destiny” as a socio-psychological phenomenon of the 21st century. *Social Psychology and Society*, 17(2), 71–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170205>

Введение

Современные психологические исследования смены профессии во многом ориентированы на адаптацию человека к нестабильному рынку труда. Варианты карьерного пути, меняющегося на протяжении жизни человека, становятся все более непредсказуемыми из-за увеличения количества специальностей

и возможностей для профессионального развития.

До недавнего времени большинство работников следовало однократно выбранной и определенной карьерной траектории, характеризующейся предсказуемыми переходами, началом и завершением карьерного пути. Сейчас карьерные передвижения больше напо-

минают поиск применения накопленного опыта и компетенций, которые выходят за рамки отдельных организаций, профессий и даже государственных границ. На сегодняшний день проведено множество исследований, посвященных добровольной смене профессии, выявляющих их мотивы, причины и последствия. В них подчеркивается, что смена профессиональной деятельности часто сопровождается стрессом и неопределенностью, но также может приносить ощутимые преимущества, включая повышение квалификации, расширение возможностей на рынке труда и карьерное продвижение (Chena et al., 2025).

Важнейшим современным ключевым трендом в отношении профессиональной деятельности, на наш взгляд, является переход от «пожизненной занятости» к «пожизненной востребованности». Исследователи больше не рассматривают смену работы и даже смену профессии как разовое, исключительное событие. В настоящее время способность оставаться востребованным всю жизнь (*lifelong employability*) является не только желательной с точки зрения качества жизни и сохранения ее уровня, но порой и единственно возможной.

Как отмечает Е.А. Климов в фундаментальном труде «Путь в профессию», выбор профессионального направления неотделим от жизненного пути личности. Автор подчеркивает, что судьба человека в профессии едина и неповторима, поэтому ее осознанное проектирование требует значительных временных и интеллектуальных затрат. В данном контексте особенно значимым является сближение автором категорий «профессиональная деятельность» и «жизненная

траектория» (Климов, 1996). Идея конструирования своего профессионального пути была развита в работах по психологии профессионального самоопределения, субъектности человека в выборе и смене профессиональной траектории (Пряжников, 2008).

В отечественной психологии долгое время феномен смены профессии изучался исключительно в контексте вынужденного ухода из профессиональной деятельности, вызванного социально-экономическими факторами. С психологической точки зрения этот феномен понимался как профессиональная неудача человека, его профессиональная непригодность — у человека «не сложилась его судьба».

В настоящее время явление смены профессиональной деятельности, особенно в середине жизненного пути, когда человек достигает определенного профессионального, карьерного, социального уровня, становится настолько широко распространенным, что требует самого пристального исследовательского внимания. Существующие многочисленные исследования, однако, порождают множественность понятий, обозначающих и само явление смены профессии, и связанные с ним феномены. Многообразие теоретических конструктов и эмпирических исследований порождает попытки их систематизации и обобщения, которые тем не менее остаются фрагментарными и относительно разобщенными. Вместе с тем сам факт их многочисленности не оставляет сомнений в том, что эта проблематика имеет остро актуальный характер как в теоретическом осмыслении для выработки более целостного представления, так и для создания прикладных инструментов.

Множественность понятий, связанных со сменой профессии, в отечественной и зарубежной психологической науке

В отечественной психологии явление, связанное с уходом человека из первоначально выбранной профессиональной деятельности, обозначается различными понятиями. Наиболее распространенным понятием является «*смена профессии*» (Белая, 1996; Намятова, 2002; Горбунова, 2009; Дементий, 2009; Николаев, 2017 и др.). Исследователи выделяют две разновидности — *вынужденную* и *сознательную* смену профессии. Первая обусловлена внешними, не зависящими от работника обстоятельствами, тогда как вторая представляет собой осознанное решение о смене профессиональной деятельности.

В традиционных концепциях сознательная смена профессии рассматривается либо как реориентация, или перероентация, переключение направления деятельности на что-то новое, либо как развитие в иной профессиональной области, которое начинается с нового выбора профессии и сводится к овладению новым опытом и формированию новых профессионально важных качеств. Феномен сознательной смены профессии понимался как неуспех в профессиональной деятельности, профессиональная непригодность или как побочное явление профессионального становления. Этот традиционный подход значительно ограничивал возможности содержательного изучения данного феномена.

В последние десятилетия появились новые подходы. Так, М.В. Клищевская (2001) предлагает рассматривать сознательную смену профессии в контексте профессионального развития не как

профессиональный кризис, а как форму его преодоления, связанного с осознанием невозможности самоактуализации в первоначально выбранной профессии и необходимостью изменения своей профессиональной судьбы. Данный подход перекликается с результатами исследований особенностей повторного выбора профессии, проведенных на выборках взрослых респондентов (Щеколдина, 2006).

В рамках парадигмы непрерывного образования предлагается понятие «*повторная профессионализация (репрофессионализация)*» (Чиркина, 2005; Змеев, 2007; Горшков, 2011; Лебедева, 2014; Будякова, Пронина, 2020; Абдулина, Погодина, 2024 и др.). Трансформация профессиональной структуры современного общества ставит перед специалистами постоянные задачи повышения своего профессионального уровня, приобретения навыков и знаний не только из смежных, но зачастую из новых профессиональных областей, что может приводить к смене профессии.

При описании нового социального явления, связанного с уходом специалистов из первоначальной профессиональной деятельности, также используется термин «*профессиональная мобильность*», под которым понимается умение ориентироваться в изменениях рынка труда, своевременно и оперативно проходить обучение, а в случае необходимости — полностью переквалифицироваться, получив новую профессию. Реализация данной возможности обусловлена наличием у человека определенного набора личностных качеств. К числу таких свойств относятся: способность к автономному принятию решений, развитое чувство ответственности, умение осмысливать собственные действия и внутренние состояния (реф-

лексивность), а также целеустремленность и общий уровень психологической зрелости индивида (Кормильцева, 2013; Михайлова и др., 2015).

Авторами (Котова и др., 2024) предлагается термин «*социально-профессиональная реориентация*». В основу модели психологической готовности к многократной смене профессии положена идея взаимосвязи индивидуальных особенностей, способностей, социального и профессионального опыта человека, осуществляющего новый профессиональный выбор.

Еще одно понятие, которое становится все более распространенным, — *трансфессионализм*. В современной психологии формируется мнение, что на смену понятиям профессии, профессионала и профессионализма приходят понятия трансфессии, трансфессионала и трансфессионализма соответственно (Зеер, Сыманюк, 2018; Дикова, 2019; Мащенко, 2019; Тулупова, 2021). В большинстве работ под трансфессией понимается трансформация профессиональной деятельности на основе синтеза знаний и компетенций, относящихся к разным профессиональным сферам. Это деятельность человека как субъекта труда «поверх» его основной профессии, предполагающая развитие надпрофессиональных компетенций и позволяющая решать комплексные уникальные задачи в ситуациях неопределенности и изменчивости.

В зарубежной литературе самым встречающимся понятием, связанным со сменой профессии, является «*карьерный переход*», причем понятия «карьерный переход» и «смена карьеры» используются как взаимозаменяемые (Sullivan, Al Ariss, 2021).

По мнению Й. Аккерманса и коллег, можно выделить несколько характеристик карьерного перехода: во-первых, карьерный переход подразумевает существенное изменение контекста и содержания работы, во-вторых, включает адаптационные процессы, в-третьих, является осознанным и протяженным во времени проектом (Akkermans et al., 2024).

С точки зрения жизненного цикла (Rudolph, 2016) карьерные переходы могут быть нормативными и возрастными. К ним относятся те, которые привязаны к определенным социально-закрепленным рамкам (окончание школы, получение профессионального образования (Akkermans et al., 2021; Ng et al., 2007; Hirschi, 2010) и выход на пенсию (Wang, Shi, 2014)). К ненормативным относятся переход на другую работу (Fouad, Kozlowski, 2019) и выход на работу после перерыва (van Hoof et al., 2022).

Исследования карьерных переходов значительно активизировались в последнее время, но сосредоточены они в основном на конкретных разовых переходах. В нашем исследовании мы обращаемся скорее к тому, что называется карьерным переходом «с работы на работу», что относят к ненормативным карьерным переходам, не привязанным к конкретным и относительно предопределенным моментам трудовой деятельности. Нередко в течение своей профессиональной жизни люди проходят через ряд ненормативных переходов, поскольку карьера становится все более непредсказуемой и индивидуализированной (McDonald, 2018; Tomlinson et al., 2018). Не в последнюю очередь, и с этим соглашаются многие психологи, изучающие карьеру, такие переходы связаны с непрерывным

профессиональным обучением и развитием, что, в свою очередь, приводит ко все более динамичным и своеобразным моделям карьеры (De Vos et al., 2021; Fouad, Kozlowski, 2019). В результате карьерные переходы все чаще становятся ненормативными.

Большое внимание в зарубежных исследованиях уделяется управлению карьерными переходами: исследования показывают, что успешное управление карьерными переходами влияет на долгосрочный успех в карьере, адаптацию к работе и благополучие (Bauer et al., 2007; Bol et al., 2019; Hirschi, Koen, 2021). Считается, что понимание механизмов карьерных переходов на протяжении всей жизни актуально как никогда.

Вместе с тем у исследователей нет и единого понимания того, что считать сменой профессии. Так, группа авторов из Великобритании (Garthe, Hasselhorn, 2022), обобщая существующие представления, предлагают различать три формы смены профессии: собственно *смена профессии*, то есть переход из одной профессии в другую, — часто сопровождается переквалификацией или дальнейшим образованием и может привести к изменению профессиональной идентичности; *смена работодателя*, то есть переход от одного работодателя к другому, обычно при продолжении трудовой деятельности в той же профессии; *смена рабочего функционала*, то есть изменение перечня решаемых профессиональных задач на том же рабочем месте без перехода в иную профессию или к иному работодателю.

Карьерный переход представляет собой процесс, в ходе которого люди готовятся, проживают и адаптируются к значительным изменениям своей

профессиональной жизни. Несмотря на уникальность каждого из них, существуют определенные закономерности, связанные, например, с необходимостью принятия решения, постановки целей, разработки стратегий их достижения, коррекции поведения. Понимание этих общих процессов, происходящих в рамках конкретных карьерных переходов, позволяет теоретически обосновывать и смоделировать карьерные переходы на протяжении всей жизни (см. также (Sullivan, Al Ariss, 2021)). Это имеет и практическое значение, поскольку поможет специалистам и самим работникам подготовиться и развить определенные критически важные навыки, применимые к карьерным переходам.

Таким образом, анализ многочисленных представлений о смене профессии как социально-психологическом феномене демонстрирует необходимость их систематизации и выработки единой теоретической модели.

Смена профессии в контексте некоторых современных ключевых моделей карьерного развития

Существующие современные теоретические модели чаще всего рассматривают смену профессии как часть карьерного развития, при этом не только как кризис, но и как естественный процесс «конструирования» жизни. Основной акцент сместился с поиска подходящей вакансии на развитие внутренних ресурсов человека. В связи с этим важнейшее значение приобретает образование, которое все чаще определяется как непрерывное обучение на протяжении всей жизни (*lifelong learning*). Создается впечатление, что таково современное

условие выживания на рынке труда и основной инструмент перехода к новой профессии. Смена профессии не фиаско первого выбора, а очередной этап развития профессиональной судьбы человека, в котором непрерывное обучение играет существенную роль, облегчая переход, делая его более мягким, сокращая периоды безработицы.

Трудно переоценить важность развития таких характеристик, как открытость новому опыту, умение учиться (*learnability*), способность осознать и модифицировать неэффективные паттерны профессионального поведения и осваивать новые инструменты. Современное профессиональное обучение должно уделять внимание формированию этих навыков, наряду с профессиональной экспертизой.

Среди основных моделей, на которых строятся многие современные исследования, одно из ведущих мест занимает **теория конструирования карьеры (*Career Construction Theory*)**, разработанная М. Савицкасасом (Savickas, 2005). С точки зрения автора, человек сам формирует свой профессиональный путь, придавая смысл прошлому опыту и будущим целям. Ключевой элемент концепции — понятие *карьерной адаптивности (*Career Adaptability*)*, которая представляет собой способность справляться с переменами в профессиональной жизни через четыре качества: карьерную *озабоченность* будущим (*Concern*), карьерный *контроль* над решениями (*Control*), карьерное *любопытство* к возможностям (*Curiosity*) и *уверенность в успехе (*Confidence*)*. Конкретизируя предложенные характеристики карьерной адаптивности, Савицкасас определяет карьерную озабоченность как

способность смотреть вперед и осознавать, что профессиональное будущее зависит от действий сегодня; карьерный контроль как убежденность в том, что вы имеете право и возможность самостоятельно принимать решения относительно своей работы; карьерное любопытство как перманентный интерес к исследованию новых возможностей, сфер деятельности и вариантов развития; карьерную уверенность как веру в собственную способность реализовать задуманное и преодолеть препятствия на пути к новой цели.

Карьерная адаптивность, по мнению автора и последователей, — это психологический инструментарий, который позволяет человеку успешно справляться с переменами, профессиональными кризисами и неопределенностью на рынке труда, способность применить свой психологический капитал применительно к профессиональной сфере. В рамках теории конструирования карьеры установлено, что адаптационные способности личности превосходят по значимости узкопрофильные профессиональные компетенции, поскольку именно они позволяют своевременно осваивать новые знания при утрате актуальности прежних навыков. Данное обстоятельство приобретает особую весомость в контексте перехода к иной профессиональной деятельности.

Теория поливариативной (протейной) карьеры (*Protean Career*) Д. Холла во главу угла ставит карьеру, за которую отвечает сам человек, а не организация. Холл характеризовал поливариативную карьеру как основанную на самоопределении, произвольности, свободе и росте, определяемую личной системой ценностей (Hall, 2004; Hall et al., 2018; Briscoe et al., 2012). Карьера может быть пред-

ставлена множественными карьерными выборами, с возможностью на каждом приобретать новые компетенции.

Теория Д. Холла дала толчок исследованиям, развивающим, в частности, его идею о карьерных метакомпетенциях: *адаптивности* и *саморегуляции*, гармоничное сочетание которых значительно полезнее для развития карьеры, чем традиционные компетентностные модели. Индивидуумы, успешно совершавшие карьерные переходы, имели особый тип экспертизы, сочетающий когнитивную гибкость, развитую рефлексивность и способность к пересборке профессиональной идентичности (Connolly, Gobet, 2024).

Довольно близкой теории поливариативной карьеры является *концепция «карьер без границ» (Boundaryless Career)* М. Артура и Д. Руссо. Она описывает мир профессиональной деятельности, где границы между компаниями, странами и профессиями прозрачны и преодолеваемы. Основными характеристиками «карьер без границ» являются: *межорганизационная мобильность*, при которой карьерный путь строится через смену работодателей, отраслей и проектов; *субъективность*, утверждающая, что профессиональный успех определяется самой личностью через ее ценности и цели; *наличие системы внешних связей*, особенно профессиональных, которые выходят за пределы одной фирмы; *гибкость* как способность адаптироваться к изменяющимся условиям рынка труда (Arthur, 1994; Arthur, Rousseau, 1996).

Профессиональное признание и рыночная стоимость специалиста определяются его ценностью в профессиональном сообществе и стоимостью на рынке труда, что способствует большему ощу-

щению свободы в профессиональной сфере. С. Салливан и М. Артур (Sullivan, Arthur, 2006) расширили модель, указав, что карьера может быть «безграничной» даже внутри одной компании, если человек психологически открыт новым проектам и внешним взаимодействиям. Изучая смену профессии, исследователи делают акцент на психологической мобильности — внутренней готовности к перемещениям и отсутствию привязки к одному работодателю. При этом успех во многом зависит от накопления «переносимых навыков» (transferable skills), а именно тех компетенций, которые ценятся на рынке труда, и развития социальных связей, которые позволяют легче переходить из одной сферы в другую. Вместе с тем наличие структурных барьеров (возраст, семейные обстоятельства, экономические кризисы) делает такую модель скорее привилегией высококвалифицированных специалистов, чем универсальным правилом.

Интересен подход М. Кошман, которая рассматривает *«карьеру без границ» через модель платформы* — совокупности внутренних и внешних ресурсов человека, позволяющих ему сохранять устойчивость и востребованность при переходах между компаниями, отраслями или ролями для поиска путей профессионального развития в условиях неопределенности. К основным элементам «Платформы» Кошман относит, например, *профессиональную идентичность* (ответ на вопрос «кто я?» через ключевую экспертизу), *социальный капитал* (внешние связи, профессиональные сообщества и личный бренд). Автор указывает, что границы преодолеваются легче, если у специалиста есть «выстро-

енная платформа», которая делает его мобильным и автономным игроком на рынке труда (Кошман, 2022).

Причины и мотивы смены профессии в контексте трансформации профессиональной судьбы

Одним из аспектов изучения смены профессии, вызывающих интерес исследователей, является вопрос, почему люди меняют профессию, когда уже достигнут определенный уровень профессионализма, материального благополучия и социального положения. Нам хотелось бы обратить внимание на то, что зачастую понятия причины смены профессии и мотива смены профессии исследователями не разделяются, рассматриваются взаимозаменяемо.

На наш взгляд, эти понятия необходимо развести. Если говорить о причинах, то к ним следует отнести различные внешние обстоятельства, вынуждающие сменить профессию (экономическая ситуация, изменения социально-профессиональной структуры общества и рынка труда, изменения престижа профессий и даже исчезновение некоторых из них и т.д.) — то есть причины приводят к вынужденной смене профессии. Если же говорить об осознанной (свободной, добровольной, произвольной) смене профессии, то она обусловлена внутренними мотивами, прежде всего, смыслообразующими.

Как показывают результаты исследований отечественных ученых, основными причинами неудовлетворенности первоначальной профессией и вынужденного перехода к новой профессиональной деятельности являются: заработная плата, отношение администрации

к работникам, низкая престижность профессии, слабая реализованность индивидуальных способностей, отсутствие востребованности на рынке труда, должностной статус (Петунова, 2013; Тюрин, 2012 и др.).

Сознательная смена профессии происходит в ситуации, когда человек переосмысливает результаты своей жизни и карьеры, пересматривает жизненные и профессиональные цели, строит новые планы. Основными мотивами смены профессии выступают: стремление к самосовершенствованию и развитию личности; желание расширить свой кругозор, повысить эрудицию; стремление к более высокому социальному статусу; переосмысление своего места в жизни, своего предназначения (Клищевская, 2001; Горбунова, 2009; Николаев, 2017; Попова, 2019; Щербакова, Иноземцева, 2023).

Процесс смены профессии могут инициировать как внешние, так и внутренние факторы. Однако, на наш взгляд, только внутренние факторы способны придать этому процессу осмысленный, добровольный и свободный характер и обусловить отношение к нему как к новому этапу профессиональной жизни, пусть и связанному зачастую с глубокими психологическими переживаниями и решением непростых жизненных задач, но однозначно позитивному для самореализации и развития личностного и профессионального потенциала человека.

Перспективы и ограничения исследования феномена смены профессии

Итак, феномен смены профессии на основе решения, принятого самим человеком, и не являющейся вынужденной

внешними обстоятельствами, все чаще становится объектом интересов исследователей (Lent, Brown, 2020). Однако до сих пор нет единого общего названия для такой смены профессии. Варианты «осознанная смена профессии» или «сознательная смена профессии» нам не кажутся подходящими, поскольку процесс осознания сопровождается и вынужденную смену. Возможно, более удачными были бы «произвольная смена профессии» — акцент на участии произвольных процессов в формировании решения о выборе новой профессии, «свободная смена профессии» или «добровольная смена профессии» в противоположность вынужденной смене. Мы хотим обратить внимание исследователей, работающих над похожей проблематикой, и объединить усилия над обоснованием и формулировкой наиболее подходящей дефиниции.

Существенным ограничением современных исследований смены профессии является то, что крайне незначительная их часть изучает степень успешности карьерных переходов. По мнению некоторых авторов (Akkermans et al., 2021), до сих пор не было предпринято никаких академических попыток проанализировать литературу и имеющиеся данные об успешных карьерных переходах. Еще меньше известно о факторах и обстоятельствах, способствующих успешному переходу в другую профессиональную деятельность. Недостаточно полно, на наш взгляд, разработана система критериев успешности смены профессии. Было бы полезным проведение лонгитюдных исследований, направленных на выяснение отдаленных последствий смены профессии, успешности овладения новыми компетенциями, степени удовлетворен-

ности новой профессиональной деятельностью, трансформации профессиональной идентичности и т.д. Существующие же исследования носят достаточно фрагментарный характер и в большей части опираются на описание конкретных случаев, жизненных историй. Справедливости ради, однако, стоит упомянуть исследование организационных психологов о позитивном влиянии карьерных переходов на организационную приверженность, удовлетворенность и вовлеченность (Weng, McElroy, 2010).

Интересно было бы отдельно изучать неуспешные смены профессии, завершившиеся, например, возвратом к прежней профессиональной деятельности после дополнительного образования или завершением профессиональной деятельности вообще.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что большинство исследователей опирается на студентов как на исследовательскую выборку. Однако в тех случаях, когда смена профессии связана с получением дополнительного или другого образования, исследуя исключительно обучающихся, мы имеем дело не с полноценной сменой профессии, а лишь с возможным выбором того или иного направления дальнейшего профессионального развития. Зачастую мотивация получения дополнительного/другого образования и мотивация смены профессии сливаются. Получение такого образования заранее приравнивается к смене профессии, что не всегда так. Опыт показывает, что многие студенты, получающие дополнительное образование (психологическое, в частности), рассматривают его не как шаг к смене профессии, а как путь к расши-

рению кругозора, форму досуга, способ установления новых социальных контактов, возможность решения личных проблем и т.д. (Литвинова, 2013).

Еще одной проблемой, затрудняющей понимание механизмов смены профессии, является распространенное отношение к ней как к явлению ресурсозатратному, стрессогенному и, в целом, достаточно негативному. Вероятно, это связано со все еще бытующей точкой зрения о скорее вынужденности смены профессии, чем добровольном осознанном выборе. То, что смена карьеры может играть положительную роль в жизни человека, рассматривается существенно реже.

Неоднократная смена профессии становится реальностью, к которой человека необходимо готовить. И тогда, возможно, вынужденная смена профессии будет становиться все более произвольной со всеми вытекающими позитивными психологическими последствиями. Необходимость изучения возможной положительной роли смены карьеры в жизни современного человека, учет индивидуальных предпочтений и мотивов таких переходов, условий и факторов, его облегчающих, позволит прогнозировать и обуславливать успешность смены профессии. Видимо, необходимо по-иному подходить к школьной и студенческой профориентации, ориентируясь на формирование таких моделей компетенций будущего профессионала, где метакомпетенции, связанные со сменой профессии, будут уже «вшиты».

Заключение

Подводя итоги, нам хотелось бы привлечь внимание исследователей, прежде всего организационных психологов, к об-

суждению, обобщению и систематизации уже накопленного материала по этой остро актуальной проблеме, в рамках которой нам представляются наиболее значимыми и важными следующие положения.

1. Феномен смены профессии превращается из однократного события, несущего кризисный негативный характер, в осознанный, добровольный, свободный выбор профессии, основанный на смыслообразующих мотивах и ценностных ориентациях. Именно в этом и заключается суть трансформации профессиональной судьбы человека XXI века.

2. Понимание феномена смены профессии таким образом ставит перед психологами различных специализаций следующие задачи:

– подготовить современного человека к неоднократной смене профессии в течение жизни как к закономерному и необходимому явлению, не несущему негативного характера;

– организовать психологическое сопровождение людей на всех этапах профессионального развития, предполагающего возможные неоднократные смены профессиональной деятельности;

– организовать систему профессионального обучения таким образом, чтобы получали развитие не только узкие профессиональные навыки, но и тот «личный психологический капитал», который человек может реализовывать в ситуации смены профессии;

– разработать программы дополнительного профессионального образования с учетом формирования навыков карьерного самоуправления и развития карьерных компетенций.

3. Все перечисленные нами задачи могут быть эффективно решены толь-

ко совместными усилиями психологического сообщества, направленными на создание современного единообразного подхода к понятийному аппарату, теоретико-методологическим моде-

лям и технологиям обучения, обеспечивающим процесс смены профессиональной деятельности в условиях трансформации карьерной траектории личности.

Список источников / References

1. Абдулина, Ю.А., Погодина, А.В. (2024). Сравнительный анализ профессиональной идентичности в ситуациях первичной и повторной профессионализации. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 9(1), 70–92. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_004
Abdulina, Yu.A., Pogodina, A.V. (2024). Comparative Analysis of Professional Identity in Situations of Primary and Repeated Professionalization. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 9(1), 70–92. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_004 (In Russ.).
2. Белая, О.П. (1996). *Влияние смены профессии на направленность личности: Дисс. ... канд. психол. наук.* Ставрополь.
Belaya, O.P. (1996). *The influence of profession change on personality orientation: Dissertation ... candidate of psychological sciences.* Stavropol. (In Russ.).
3. Будякова, Т.П., Пронина, А.Н. (2020). Специфика мотивов учения и профессиональная успешность в послевузовский период образования. *Перспективы науки и образования*, 1(43), 302–311. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.21>
Budyakova, T.P., Pronina, A.N. (2020). Specifics of learning motives and professional success in the postgraduate period of education. *Prospects of Science and Education*, 1(43), 302–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.21>
4. Горбунова, Г.А. (2009). Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми. *Сибирский педагогический журнал*, 13, 46–50.
Gorbunova, G.A. (2009). Analysis of the reasons for changing the professional profile of adults. *Siberian Pedagogical Journal*, 13, 46–50. (In Russ.).
5. Горшков, М.К., Ключарев, Г.А. (2011). *Непрерывное образование в контексте модернизации.* М.: Институт социологии РАН, ФГНУ ЦСИ.
Gorshkov, M.K., Klyucharev, G.A. (2011). *Continuous education in the context of modernization.* Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Federal State Scientific Institution Center for Contemporary Art. (In Russ.).
6. Дементий, Л.И. (2009). Проблема профессиональной идентичности и маргинальности в ситуации сознательной смены профессии (на примере получения второго высшего психологического образования). *Известия Алтайского государственного университета*, 62(2), 48–53.
Dementiy, L.I. (2009). The Problem of Professional Identity and Marginality in a Situation of a Conscious Change of Profession (Based on Obtaining a Second Higher Psychology Education). *Bulletin of the Altai State University*, 62(2), 48–53. (In Russ.).
7. Дикова, В.В. (2019). Ориентация на развитие как ключевая трансфессиональная компетенция выпускника вуза. *Профессиональное образование и рынок труда*, 4, 66–71. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10407>

- Dikova, V.V. (2019). Orientation towards development as a key transprofessional competence of a university graduate. *Professional Education and Labor Market*, 4, 66–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10407>
8. Зеер, Э.Ф., Сыманюк, Э.Э. (2018). *Психология транспрофессионализма*. Екатеринбург: Юника.
Zeer, E.F., Symanyuk, E.E. (2018). *Psychology of transprofessionalism*. Ekaterinburg: Yunika. (In Russ.).
 9. Змеев, С.И. (2007). *Андрогогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых*. Москва: Пер се.
Zmееv, S.I. (2007). *Andragogy: fundamentals of theory, history, and technology of adult education*. Moscow: Per se. (In Russ.).
 10. Климов, Е.А. (1996). *Психология профессионала*. М., Воронеж: Институт практической психологии.
Klimov, E.A. (1996). *Psychology of the professional*. Moscow, Voronezh: Institute of Practical Psychology. (In Russ.).
 11. Клищевская, М.В. (2001). *Смена профессии как феномен профессионального развития: Дисс. ... канд. психол. наук*. Москва.
Klishchevskaya, M.V. (2001). *Change of profession as a phenomenon of professional development: Dissertation ... candidate of psychological sciences*. Moscow. (In Russ.).
 12. Кормильцева, М.В. (2013). Психологические детерминанты профессиональной мобильности личности. *Инновационные проекты и программы в образовании*, 2, 9–11.
Kormiltseva, M.V. (2013). Psychological determinants of professional mobility of an individual. *Innovative projects and programs in education*, 2, 9–11. (In Russ.).
 13. Котова, С.С., Хасанова, И.И., Холопова, Е.С., Мехоношина, Ю.А. (2024). К проблеме социально-профессиональной реориентации субъектов профессиональной деятельности. *Педагогическое образование в России*, 5, 195–208.
Kotova, S.S., Khasanova, I.I., Kholopova, E.S., Mekhonoshina, Yu.A. (2024). On the problem of socio-professional reorientation of subjects of professional activity. *Pedagogical education in Russia*, 5, 195–208. (In Russ.).
 14. Кошман, М. (2022). *Карьера без границ: как стать свободнее и смелее идти своим путем*. М.: Альпина ПРО.
Koshman, M. (2022). *Career without borders: how to become freer and more bold to follow your own path*. Moscow: Alpina PRO. (In Russ.).
 15. Лебедева, Н.В. (2014). *Психологические механизмы и особенности мотивации учебной деятельности взрослых в системе переподготовки и повышения квалификации*. М.: Перо.
Lebedeva, N.V. (2014). *Psychological mechanisms and features of motivation of educational activity of adults in the system of retraining and advanced training*. Moscow: Pero. (In Russ.).
 16. Литвинова, Е.Ю. (2013). Осознаваемые мотивы поступления в магистратуру с точки зрения непрерывного образования. В: В.В. Гедранович, Н.В. Суша (Ред.), *Образование через всю жизнь: непрерывное образование в целях устойчивого развития: Материалы 11-й международной конференции: 2-ой этап. Выпуск 11, Часть 3* (с. 207–211). Минск: Минский институт управления.
Litvinova, E.Yu. (2013). Perceived motives for entering a master’s program from the perspective of lifelong education. In: V.V. Gedranovich, N.V. Susha (Eds.), *Lifelong learning: lifelong education for sustainable development: Proceedings of the 11th international conference: 2nd stage. Issue 11, Part 3* (pp. 207–211). Minsk: Minsk Institute of Management. (In Russ.).

17. Мащенко, М.В. (2019). Структурная модель трансфессионализма будущего учителя. *Наука и перспективы*, 1, 67–74.
Mashchenko, M.V. (2019). A Structural Model of Transprofessionalism in Future Teachers. *Science and Prospects*, 1, 67–74. (In Russ.).
18. Михайлова, И.В., Седунова, А.С., Гнедова, С.Б. (2015). Субъективные факторы профессиональной мобильности. *Теория и практика общественного развития*, 9, 236–239.
Mikhailova, I.V., Sedunova, A.S., Gnedova, S.B. (2015). Subjective factors of professional mobility. *Theory and practice of social development*, 9, 236–239. (In Russ.).
19. Намятова, И.М. (2002). *Изменение иерархии ценностей труда как условие эффективности профессиональной деятельности при смене профессии: Дисс. ... канд. психол. наук.* Екатеринбург.
Namyatova, I.M. (2002). *Changing the hierarchy of labor values as a condition for the effectiveness of professional activity when changing professions: Dissertation ... candidate of psychological sciences.* Ekaterinburg. (In Russ.).
20. Николаев, М.В. (2017). Психолого-педагогические аспекты смены профессии экономистами. *Мир науки, культуры, образования*, 4(65), 119–121.
Nikolaev, M.V. (2017). Psychological and pedagogical aspects of changing professions by economists. *World of science, culture, education*, 4(65), 119–121. (In Russ.).
21. Петунова, С.А. (2013). Мотивация учебной деятельности безработных в процессе вторичной профессионализации. *Вестник Чувашского университета*, 1, 97–101.
Petunova, S.A. (2013). Motivation of educational activities of the unemployed in the process of secondary professionalization. *Bulletin of the Chuvash University*, 1, 97–101. (In Russ.).
22. Попова, Е.С. (2019). Смена профессии после 45 лет: мотивы и перспективы прохождения программ профессиональной переподготовки. *Профессиональное образование и рынок труда*, 1, 89–98.
Popova, E.S. (2019). Changing professions after 45 years: motives and prospects for completing professional retraining programs. *Vocational Education and the Labor Market*, 1, 89–98. (In Russ.).
23. Пряжников, Н.С. (2008). *Профессиональное самоопределение: теория и практика.* М.: Академия.
Pryazhnikov, N.S. (2008). *Professional self-determination: theory and practice.* Moscow: Akademiia. (In Russ.).
24. Тулупова, О.Н. (2021). Культурологические аспекты современного профессионального образования: от профессионала к трансфессионалу. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 43, 139–146.
Tulupova, O.N. (2021). Cultural aspects of modern vocational education: from professional to transprofessional. Bulletin of Tomsk State University. *Cultural Studies and Art Criticism*, 43, 139–146. (In Russ.).
25. Тюрин, Э.И. (2012). Особенности мотивации получения дополнительного профессионального образования. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. *Общественные науки*, 3(23), 77–83.
Tyurin, E.I. (2012). Features of motivation for obtaining additional professional education. News of higher educational institutions. Volga region. *Social sciences*, 3(23), 77–83. (In Russ.).
26. Чиркина, С.Е. (2005). *Мотивы учебной деятельности как фактор эффективности обучения взрослых в период профессиональной переподготовки: Дисс. ... канд. психол. наук.* Казань.

- Chirkina, S.E. (2005). *Motives of educational activity as a factor in the effectiveness of adult training during professional retraining: Dissertation ... candidate of psychological sciences*. Kazan. (In Russ.).
27. Шечолдина, Н.В. (2006). *Профессиональное самоопределение взрослых, включенных в повторный выбор профессии: Дисс. ... канд. психол. наук*. Самара.
Shchelkoldina, N.V. (2006). *Professional self-determination of adults involved in repeated choice of profession: Dissertation ... candidate of psychological sciences*. Samara. (In Russ.).
28. Щербакоева, Т.Н., Иноземцева, О.М. (2023). Трансформация жизненных планов личности в зрелом возрасте. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(6), 18–26. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-6-18-26>
Shcherbakova, T.N., Inozemtseva, O.M. (2023). Transformation of life plans of an individual in adulthood. *Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 6(6), 18–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-6-18-26>
29. Akkermans, J., Collings, D.G., da Motta Veiga, S.P., Post, C., Seibert, S. (2021). Toward a broader understanding of career shocks: exploring interdisciplinary connections with research on job search, human resource management, entrepreneurship, and diversity. *Journal of Vocational Behavior*, 126, 103563. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2021.103563>
30. Akkermans, J., Serge, P., Veigab, M., Hirschi, A., Marciniak, J. (2024). Career transitions across the lifespan: A review and research agenda. *Journal of Vocational Behavior*, 148, 103957. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2023.103957>
31. Arthur, M.B. (1994). The boundaryless career: a new perspective for organizational inquiry. *Journal of organizational behavior*, 15, 295–360.
32. Arthur, M.B., Rousseau, D.M. (1996). *The boundaryless career: a new employment principle for a new organizational era*. Oxford: Oxford University Press.
33. Bauer, T.N., Bodner, T., Erdogan, B., Truxillo, D.M., Tucker, J.S. (2007). Newcomer adjustment during organizational socialization: A meta-analytic review of antecedents, outcomes, and methods. *Journal of Applied Psychology*, 92(3), 707–721. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.3.707>
34. Bol, T., Ciocca Eller, C., van de Werfhorst, H.G., DiPrete, T.A. (2019). School-to-work linkages, educational mismatches, and labor market outcomes. *American Sociological Review*, 84(2), 275–307. <https://doi.org/10.1177/0003122419836081>
35. Briscoe, J.P., Henagan, S.C., Burton, J.P., Murphy, W.M. (2012). Coping with an insecure employment environment: The differing roles of protean and boundaryless career orientations. *Journal of Vocational Behavior*, 80(2), 308–316. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2011.12.008>
36. Chena, X., Ke, J., Zhang, X., Chen, J. (2025). The impact of AI anxiety on employees' workpassion: a moderated mediated effect model. *Acta Psychologica*, 260, 105487. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105487>
37. Connolly, C., Gobet, F. (2024). *Transition expertise and identity: a study of individuals who succeeded repeatedly in life and career transitions*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1014/9781009103763>
38. De Vos, A., Jacobs, S., Verbruggen, M. (2021). Career transitions and employability. *Journal of Vocational Behavior*, 126(5), 103475. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103475>
39. Fouad, N.A., Kozlowski, M.B. (2019). Turning around to look ahead: Views of vocational psychology in 2001 and 2019. *Journal of Career Assessment*, 27(3), 375–390. <https://doi.org/10.1177/1069072719841602>

40. Garthe, N., Hasselhorn, H.M. (2022). Changes of profession, employer and work tasks in later working life: an empirical overview of staying and leaving. *Ageing and Society*, 42(10), 2393–2413. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21000088>
41. Hall, D.T. (2004). The protean career: a quarter-century journey. *Journal of Vocational Behavior*, 65(1), 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2003.10.006>
42. Hall, D.T., Yip, J., Doiron, K. (2018). Protean careers at work: Self-direction and values orientation in psychological success. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 5(1), 129–156. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104631>
43. Hirschi, A. (2010). The role of chance events in the school-to-work transition: The influence of demographic, personality and career development variables. *Journal of Vocational Behavior*, 77(1), 39–49. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2010.02.002>
44. Hirschi, A., Koen, J. (2021). Contemporary career orientations and career self-management: a review and integration. *Journal of Vocational Behavior*, 126(4), 103505. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103505>
45. Lent, R.W., Brown, S.D. (2020). Career decision making, fast and slow: Toward an integrative model of intervention for sustainable career choice. *Journal of Vocational Behavior*, 120(103), 448. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103448>
46. McDonald, P.K. (2018). How ‘flexible’ are careers in the anticipated life course of young people? *Human Relations*, 71(1), 23–46. <https://doi.org/10.1177/0018726717699053>
47. Ng, T.W.H., Sorensen, K.L., Eby, L.T., Feldman, D.C. (2007). Determinants of job mobility: A theoretical integration and extension. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 80(3), 363–386. <https://doi.org/10.1348/096317906X130582>
48. Rudolph, C.W. (2016). Lifespan developmental perspectives on working: a literature review of motivational theories. *Work, Aging and Retirement*, 2(2), 130–158. <https://doi.org/10.1093/workar/waw012>
49. Savickas, M.L. (2005). The Theory and Practice of Career Construction. In: S.D. Brown, R.W. Lent (Ed.), *Career development and counseling: putting theory and research to work* (pp. 42–70). New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
50. Sullivan, S.E., Al Ariss, A. (2021). Making sense of different perspectives on career transitions: a review and agenda for future research. *Human Resource Management Review*, 31(1), 100727. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100727>
51. Sullivan, S.E., Arthur, M.B. (2006). The evolution of the boundaryless career concept: examining physical and psychological mobility. *Journal of Vocational Behavior*, 69(1), 19–29. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2005.09.001>
52. Tomlinson, J., Baird, M., Berg, P., Cooper, R. (2018). Flexible careers across the life course: Advancing theory, research and practice. *Human Relations*, 71(1), 4–22. <https://doi.org/10.1177/0018726717733313>
53. van Hooft, E.A.J., van Hooft, G., van den Hee, S.M. (2022). How to optimize the job search process: development and validation of the job search quality scale. *Journal of Career Assessment*, 30(3), 474–505. <https://doi.org/10.1177/10690727211052812>
54. Wang, M., Shi, J. (2014). Psychological research on retirement. *Annual Review of Psychology*, 65, 209–233. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115131>
55. Weng, Q.X., McElroy, J.C. (2010). Vocational self-concept crystallization as a mediator of the relationship between career self-management and job decision effectiveness. *Journal of Vocational Behavior*, 76(2), 234–243. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.10.012>

Литвинова Е.Ю., Погодина А.В.,
Харченко М.А., Храмов Е.В. (2026)
Трансформация «профессиональной судьбы»...
Социальная психология и общество,
17(2), 71–88.

Litvinova E.Yu., Pogodina A.V.,
Kharchenko M.A., Khramov E.V. (2026)
Transformation of “professional destiny”...
Social Psychology and Society,
17(2), 71–88.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Литвинова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития, факультет «Социальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9756-4322>, e-mail: elen-litvinova@yandex.ru

Алла Васильевна Погодина, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии развития, факультет «Социальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: allavan@yandex.ru

Максим Андреевич Харченко, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры социальной психологии развития, факультет «Социальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3335-9701>, e-mail: maxquail@gmail.com

Евгений Владимирович Храмов, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6619-7326>, e-mail: ev.khramov@gmail.com

Information about the authors

Elena Yu. Litvinova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Chair of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9756-4322>, e-mail: elen-litvinova@yandex.ru

Alla V. Pogodina, Candidate of Science (Psychology), Professor, Chair of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: allavan@yandex.ru

Maxim A. Kharchenko, Candidate of Science (Physics and Mathematics), Associate Professor, Chair of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3335-9701>, e-mail: maxquail@gmail.com

Evgeniy V. Khramov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6619-7326>, e-mail: ev.khramov@gmail.com

Вклад авторов

Литвинова Е.Ю. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; проведение исследования.

Погодина А.В. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; проведение исследования.

Харченко М.А. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; проведение исследования.

Храмов Е.В. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; проведение исследования.

Литвинова Е.Ю., Погодина А.В.,
Харченко М.А., Храмов Е.В. (2026)
Трансформация «профессиональной судьбы»...
Социальная психология и общество,
17(2), 71–88.

Litvinova E.Yu., Pogodina A.V.,
Kharchenko M.A., Khramov E.V. (2026)
Transformation of “professional destiny”...
Social Psychology and Society,
17(2), 71–88.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena Yu. Litvinova – ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; conducting the research.

Alla V. Pogodina – ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; conducting the research.

Maxim A. Kharchenko – ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; conducting the research.

Evgeny V. Khramov – ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; conducting the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 06.04.2026

Поступила после рецензирования 15.05.2026

Принята к публикации 17.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.04.06

Revised 2026.05.15

Accepted 2026.06.17

Published 2026.06.30

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Особенности принятия решений представителями поколений Y и Z в условиях цифровой среды

В.И. Пищик¹ ✉, Д.В. Саталкин²

¹ Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² ООО АЛИДИ-Норд, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ vladaph@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Процесс принятия решений у молодых поколений становится все более сложным под влиянием цифровой среды, которая изменяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие механизмы выбора и усиливает межпоколенческие различия. Особый интерес представляет сравнение представителей поколений Y и Z, которые формировались в разных социально-исторических условиях и имеют различный опыт цифровой социализации, что важно для понимания их поведения в образовании, работе, потреблении и онлайн-коммуникациях.

Цель. Выявить и описать особенности принятия решений у представителей поколений Y и Z с учетом когнитивных стилей, стратегий эмоциональной регуляции, склонности к риску и характера взаимодействия с цифровой средой в российском социокультурном контексте.

Гипотезы. 1) Представители поколения Z характеризуются более импульсивным и эмоциональным детерминированным стилем принятия решений по сравнению с поколением Y; 2) Представители поколения Y более склонны к рациональному анализу и планированию решений; 3) Цифровая среда выступает значимым фактором, усиливающим эмоциональное влияние на процесс принятия решений и по-разному структурирующим этот процесс у представителей поколений Y и Z.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 186 человек в возрасте от 18 до 44 лет, отнесенных к поколениям Y (N = 95) и Z (N = 91), с приблизительно равным гендерным распределением. Использовались: Мельбурнский опросник принятия решений для оценки стилей (бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность), опросник эмоциональной регуляции Дж. Гросса (когнитивная переоценка, подавление экспрессии), шкала склонности к риску А.Г. Шмелёва и авторский опросник взаимодействия с цифровой средой (цифровая зависимость в решениях, цифровая эмоциональная регуляция, цифровой самоконтроль, предпочтение цифрового социального взаимодействия, цифровое доверие и грамотность).

Результаты. Поколение Y продемонстрировало более высокие показатели бдительности и когнитивной переоценки, а также более выраженный цифровой самоконтроль и цифровую грамотность, что указывает на рационально-аналитический стиль принятия решений. Поколение Z показало существенно более высокие уровни прокрастинации, избегания, сверхбдительности, склонности к риску, цифровой зависимости в принятии решений и использования цифровых средств для эмоциональной регуляции, а также предпочтение цифрового социального взаимодействия, что отражает более импульсивный и эмоционально насыщенный стиль принятия решений в условиях высокой опоры на цифровую среду.

Выводы. Подтверждено, что представители поколений Y и Z различаются по когнитивным стилям, эмоциональной регуляции, склонности к риску и способам встраивания цифровой среды в процесс принятия решений, что делает необходимым учет поколенческих особенностей в практике образования, управления персоналом и разработке цифровых сервисов. Рекомендуется при проектировании образовательных и организационных программ опираться на более выраженную рациональность и самоконтроль поколения Y и одновременно учитывать импульсивность, цифровую включенность и потребность в эмоциональной поддержке со стороны цифровой среды у поколения Z.

Ключевые слова: поколенческие различия, принятие решений, цифровая среда, когнитивные стили, эмоциональная регуляция, поколения Y и Z, цифровые технологии

Для цитирования: Пищик, В.И., Саталкин, Д.В. (2026). Особенности принятия решений представителями поколений Y и Z в условиях цифровой среды. *Социальная психология и общество*, 17(2), 89–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170206>

Features of decision-making by representatives of generations Y and Z in a digital environment

V.I. Pishchik¹ ✉, D.V. Satalkin²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² ALIDI-NORD, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vladaph@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The decision-making process among younger generations is becoming increasingly complex under the influence of the digital environment, which is changing cognitive, emotional and behavioral selection mechanisms and intensifying intergenerational differences. Of particular interest is the comparison of representatives of generations Y and Z, who were formed in different socio-historical conditions and have different experiences of digital socialization, which is important for understanding their behavior in education, work, consumption and online communications.

Objective. To identify and describe the features of decision-making among representatives of generations Y and Z, taking into account cognitive styles, emotional regulation strategies, risk-

taking propensity and the nature of interaction with the digital environment in the Russian socio-cultural context.

Hypothesis. 1) representatives of generation Z are characterized by a more impulsive and emotionally determined decision-making style compared to generation Y; 2) representatives of generation Y are more inclined to rational analysis and decision planning; 3) the digital environment is a significant factor that enhances the emotional impact on the decision-making process and structures this process differently among representatives of generations Y and Z.

Methods and materials. The study involved 186 people aged 18 to 44 years, assigned to generations Y ($N = 95$) and Z ($N = 91$), with approximately equal gender distribution. The following methods were used: the Melbourne Decision-making Questionnaire to evaluate styles (vigilance, avoidance, procrastination, over-vigilance), the questionnaire of emotional regulation by J. Gross (cognitive reappraisal, suppression of expression), A.G. Shmelev's risk-taking propensity scale and the author's questionnaire on interaction with the digital environment (digital dependence in decisions, digital emotional regulation, digital self-control, preference for digital social interaction, digital trust and literacy).

Results. Generation Y demonstrated higher rates of vigilance and cognitive reappraisal, as well as more pronounced digital self-control and digital literacy, indicating a rational and analytical decision-making style. Generation Z showed significantly higher levels of procrastination, avoidance, hyper-vigilance, risk-taking, digital dependence in decision-making and the use of digital means for emotional regulation, as well as a preference for digital social interaction, reflecting a more impulsive and emotionally intense decision-making style in conditions of high reliance on the digital environment.

Conclusions. It has been confirmed that representatives of generations Y and Z differ in cognitive styles, emotional regulation, risk-taking propensity, and ways to integrate the digital environment into the decision-making process, which makes it necessary to take into account generational characteristics in the practice of education, personnel management, and the development of digital services. When designing educational and organizational programs, it is recommended to rely on the more pronounced rationality and self-control of generation Y and at the same time take into account impulsivity, digital inclusion and the need for emotional support from the digital environment of generation Z.

Keywords: generational differences, decision-making, digital environment, cognitive styles, emotional regulation, generations Y and Z, digital technologies

For citation: Pishchik, V.I., Satalkin, D.V. (2026). Features of decision-making by representatives of generations Y and Z in a digital environment. *Social Psychology and Society*, 17(2), 89–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170206>

Введение

Принятие решений как интегральный психический процесс является одним из фундаментальных когнитивных процессов, который регулирует поведение и деятельность человека и объединяет про-

цессы целеобразования, антиципации, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля, коррекции (Карпов, 2013). В условиях повсеместной цифровизации и динамичных социальных изменений различия

между представителями молодых поколений Y (родившиеся в 1981–1996 гг.) и Z (родившиеся в 1997–2012 гг.) в выборе решений становятся максимально выраженными (Твендж, 2019).

Актуальность проблемы обусловлена несколькими факторами: во-первых, цифровая революция кардинально трансформировала когнитивные процессы молодых поколений (Зверева, Хворова, 2020; Щербакова, Осипов, 2025; Zare, Lattanzi, di Minin, 2025). Отмечается, что поколение Y выросло вместе с развитием интернета и адаптировалось к новым цифровым форматам, тогда как поколение Z с рождения погружено в цифровую среду (Лапидус, Гостилович, Омарова, 2020), что формирует качественно иные навыки обработки информации.

Ситуация определяется тем, что, по мнению исследователей, представители поколения Z характеризуются многозадачностью (Солдатова, Трифонова, 2018), импульсивностью, недостатком когнитивного контроля (Третьякова, Церковникова, 2021), воспринимают виртуальный мир как позитивный, интересный (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022), им необходима осознанная саморегуляция (Моросанова, 2023), что может влиять на процессы принятия решений. Например, в исследовании (Попова, Тимохина, Изакова, 2023) было показано, что при принятии решения о выборе вуза поколение Y полагается на свое мнение и частично на информацию из ближайшего окружения, виртуальных сообществ. Поколение Z полагается на мнение родителей, рейтинг вуза и мнения из социальных сетей.

Во-вторых, исследования, которые существуют, неполны и не дают целост-

ной картины различий в стратегиях принятия решений между поколениями в российском социокультурном контексте, а большинство западных исследований не учитывают специфику российского общества, где представители молодых поколений формировались под влиянием уникального сочетания социально-экономических трансформаций и цифровой революции (Пищик, 2021).

В исследовании китайских представителей поколения Z процесса принятия решения при загрузке мобильных приложений было показано, что студенты, применяющие как эвристическую, так и систематическую обработку информации, принимали решение о скачивании приложения на основе гедонистических потребностей (Zhang, Ha, Liu, Wang, 2018). На примере тайландских студентов показано, что цифровая среда обучения существенно и позитивно влияет на эвристическое, цифровое мышление (Imjai, Chansamran, Sungthong, Usman, Aujirapongpan, 2025; Ru-Zhue, Imjai, Yordudom, Kongrode, Sumiati, Aujirapongpan, 2025).

Результаты исследования показали, что доминирующие представления о самоэффективности у турецких представителей поколения Y влияют на их стратегии принятия решений в бизнесе (Tutar, Erdem, Karademir, 2022).

Исследование, направленное на анализ карьерных решений среди корейских студентов-медсестер (поколение Z) на основе социально-когнитивной модели карьерного самоуправления, показало, что самоэффективность и сестринская компетентность являются ключевыми факторами при принятии студентами-медсестрами решений о карьере (Kwon, Lee, 2025).

Несмотря на растущий интерес к изучению поколенческих различий, требует дальнейшего эмпирического исследования вопрос о том, как именно цифровая среда влияет на когнитивные, эмоциональные и поведенческие составляющие принятия решений у представителей поколений Y и Z. Таким образом, проблемой настоящей работы является возможность выявления особенностей принятия решений представителями поколений Y и Z в условиях цифровой среды с учетом когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов.

Научная новизна исследования заключается в интегративном подходе к изучению процессов принятия решений у представителей поколений Y и Z в российском контексте. В исследовании интегрируются три подхода: когнитивно-ориентированный (стили принятия решений) (Корнилова, 2022), ресурсный (осознанная саморегуляция как метаресурс) (Моросанова, 2023) и социокультурный в контексте поколенческой психологии (Рикель, 2023; Пищик, 2026).

Главной *целью* исследования являлось выявление и описание особенностей принятия решений представителями поколений Y и Z в условиях цифровой среды с учетом когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов этого процесса. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие гипотезы исследования:

Основная *гипотеза*: представители поколения Z характеризуются более импульсивным и эмоционально детерминированным стилем принятия решений по сравнению с поколением Y, что проявляется в более высоких показателях сверхбдительности, прокрастинации и избегания, а также в большей опоре на

цифровые источники информации. Таким образом, данная гипотеза следует из моделей ограниченной рациональности и двойственных процессов (доминирование быстрого, интуитивного мышления при высокой информационной перегрузке) и из представлений о специфике цифровой социализации поколения Z в работах Дж. Твенджд (2019).

Дополнительная *гипотеза 1*: представители поколения Y более склонны к рациональному анализу и планированию решений, что выражается в повышенных показателях бдительности и когнитивной переоценки, а также более развитом контроле цифрового потребления. Данная гипотеза опирается на когнитивные модели принятия решений, которые подчеркивают роль аналитической переработки информации, а также на данные о ценностно-смысловых характеристиках информационного/«миллениального» поколения (Рикель, 2023; Пищик, 2026).

Дополнительная *гипотеза 2*: цифровая среда может обуславливать эмоциональные и поведенческие аспекты принятия решений у обеих поколенческих групп, усиливая роль эмоциональной регуляции и стратегий взаимодействия с онлайн-средой в структуре стилей принятия решений. Эта гипотеза следует из социально-культурных моделей принятия решений, которые подчеркивают влияние контекста и норм среды, а также из работ о цифровой социализации молодежи и цифровых практиках (Солдатова, 2018; Лapidус, Зверева, Хворова, 2020).

С учетом этих гипотез и цели исследования были конкретизированы следующие *задачи*:

- теоретически обобщить когнитивные, эмоциональные и поведенческие

особенности представителей поколений Y и Z при принятии решений в условиях цифровой среды и сопоставить их с основными моделями принятия решений и поколенческими теориями;

- эмпирически сравнить стили принятия решений, стратегии эмоциональной регуляции, склонность к риску и специфические параметры взаимодействия с цифровой средой у представителей поколений Y и Z;

- выявить систему связей между когнитивными, эмоциональными и цифровыми переменными в каждой поколенческой группе и соотнести полученные профили взаимосвязей с теоретическими моделями, используемыми в работе.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 186 человек (46,8% мужчин, 53,2% женщин) в возрасте от 18 до 44 лет. Выборка была разделена на две группы по годам рождения:

- Представители поколения Y (родившиеся в 1981–1996 гг.): 95 человек (51,1%; $M = 35,99$ лет, $SD = 4,43$), 42 мужчины (44,2%), 53 женщины (55,8%), работники компаний г. Ростова-на-Дону.

- Представители поколения Z (родившиеся в 1997–2012 гг.): 91 человек (48,9%; $M = 23,56$ лет, $SD = 2,73$), 45 мужчин (49,5%), 46 женщин (50,5%), студенты вузов г. Ростова-на-Дону.

Критериями включения в исследование выступали: принадлежность к когортам Y или Z по году рождения, активное использование цифровых технологий в повседневной жизни, отсутствие диагностированных психических расстройств, а также добровольное информированное согласие на участие. Набор участников

осуществлялся методом целенаправленной и снежной выборки через социальные сети, образовательные организации и профессиональные онлайн-сообщества.

Применялись следующие методики:

1. Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР) в русскоязычной адаптации Т.В. Корниловой (Корнилова, 2013). Опросник включает 22 пункта, объединенные в четыре шкалы: бдительность (тщательный анализ информации), избегание (стремление отложить решение), прокрастинация (откладывание до последнего момента) и сверхбдительность (импульсивные решения под влиянием эмоций). Оценка производится по 3-балльной шкале. Надежность: $\alpha = 0,75–0,82$.

2. Опросник эмоциональной регуляции (ОЭР) Дж. Гросса в русской адаптации (Панкратова, Корниенко, 2017). Включает 10 пунктов, разделенных на две шкалы: когнитивная переоценка (изменение отношения к ситуации) и подавление экспрессии (сдерживание внешних проявлений эмоций). Оценка по 7-балльной шкале. Надежность: $\alpha = 0,86–0,89$.

3. Шкала склонности к риску А.Г. Шмелёва (Шмелёв, 2002). Включает 50 пунктов для измерения индивидуальной предрасположенности к рисковому поведению, оценивается по дихотомической шкале. Диапазон: 0–40 баллов. Надежность: $\alpha = 0,84$.

4. Авторский опросник «Взаимодействие с цифровой средой» (25 пунктов, разработан для исследования) (см. Приложение А, раздел 1). Специально разработан для оценки влияния цифровой среды на принятие решений, включая шкалы цифровой зависимости в при-

нятии решений, цифровых стратегий эмоциональной регуляции и контроля цифрового потребления. Включает пять шкал: цифровая зависимость в принятии решений, цифровая эмоциональная регуляция, цифровой самоконтроль, предпочтение цифрового социального взаимодействия, цифровое доверие и грамотность. Оценка по 7-балльной шкале. Надежность: $\alpha = 0,77-0,85$ (см. Приложение А, раздел 2).

Эмпирическое исследование проводилось в период с мая 2024 г. по сентябрь 2025 г. в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Участникам предоставлялись ссылки на 4 анкеты, которые включали блок информированного согласия. На предварительном этапе (пилотаж на 10 респондентах) проверялись понятность инструкций, техническая корректность формы и время заполнения.

Математико-статистические методы включали: критерий различий Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену. Расчеты выполнялись в пакете SPSS 12.0.

Результаты

Анализ Мельбурнского опросника выявил значимые различия между поколениями по всем четырем шкалам.

По шкале Бдительность поколение Y продемонстрировало статистически значимо более высокие показатели ($M = 14,32$, $SD = 1,84$) по сравнению с поколением Z ($M = 12,40$, $SD = 2,25$); $U = 6386,0$; $p < 0,001$; $d = 0,94$. Данные показатели свидетельствуют о том, что представители поколения Y более тщательно анализируют информацию перед принятием решений и используют рациональный подход.

По шкале Сверхбдительность картина кардинально противоположна: поколение Z показало значительно более высокие результаты ($M = 10,65$, $SD = 1,62$) в сравнении с поколением Y ($M = 8,65$, $SD = 1,53$); $U = 1613,0$; $p < 0,001$; $d = -1,26$. Большой размер эффекта указывает на существенную склонность поколения Z к импульсивным, поспешным решениям под влиянием эмоций.

По шкале Прокрастинация также обнаружены значимые различия: поколение Z показывает более высокие показатели ($M = 10,47$, $SD = 1,95$) по сравнению с поколением Y ($M = 7,98$, $SD = 1,69$), $U = 1415,0$; $p < 0,001$; $d = -1,36$.

По шкале Избегание поколение Z демонстрирует большую склонность к избеганию принятия решений ($M = 11,84$, $SD = 2,53$) в сравнении с поколением Y ($M = 9,70$, $SD = 2,14$); $U = 2249,0$; $p < 0,001$; $d = -0,91$.

По опроснику эмоциональной регуляции получены значимые межпоколенческие различия по обоим шкалам.

Показатели шкалы Когнитивная переоценка оказались выше у представительниц поколения Y ($M = 33,03$, $SD = 5,09$) в сравнении с поколением Z ($M = 28,16$, $SD = 6,00$); $U = 6358,5$; $p < 0,001$; $d = 0,88$. Это указывает на то, что представительницы поколения Y более эффективно используют когнитивные стратегии для управления эмоциями, что соответствует модели двойственных процессов Д. Канемана (2018).

По шкале Подавление экспрессии поколение Z показало значимо более высокие результаты ($M = 18,82$, $SD = 4,05$) по сравнению с поколением Y ($M = 16,61$, $SD = 3,96$); $U = 3121,5$; $p = 0,001$; $d = -0,55$. Данные показатели могут указывать на менее откры-

тые способы эмоциональной регуляции у поколения Z, проявляющиеся в сдерживании внешних проявлений эмоций.

В свою очередь, анализ по шкале Склонность к риску выявил статистически значимые различия: поколение Z демонстрирует более высокую склонность к рискованному поведению ($M = 23,57$, $SD = 6,42$) в сравнении с поколением Y ($M = 19,16$, $SD = 5,75$); $U = 2689,5$; $p < 0,001$; $d = -0,72$.

Это подтверждает, что представители поколения Z чаще принимают рискованные решения, что может быть адаптивной характеристикой в динамично изменяющемся мире.

Анализ данных авторского опросника «Взаимодействие с цифровой средой» выявил систематические различия по всем пяти выделенным шкалам.

Поколение Z показало более высокую цифровую зависимость в принятии решений (опора на онлайн-источники и цифровые сервисы), более выраженное использование цифровых средств для эмоциональной регуляции и большее предпочтение цифровых форм социального взаимодействия (все различия статистически значимы, $p < 0,001$, размеры эффекта от средних до крупных).

Корреляционный анализ по Спирмену позволил выделить различные

профили взаимосвязей психологических и цифровых переменных в сравниваемых когортах. Для поколения Y ($N = 95$) получена матрица корреляций, включающая 66 уникальных пар, среди которых статистически значимыми оказались шесть. Отметим, что у поколения Y обнаружена значимая положительная корреляция между сверхбдительностью и использованием цифровых стратегий эмоциональной регуляции ($r = 0,514$; $p < 0,001$). Полученные данные указывают нам на то, что представители поколения Y, склонные к импульсивным решениям, чаще обращаются к цифровым инструментам для управления эмоциями. Остальные значимые корреляции имеют слабую силу, включая отрицательную связь между бдительностью и склонностью к риску ($r = -0,217$; $p = 0,035$), а также между прокрастинацией и контролем цифрового потребления ($r = -0,212$; $p = 0,039$). Важно отметить, что часть этих корреляций выражена в отношении поведенческих аспектов, что может указывать на интеграцию цифровых стилей регуляции в повседневную деятельность представителей поколения Y. Результаты представлены в табл. 1.

Несколько иной профиль обнаружен у представителей поколения Z ($N = 91$).

Таблица 1 / Table 1

Результаты корреляционного анализа исследуемых показателей поколения Y ($N = 95$)
The results of the correlation analysis of the studied indicators of generation Y ($N = 95$)

Переменные / Parameters	Коэффициент корреляции по Спирмену / Spearman correlation (R_s)
Бдительность — Склонность к риску / Vigilance — Risk-taking propensity	-0,217*

Переменные / Parameters	Коэффициент корреляции по Спирмену / Spearman correlation (R_s)
Прокрастинация – Контроль цифрового потребления / Procrastination – Digital Consumption Control	–0,212*
Прокрастинация – Предпочтения в цифровом социальном взаимодействии / Procrastination – Preferences in digital social interaction	–0,224*
Сверхбдительность – Цифровые стратегии эмоциональной регуляции / Hyper-Vigilance – Digital strategies for emotional regulation	0,514***
Склонность к риску – Зависимость принятия решений от цифровых источников / Risk-taking propensity – Dependence of decision-making on digital sources	–0,25*
Зависимость принятия решений от цифровых источников – Предпочтения в цифровом социальном взаимодействии / Dependence of decision-making on digital sources – Preferences in digital social interaction	0,226*

Примечание: * – $p < 0,05$; *** – $p < 0,001$.

Note: * – $p < 0,05$; *** – $p < 0,001$.

У данного поколения выявлено 5 значимых корреляций, из которых только одна носит среднюю силу. Отметим, что у поколения Z, так же как и у поколения Y, выявлена аналогичная, но менее выраженная связь между сверхбдительностью и цифровой эмоциональной регуляцией ($r = 0,333$; $p = 0,001$), что может свидетельствовать о том, что для поколения Z использование цифровых технологий для эмоциональной регуляции является более естественным и менее связанным с конкретными стилями принятия решений. Остальные значимые корреляции имеют слабую силу, включая отрицательную связь между бдительностью и когнитивной переоценкой ($r = -0,214$; $p = 0,042$), а также между подавлением экспрессии и контролем цифрового потребления ($r = -0,268$; $p = 0,010$). Результаты представлены в табл. 2.

Сопоставление полученных данных с исходными гипотезами показало их

полное эмпирическое подтверждение. Первая гипотеза о большей импульсивности и эмоциональной детерминированности решений у поколения Z подтвердилась повышенными показателями сверхбдительности, прокрастинации, избегания и склонности к риску в этой группе. Вторая гипотеза о более рациональном, аналитическом стиле принятия решений у поколения Y нашла подтверждение в более высоких значениях бдительности и когнитивной переоценки, а также в выраженном цифровом самоконтроле. Третья гипотеза об обусловленности цифровой средой эмоциональных и поведенческих аспектов принятия решений частично подтвердилась наличием систематических различий по цифровым шкалам между поколениями и значимыми корреляциями между цифровыми показателями и стилями принятия решений в обеих выборках.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты корреляционного анализа исследуемых показателей
поколения Z (N = 91)
The results of the correlation analysis of the studied indicators
of generation Z (N = 91)**

Переменные / Parameters	Коэффициент корреляции по Спирмену / Spearman correlation (Rs)
Бдительность – Когнитивная переоценка / Vigilance – Cognitive Reappraisal	–0,214*
Сверхбдительность – Зависимость принятия решений от цифровых источников / Hyper-vigilance – Dependence of decision-making on digital sources	–0,235*
Сверхбдительность – Цифровые стратегии эмоциональной регуляции / Hyper-Vigilance – Digital strategies for emotional regulation	0,333***
Когнитивная переоценка – Склонность к риску / Cognitive Reappraisal – Risk-taking propensity	–0,211*
Подавление экспрессии – Контроль цифрового потребления / Suppression of expression – Control of digital consumption	–0,268**

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.
Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют, что между поколениями Y и Z существуют статистически значимые и практически важные различия в процессах принятия решений, обусловленные различными путями социализации и опытом взаимодействия с цифровым миром.

Что касается различия в стилях принятия решений, то мы можем отметить, что поколение Y чаще демонстрирует рациональный стиль принятия решений, который характеризуется тщательным анализом информации (высокая бдительность), тогда как поколение Z демонстрирует импульсивность и колебания между откладыванием решения и поспешными выборами под влиянием эмоций (высокие

показатели прокрастинации и сверхбдительности). Аналогичный результат можно встретить в работе (Kazemy, Ravari, Kamiab, Iranmanesh, Mirzaei, 2026). Таким образом, это различие может объясняться тем, что поколение Y сформировалось в условиях постепенной адаптации к цифровым технологиям, что способствовало развитию критического мышления и тщательного анализа. Напротив, поколение Z, погруженное с рождения в цифровую среду, характеризуется высокой скоростью обработки информации, но одновременно сталкивается с проблемой информационной перегрузки, приводящей к импульсивным решениям.

Если рассматривать эмоциональную регуляцию, то найденные различия в

стратегиях согласуются с теоретическими моделями двойственных процессов мышления. Поколение Y, которое использует более часто когнитивную переоценку, опирается на медленные, аналитические мыслительные процессы, что соответствует концепции, согласно которой представители этого поколения имеют больший опыт осмысления информации до эмоционального реагирования. В свою очередь, поколение Z предпочитает скрывать свои эмоции, что может быть адаптацией к социальным нормам цифровых сообществ, где открытое выражение эмоций часто встречает неоднозначную социальную оценку.

Если оценивать склонность к риску, то более высокая склонность поколения Z к риску может быть рассмотрена как адаптивная характеристика в условиях высокой социальной неопределенности и быстрых перемен, однако это создает потенциальные риски в ситуациях, требующих осторожности и долгосрочного планирования. Эта идея подчеркивается в исследовании (Pui Hang Choi, 2026).

В рамках оценки роли цифровой среды полученные данные подтверждают, что цифровая среда оказывает разное влияние на процесс принятия решений. Для поколения Z цифровые источники информации становятся основными инструментами при принятии решений, тогда как поколение Y демонстрирует большую независимость от цифровых источников. Цифровая среда для поколения Z также выступает в качестве инструмента эмоциональной регуляции, что открывает новое направление в понимании цифровых стратегий управления эмоциями.

Различные корреляционные профили между поколениями указывают на специфические механизмы взаимодействия когнитивных, эмоциональных и цифровых факторов. Для поколения Y наблюдается более интегрированная система взаимосвязей, где цифровая эмоциональная регуляция связана со стилями принятия решений, что свидетельствует о системном влиянии цифровых факторов на психологические процессы. Для поколения Z взаимосвязи менее выражены, что может указывать на то, что цифровые технологии для них являются более естественным инструментом, не требующим специальной интеграции в уже существующие психологические системы.

Все три гипотезы исследования получили подтверждение, что свидетельствует об обоснованности выбранного теоретического подхода и валидности использованных методик.

Заключение

Проведенное исследование выявило статистически значимые различия в процессах принятия решений между поколениями Y и Z, что может объясняться особенностями их социализации в различных социально-исторических условиях и степенью интеграции в цифровую среду.

Ключевые выводы:

1. Представители поколения Y демонстрируют более рациональный и тщательный подход к принятию решений, опираясь на анализ информации и когнитивную переоценку эмоциональных состояний.

2. Представители поколения Z характеризуются большей импульсивностью, прокрастинацией и избеганием при при-

нятии решений, одновременно проявляя повышенную готовность к риску.

3. Цифровая среда может выступать одним из факторов, дифференцирующих процессы принятия решений между поколениями. Для поколения Z она является не только источником информации, но и инструментом эмоциональной регуляции.

4. Выявленные различия имеют адаптивное значение (быстрота решений для Z в условиях высокой динамики) и требующие внимания риски (импульсивность может привести к неоптимальным выборам).

Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профессионального развития и управления персоналом, учитывающих поколенческие особенности; при создании образовательных программ, адаптированных под когнитивные стили каждого поколения; при планировании маркетинговых коммуникаций с учетом специфики взаимодействия поколений с цифровой средой.

Дальнейшие работы могут быть направлены на изучение отдаленных последствий различных стилей принятия решений для профессионального успеха и личного благополучия; на анализ межпоколенческих конфликтов в организациях с учетом различий в когнитивных стилях; на исследование влияния специальных интервенций и тренингов на оптимизацию процессов принятия решений в каждом поколении.

Ограничения. В нашей статье мы рассматриваем процесс принятия решения безотносительно к предмету решений. Принятие решений в различных сферах имеет своеобразие, поэтому не просто сравнивать результаты нашего результата исследования с иными исследованиями. Можно отметить еще одно ограничение при обобщении результатов, это ограничение по выборке. Речь идет о представителях поколений, проживающих в г. Ростове-на-Дону, южном регионе России. Предполагаем, что южане более активны, что накладывает отпечаток на процесс принятия решения. Ограниченность выборки по количеству может затруднять перенос результатов исследования на другие выборки.

Limitations. In our article, we consider the decision-making process without regard to the subject of the decisions. Decision-making in various fields has its own peculiarities, so it is not easy to compare the results of our research with other studies. One more limitation can be noted when summarizing the results, this is the limitation on the sample. We are talking about representatives of generations living in Rostov-on-Don, the southern region of Russia. We assume that Southerners are more active, which affects the decision-making process. As well as the limited number of samples, it may make it difficult to transfer the results of the study to other samples.

Список источников / References

1. Зверева, Е.А., Хворова, В.А. (2020). Поколения Y и Z: особенности медиапотребления. *Вестник НГУ. Серия: История, филология, Журналистика*, 19(6), 131–140. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140>

- Zvereva, E.A., Khvorova, V.A. (2020). Generations Y and Z: features of media consumption. *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology, Journalism*, 19(6), 131–140. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140> (In Russ.).
2. Канеман, Д. (2023). *Думай медленно... Решай быстро*. Перевод с английского А. Андреева и др. Москва: АСТ.
Kahneman, D. (2023). *Think slowly... Decide quickly*. Translated from English by A. Andreev and others. Moscow: AST. (In Russ.).
 3. Карпов, А.В. (2013). Эксперимент в исследованиях процессов принятия решения: проблемы и перспективы. *Экспериментальная психология*, 6(2), 5–18. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2013_n2/61758 (дата обращения: 11.12.2025).
Карпов, А.В. (2013). An experiment in the research of decision-making processes: problems and prospects. *Experimental Psychology*, 6(2), 5–18. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2013_n2/61758. (In Russ.).
 4. Корнилова, Т.В. (2022). Латентные личностные профили стилиевой регуляции принятия решений. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(2), 126–145. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300208>
Kornilova, T.V. (2022). Latent personality profiles of stylistic regulation of decision-making. *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 30(2), 126–145. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300208> (In Russ.).
 5. Корнилова, Т.В. (2013). Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*, 6(31), 4. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/671/353> (дата обращения: 06.06.2025).
Kornilova, T.V. (2013). Melbourne Decision-making Questionnaire: Russian-language adaptation. *Psychological research*, 6(31), 4. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/671/353> (accessed: 06.06.2025). (In Russ.).
 6. Лapidус, Л.В., Гостилович, А.О., Омарова, Ш.А. (2020). Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения. *Государственное управление. Электронный вестник*, 83, 271–293. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10119>
Lapidus, L.V., Gostilovich, A.O., Omarova, S.A. (2020). Features of digital technology penetration into the life of generation Z: values, behavioral patterns and consumer habits of the Internet generation. *Public administration. Electronic Bulletin*, 83, 271–293. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10119> (In Russ.).
 7. Моросанова, В.И., Филиппова, Е.В., Фомина, Т.Г. (2023). Осознанная саморегуляция и академическая мотивация как ресурсы выполнения обучающимися проектно-исследовательской работы. *Психологическая наука и образование*, 28(3), 47–61. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280304>
Morosanova, V.I., Filippova, E.V., Fomina, T.G. (2023). Conscious self-regulation and academic motivation as resources for students to perform design and research work. *Psychological Science and Education*, 28(3), 47–61. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280304> (In Russ.).
 8. Панкратова, А.А., Корниенко, Д.С. (2017). Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. *Вопросы психологии*, 5, 139–149.
Pankratova, A.A., Kornienko, D.S. (2017). Russian-language adaptation of the ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) questionnaire by J. Gross. *Questions of Psychology*, 5, 139–149. (In Russ.).
 9. Пищик, В.И. (2026). *Ментальность поколений в текущей современности*. М.: Инфра-М.

- Pishchik, V.I. (2026). *Mentality of generations in the fluid modernity*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
10. Пищик, В.И. (2021). Психологические характеристики «Нового» поколения: гомогенность vs гетерогенность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(1), 42–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63>
Pishchik, V.I. (2021). Psychological characteristics of the “New” generation: homogeneity vs heterogeneity. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 18(1), 42–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63> (In Russ.).
 11. Попова, О.И., Тимохина, Г.С., Изакова, Н.Б. (2023). Ценностные установки представителей разных поколений в процессе принятия решений о выборе вуза и образовательной программы. *Мир (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 14(4), 636–653. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.636-653>
Popova, O.I., Timokhina, G.S., Izakova, N.B. (2023). Valuable attitudes of representatives of different generations in the decision-making process on choosing a university and educational program. *The world (Modernization. Innovation. Development)*, 14(4), 636–653. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.636-653> (In Russ.).
 12. Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 143–165. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>
Rikel, A.M., Dorokhov, E.A. (2023). Generation as a subject of social psychology: can you not refuse to explore? *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, 46(3), 143–165. DOI:10.11621/LPJ-23-31 (In Russ.).
 13. Солдатова, Г.У., Трифонова, А.В. (2018). *Медиамногозадачность: стоит ли беспокоиться. Дети в информационном обществе*, 28, 26–37.
Soldatova, G.U., Trifonova, A.V. (2018). *Media multitasking: is it worth worrying about. Children in the Information Society*, 28, 26–37. (In Russ.).
 14. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С.В., Илюхина, С.Н. (2022). Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 12(3), 226–248. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.301>
Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Ilyukhina, S.N. (2022). Perceptions of real and virtual spaces as part of the current worldview of adolescents and parents in a digital society: opportunities for adaptation. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 12(3), 226–248. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.301> (In Russ.).
 15. Твендж, Дж.М. (2019). *Поколение I*. М.: РИПОЛ классик.
Twenge, J.M. (2019). *Generation I*. Moscow: RIPPOLL Classic. (In Russ.).
 16. Третьякова, В.С., Церковникова, Н.Г. (2021). Цифровое поколение: потери и приобретения. *Профессиональное образование и рынок труда*, 2, 53–65. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004>
Tretyakova, V.S., Tserkovnikova, N.G. (2021). The digital generation: losses and gains. *Vocational Education and the Labor Market*, 2, 53–65. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004> (In Russ.).
 17. Шмелев, А.Г. (2002). *Психодиагностика личностных черт*. СПб.: Речь.
Shmelev, A.G. (2002). *Psychodiagnostics of personality traits*. St. Petersburg: Speech. (In Russ.).
 18. Щербакова, О.И., Осипов, В.П. (2025). Особенности взаимодействия поколений X, Y, Z. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 3, 58–66. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2025.3.58-66>

- Shcherbakova, O.I., Osipov, V.P. (2025). Features of the interaction of generations X, Y, Z. *Bulletin of Omsk University. Psychology series*, 3, 58–66. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2025.3.58-66> (In Russ.).
19. Imjai, N., Chansamran, S., Sungthong, S., Usman, B., Aujirapongpan, S. (2025). Developing employability digital competencies of Thai Gen Z business students: The role and matter of digital learning environments and digital adaptation skills, *The International Journal of Management Education*, 23(3), 101219. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2025.101219>
 20. Kazemy, H., Ravari, A., Kamiab, Z., Iranmanesh, F., Mirzaei, T. (2026). Integrating AI-supported adaptive learning with cooperative jigsaw strategy for generation Z nursing students: A mixed-methods study. *Next Research*, 6, 101426. <https://doi.org/10.1016/j.nexres.2026.101426>
 21. Kwon, S., Lee, T. (2025). Path Analysis of Career Decision-Making Among Nursing Students: A Descriptive Cross-Sectional Study. *Asian Nursing Research*. <https://doi.org/10.1016/j.anr.2025.09.002>
 22. Pui Hang Choi, E. (2026). Digital professionalism and the evolving identity of nursing students in the social media era. *Nurse Education Today*, 160, 107002. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2026.107002>
 23. Ru-Zhue, J., Imjai, N., Yordudom, T., Kongrode, J., Sumiati, S., Aujirapongpan, S. (2025). How do the role of digital connectivity capabilities and heuristic thinking skills shape the development of digital marketing competency in Gen Z marketing students? *The International Journal of Management Education*, 23(2), 101157. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2025.101157>
 24. Tutar, H., Erdem, A.T., Karademir, . (2022). Moderator role of old and new Y generation differences in the effect of perceptions of self-efficiency on decision-making strategies. *Management Research Review*, 45(5), 619–634. <https://doi.org/10.1108/MRR-01-2021-0026>
 25. Zare, S., Lattanzi, N., di Minin, A. (2025). Decision-making dynamics of digital user innovators: A temporal and regional perspective. *International Journal of Innovation Studies*. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2025.10.003>
 26. Zhang, C., Ha, L., Liu, X., Wang, Y. (2018). The role of regulatory focus in decision making of mobile app download: A study of Chinese college students. *Telematics and Informatics*, 35(8), 2107–2117. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.07.012>

Приложение / Appendix

Приложение А. Авторский опросник «Взаимодействие с цифровой средой» и результаты проверки надежности опросника. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170206>

Appendix A. The author's questionnaire "Interaction with the digital environment" and the results of checking the reliability of the questionnaire. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170206>

Информация об авторах

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Пищик В.И., Саталкин Д.В. (2026)
Особенности принятия решений представителями
поколений Y и Z в условиях цифровой среды
Социальная психология и общество,
17(2), 89–104.

Pishchik V.I., Satalkin D.V. (2026)
Features of decision-making by representatives
of generations Y and Z in a digital environment
Social Psychology and Society,
17(2), 89–104.

Дмитрий Владимирович Саталкин, магистр психологии, руководитель отдела продаж ООО АЛИДИ-Норд, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8237-0412>, e-mail: dmitry.satalkin1@gmail.com

Information about the authors

Vlada I. Pishchik, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of General Psychology and Counseling Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Dmitry V. Satalkin, Master of Psychology, Head of Sales Department, ALIDI-NORD, Rostov-on-Don, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8237-0412>, e-mail: dmitry.satalkin1@gmail.com

Вклад авторов

Пищик В.И. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Саталкин Д.В. — применение статистических методов для анализа данных; проведение исследования; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Vlada I. Pishchik — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research planning; control over the research.

Dmitry V. Satalkin — application of statistical or other methods for data analysis; conducting research; data collection and analysis; visualization of research results.

All the authors participated in the discussion of the results and agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (протокол от 10.12.2025 № 6).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the Don State Technical University (report no. 6, 2025/12/10).

Поступила в редакцию 14.12.2025

Поступила после рецензирования 15.03.2026

Принята к публикации 17.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.12.14

Revised 2026.03.15

Accepted 2026.06.17

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Социальная идентичность и групповая идентификация в условиях успеха и поражения

А.А. Гудзовская ✉

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Самара, Российская Федерация

✉ aag_1@rambler.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Ситуации группового успеха (выигрыша) и поражения (проигрыша) значимо влияют на групповую идентификацию, однако эмпирические данные неоднозначны: одни исследования фиксируют усиление приверженности группе при неуспехе (защитный механизм), другие — дистанцирование от нее. Кроме того, практически не изучено, как базовая структура социальной идентичности человека (множественная, иерархическая, диффузная или эгоцентрическая) опосредует эту динамику, особенно в ситуативных, временных группах. Настоящее исследование заполняет этот пробел, анализируя взаимодействие исхода групповой деятельности и типа идентичности.

Цель. Определить динамику групповой идентификации в условиях группового выигрыша и проигрыша, а также установить характер влияния базового типа социальной идентичности на эту динамику.

Гипотеза. Групповой проигрыш приведет к усилению групповой идентификации. Предполагается, что взаимодействие исхода игры и типа идентичности обуславливает динамику идентификации.

Методы и материалы. Выборка: 264 студента ($M = 18,96$; $SD = 1,12$; 74,2% девушек). Тип социальной идентичности (множественная, иерархическая, диффузная, эгоцентрическая) определялся методикой ГТИ А.А. Гудзовской и М.С. Мышкиной. В эксперименте участники играли в командную игру «Кораблекрушение», попадая в ситуацию выигрыша или проигрыша. Уровень групповой идентификации измерялся до и после игры Шкалой групповой идентификации К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова. Применялся смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA) с межгрупповыми факторами «Исход игры» (3 уровня) и «Тип идентичности» (4 уровня), а также внутригрупповым фактором «Время измерения» (до и после).

Результаты. Эмпирически определено, что групповая идентификация усиливается как при проигрыше, так и при выигрыше по сравнению с контрольной группой (рост самостереотипизации, самокатегоризации и вовлеченности). Трехстороннего взаимодействия Время × Исход × Тип не обнаружено ($p = 0,942$): влияние успеха/неуспеха не зависит от типа идентичности. Однако участники с диффузным типом показывают значимо больший прирост удовлетворенности, самокатегоризации и вовлеченности по сравнению с иерархическим типом ($p \leq 0,010$), что подтверждает самостоятельный вклад типа идентичности.

Выводы. *Проигрыш активирует защитные механизмы, усиливая групповую идентификацию, этот эффект не зависит от типа идентичности. Диффузный тип наиболее пластичен и демонстрирует максимальный прирост вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации по сравнению с иерархическим типом.*

Ключевые слова: *социальная идентичность, множественная идентичность, групповая девальвация, проигрыш, групповая идентификация, групповая вовлеченность, ситуация фрустрации*

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-01468.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования М.С. Мышкину и Е.С. Гусеву.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/e333-t86k-a828>.

Для цитирования: Гудзовская, А.А. (2026). Социальная идентичность и групповая идентификация в условиях успеха и поражения. *Социальная психология и общество*, 17(2), 105–123. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Social identity and group identification in conditions of success and defeat

A.A. Gudzovskaya ✉

Samara University, Samara, Russian Federation

✉ aag_1@rambler.ru

Abstract

Context and relevance. *Situations of group success (winning) and defeat (losing) significantly affect group identification; however, empirical evidence remains inconsistent. Some studies report increased group commitment following failure (as a defensive mechanism), while others find distancing from the group. Moreover, the role of an individual's basic social identity structure (multiple, hierarchical, diffuse, or egocentric) in moderating this dynamic remains largely unexplored, particularly in situational, ad-hoc groups. The present study fills this gap by analyzing the interaction between group outcome and identity type.*

Objective. *To determine the dynamics of group identification in conditions of group winning and losing, and to establish the nature of the influence of basic social identity type on these dynamics.*

Hypothesis. *Group loss will lead to increased group identification. It is assumed that the interaction between game outcome and identity type determines the dynamics of identification.*

Methods and materials. *Sample: 264 undergraduate students ($M = 18,96$, $SD = 1,12$; 74,2% female). Social identity type (multiple, hierarchical, diffuse, egocentric) was assessed using the Group Identity Test (GIT) by Gudzovskaya and Myshkina. In the experiment, participants played a team-based game "Shipwreck" and were randomly assigned to win or loss conditions.*

Group identification was measured before and after the game using Leach's scale, adapted by E.R. Agadullina and A.V. Lovakov. A mixed ANOVA was conducted with between-subjects factors "Game Outcome" (3 levels) and "Identity Type" (4 levels), and a within-subjects factor "Time of Measurement" (pre- and post-intervention).

Results. *Group identification increased both after loss and after win compared to the control group (as reflected in increased self-stereotyping, self-categorization, and involvement). No three-way interaction (Time × Outcome × Type) was found ($p = 0,942$): the effect of success/failure does not depend on identity type. However, participants with a diffuse identity type showed significantly greater gains in satisfaction, self-categorization, and involvement compared to those with a hierarchical type ($p \leq 0,010$), confirming an independent contribution of identity type.*

Conclusions. *Loss activates defensive mechanisms that increase group identification; this effect is independent of identity type. The diffuse type is the most plastic and demonstrates the greatest increase in involvement and cognitive components of identification compared to the hierarchical type.*

Keywords: *social identity, multiple identity, group devaluation, loss, group identification, group involvement, frustration situation*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-28-01468.

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection M.S. Myshkina and E.S. Guseva.

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/e333-t86k-a828>.

For citation: Gudzovskaya, A.A. (2026). Social identity and group identification in conditions of success and defeat. *Social Psychology and Society*, 17(2), 105–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Введение

В условиях современных социальных трансформаций вопросы социальной идентичности и межгрупповых отношений приобретают повышенную значимость. Начиная с классических работ А. Тэджфела и Дж. Тернера (Tajfel, Turner, 1979) социальная идентичность (СИ) рассматривается как ключевой фактор, определяющий межгрупповое поведение, реакции человека на членов своей и внешних групп, а также продуктивность совместной деятельности.

Исследования динамики групповой идентификации, как одного из операционализированных показателей социальной идентичности, показывают, что ее уровень зависит от ситуационного (Lind,

2023; Haslam et al., 2024; Golec de Zavala, 2025) и культурного контекста (Nisbett, 2001; Na, Grossmann, 2020), который может усиливать или ослаблять приверженность группе. Для анализа динамики групповой идентификации используется многокомпонентная модель К. Лича (Leach et al., 2008), включающая эмоциональный компонент (самоинвестирование) и когнитивный (самокатегоризация). В ряде исследований К. Лича и его коллег показано, что компоненты групповой идентификации сильно меняются в ситуации групповой девальвации (Leach et al., 2010).

Термин «групповая девальвация» обозначает ситуацию, при которой группа воспринимается как менее ценная по

сравнению с другими. Участники испытывают угрозу позитивному образу группы, у них могут активироваться защитные механизмы, меняться уровень групповой вовлеченности (Simon, Klandermans, 2001). В российской социальной психологии эти процессы анализируются в контексте этнокультурного взаимодействия и коллективных эмоций (Лебедева, 2021; Стефаненко, Липатов, 2016). Исследования подтверждают, что групповая вовлеченность является прямым следствием силы социальной идентичности (Злоказов, 2017).

В качестве девальвирующего условия группа регулярно рассматривается проигрыш. Классические эксперименты А. Тэджфела и Дж. Тернера (Tajfel, Turner, 1979) выявили, что проигрыш усиливает ингрупповой фаворитизм как компенсаторное стремление сохранить позитивную идентичность. Экспериментальные работы показывают, что в ряде случаев проигрыш приводит к дистанцированию от группы для сохранения собственной позитивной идентичности (C denas, 2020), в других — усиливает приверженность группе (Leach et al., 2010; Bagci, 2022). В условиях групповой девальвации стресс повышает солидарность с группой, но при чрезмерной его интенсивности возникают эгоистические реакции и снижение групповой поддержки (Faber, Häusser, 2022).

Современные метаанализы подтверждают, что угроза статусу группы вызывает фрустрацию, снижает самооценку, но одновременно повышает значимость принадлежности и стимулирует коллективные действия (Hogg, 2023). Работы Van Zomeren с коллегами демонстрируют, что восприятие проигрыша как несправдливо

вого усиливает солидарность с группой, тогда как атрибуция причин неудачи группе может снижать вовлеченность или инициировать внутригрупповое обвинение (Van Zomeren et al., 2008). Аналогичные выводы сделаны в организациях при оценке решений руководства (Lind, 2023).

Н. Хирсон, изучая спортивных болельщиков, обнаруживает противоположные тенденции. Так, при проигрыше своей команды возникает стратегия CORFing (Cutting off reflected failure) («отсечение отраженной неудачи») — дистанцирование от группы для защиты самооценки; при выигрыше — стратегия BIRGing (Basking in reflected glory) («купание в лучах отраженной славы») — усиление идентификации с успешной группой (Hirshon, 2020). Различия в восприятии угрозы также зависят от статуса группы (Bagci et al., 2021). Уязвимые формы групповой гордости, например, коллективный нарциссизм, обуславливают агрессивные реакции на угрозы (Golec de Zavala, 2025).

Эффекты девальвации зависят от структуры идентичности, в частности, от ее определенности (Hogg, 2023); силы идентификации с этнической группой (Teixeira et al., 2022); от предшествующей идентичности и количества ингрупп (Iyer, Jetten, 2023). Неопределенность структуры идентичности связана с уязвимостью в стрессовых ситуациях (Злоказов, 2017). Идентификация одновременно с несколькими группами может выступать защитой психологического благополучия в ситуации девальвации (Jetten et al., 2009; Bataille et al., 2022). Множественная идентичность отражает способность интегрировать членство в нескольких социальных группах (Roccas, Brewer, 2002;

Волков, 2022). Модели множественных идентичностей демонстрируют, что дистанцирование от негативно оцениваемых групп может служить механизмом согласования конфликтующих идентичностей (Liaquat et al., 2025).

В наших предыдущих исследованиях была разработана типология социальной идентичности (Гудзовская, 2023), основанная на степени осознанности своей принадлежности к разным социальным группам (семья, учебная группа или группа коллег по работе, территория проживания, страна проживания, все люди). Типология включает: множественный тип (высокая осознанность принадлежности к разным группам); иерархический тип (выраженная дифференциация групп по значимости); диффузный тип (отсутствие различий в субъективной значимости групп); эгоцентрический тип (фокус на личной значимости при формальном признании групповой структуры). Поскольку выделенные типы различаются по степени осознанности принадлежности к группам и гибкости идентификационных структур, можно предположить, что они по-разному реагируют на угрозу групповому статусу. В частности, множественный тип может демонстрировать устойчивость, тогда как диффузный и иерархический — повышенную чувствительность к девальвации.

Цель нашего исследования — выявление динамики групповой идентификации в условиях группового успеха и группового поражения в игровой ситуации, а также определение характера влияния базового типа социальной идентичности на динамику групповой идентификации в условиях выигрыша и проигрыша.

Гипотезы исследования. 1. Групповой проигрыш приведет к значимому уси-

лению групповой идентификации. Мы предполагаем, что в ситуации девальвации группы (неуспеха) будут активированы защитные механизмы, ведущие к росту приверженности группе. 2. Эффект взаимодействия между исходом игры (выигрыш/проигрыш) и типом социальной идентичности обуславливает динамику групповой идентификации. Предполагается, что влияние ситуации успеха или неуспеха будет опосредовано базовой структурой социальной идентичности участников исследования.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 264 студента бакалавриата в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст — 18,96 лет, $SD = 1,12$, $min = 17$, $max = 25$), 74,2% составили девушки и 25,8% — юноши. Участники были здоровы физически и имели нормальное зрение или коррекцию зрения до нормы. Все респонденты были ознакомлены с основными правилами проведения исследования и предоставили письменное информированное согласие на участие в экспериментальной процедуре в соответствии с требованиями местного этического комитета. Участие в исследовании засчитывалось им как выполнение части учебного задания.

Дизайн и переменные исследования

Исследование проводилось в два этапа с интервалом в 1–2 недели и включало первичное тестирование (измерение устойчивой (базовой) структуры идентичности) и экспериментальную процедуру, формирующую три условия: выигрыш, проигрыш и контроль.

Этап 1. Измерение типа социальной идентичности проводилось с помощью

Группового теста идентичности (ГТИ) А.А. Гудзовской и М.С. Мышкиной (Гудзовская, 2023). Для каждого участника был установлен один из четырех типов идентичности: множественный, иерархический, диффузный или эгоцентрический. Тип определяется на основе отношения к устойчивым социальным общностям: семья, учебная группа, населенный пункт и страна проживания, все люди.

Этап 2. Экспериментальная процедура. Спустя 1–2 недели после первичного тестирования участники были случайным образом распределены по командам (3–5 человек) с использованием номеров, что позволяло разделить хорошо знакомых сокурсников по разным игровым командам. Полный контроль знакомства не обеспечивался, что рассматривается как ограничение исследования; однако измерение динамики показателей позволяет частично нивелировать влияние исходных различий. Одновременно в помещении находилось от трех до пяти команд (соотношение девушек и юношей в каждой команде составляло примерно 3–4 к 1–2).

Измерение исходного уровня групповой идентификации. До игрового этапа, находясь в своей игровой команде, участники индивидуально заполняли бланк Шкалы групповой идентификации К. Лича (Leach et al., 2008) в адаптации Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова (Агадуллина, Ловаков, 2013) для фиксации первоначальных показателей групповой идентификации.

Игровая манипуляция («Кораблекрушение»). Командам предлагалась совместная задача «Кораблекрушение», требующая выработки единого решения в стрессоподобной ситуации. Результаты сравнивались с эталонным ключом, пред-

ставленным как разработка ЮНЕСКО, что определяло экспериментальное условие: выигрыш («Спасение») — команда набирала меньше 60 баллов ($N = 62$; 13 команд); проигрыш («Не спаслись») — команда набирала больше 60 баллов, что моделировало групповую девальвацию ($N = 136$; 33 команды). Проигравшие команды набирали в среднем 75–90 баллов. Типичное время игры составляло 25–40 минут. Послеигровое распределение участников представлено в табл. 1.

Сразу после объявления результатов (успех/поражение) участники вновь заполняли Шкалу групповой идентификации К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова для оценки изменений.

Контрольная группа (КГ) — участники выполняли игровое задание и повторную диагностику проходили до получения обратной связи о выигрыше/проигрыше ($N = 66$; 10 команд).

Первоначально в исследовании приняли участие 277 студентов. После исключения 13 человек с недифференцированными ответами по Шкале Лича (одинаковые оценки по всем пунктам) итоговая выборка составила 264 человека.

Таким образом, исследование имело смешанный дизайн с повторными измерениями: экспериментальный фактор (выигрыш/проигрыш) сочетался с квазиэкспериментальным фактором (тип идентичности; 4 уровня).

Измеряемые переменные. Независимые переменные: результат игровой ситуации (выигрыш/проигрыш); тип социальной идентичности (множественный, иерархический, диффузный, эгоцентрический).

Зависимая переменная. Уровень групповой идентификации (включенности), измеренный дважды с помощью Шкалы

Таблица 1 / Table 1

**Распределение участников по экспериментальным группам
 и типам социальной идентичности (N = 264)**
**Distribution of Participants Across Experimental Conditions
 and Social Identity Types (N = 264)**

Тип социальной идентичности / Social Identity Types	Выигрыш / Win	Проигрыш / Loss	Контрольная / Control	Всего по типу / Total by type
Множественный / Multiple	20	49	23	92
Иерархический / Hierarchical	12	28	9	49
Диффузный / Diffuse	4	15	6	25
Эгоцентрический / Egocentric	18	29	7	54
Без определения типа / Un- defined	8	15	21	44
Всего по условию / Total by condition	62	136	66	264

Примечание. В анализ типов социальной идентичности вошло на 44 участника меньше, чем вся выборка. Они не проходили первичное тестирование базового типа социальной идентичности по методике ГТИ (N = 220).

Note. Only participants who completed the GTI diagnostic were included in the analysis of social identity types (N = 220). Participants whose identity type could not be determined (N = 44) were not included in the type analysis.

Лича. Использовалась русскоязычная версия Шкалы групповой идентификации (Group Identification Measure) К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова (Агадуллина, Ловаков, 2013). Методика включает 14 пунктов с оценкой по 7-балльной шкале Лайкерта и позволяет выделить итоговый показатель «Вовлеченность» (среднее значение по всем пунктам шкалы), 7 первичных показателей, объединенных в переменные второго порядка: 1) самокатегоризация — когнитивный компонент, включающий индивидуальную самостереотипизацию и внутригрупповую однородность; 2) самоинвестирование — эмоциональный компонент, состоящий из показателей: удовлетворение членством в группе, солидарность с группой. Показатель

затель центральности, присутствующий в оригинальной версии, исключался, поскольку экспериментальные группы были ситуативными.

Для проверки гипотез исследования был использован смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA) с межгрупповыми факторами «Исход игры» (3 уровня: выигрыш, проигрыш, контроль) и «Тип социальной идентичности» (4 уровня: множественный, иерархический, диффузный, эгоцентрический), а также внутригрупповым фактором «Время измерения» (до и после воздействия). При проведении множественных контрастов применялась поправка Бонферрони ($\alpha = 0,01$). Обработка данных выполнена с помощью IBM SPSS Statistics 27.

Результаты

Описательные статистики динамики показателей групповой идентификации представлены в табл. 2.

Большинство показателей групповой вовлеченности имеет тенденцию к возрастанию в группах с выигрышем и проигрышем. В контрольной группе положительная динамика этих показателей не выражена.

В табл. 3 представлены средние значения и стандартные отклонения описательных статистик групповой идентификации для множественной, иерархической, диффузной и эгоцентрической социальной идентичности. В таблице включены не все участники, а те, кто прошел диагностику по методике ГТИ ($N = 220$).

Таблица 2 / Table 2

Параметры групповой идентификации до и после экспериментального воздействия ($N = 264$)
Parameters of In-Group Identification Pre / Post experimental intervention ($N = 264$)

Параметры / Parameters	Этап / Stage	Группа / Group					
		Выигрыш / Win ($N = 62$)		Проигрыш / Loss ($N = 136$)		Контрольная / Control ($N = 66$)	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Переменные первого порядка / First-order variables							
Солидарность / Solidarity	До / Pre	5,01	1,20	4,80	1,44	5,14	1,33
	После / Post	5,49	1,34	5,32	1,41	5,35	1,43
Удовлетворенность / Satisfaction	До / Pre	5,58	1,21	5,42	1,33	5,61	1,23
	После / Post	5,92	1,26	5,58	1,40	5,57	1,40
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	До / Pre	3,94	1,32	4,21	1,45	4,16	1,38
	После / Post	4,58	1,43	4,65	1,49	4,24	1,46
Внутригрупповая однородность / In-Group Homogeneity	До / Pre	3,38	1,19	3,70	1,49	3,74	1,36
	После / Post	3,94	1,55	4,28	1,71	3,89	1,51
Переменные второго порядка / Second-order variables							
Самоинвестирование / Self-investment	До / Pre	5,36	1,15	5,11	1,32	5,37	1,22
	После / Post	5,79	1,25	5,45	1,34	5,45	1,36
Самокатегоризация / Self-definition	До / Pre	3,67	1,15	3,97	1,36	3,97	1,16
	После / Post	4,27	1,39	4,47	1,51	4,08	1,35
Итоговый показатель / Total score							
Вовлеченность / In-group identification	До / Pre	4,51	0,98	4,54	1,24	4,67	1,03
	После / Post	5,02	1,17	4,96	1,35	4,75	1,24

Таблица 3 / Table 3

**Параметры групповой идентификации до и после экспериментального
 воздействия для разных типов социальной идентичности (N = 220)**
**Group Identification Parameters: Pre- and Post-test Comparison Across
 Social Identity Types (N = 220)**

Параметры / Parameters	Этап / Stage	Идентичность / Identity							
		Множественная / Multiple (N = 92)		Эгоцентрическая / Ego centric (N = 54)		Иерархическая / Hierarchical (N = 49)		Диффузная / Diffuse (N = 25)	
		M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Солидарность / Solidarity	До / Pre	4,89	1,30	4,90	1,29	4,71	1,44	5,45	1,09
	После / Post	5,43	1,30	5,31	1,33	5,22	1,52	5,75	0,95
Удовлетворенность / Satisfaction	До / Pre	5,40	1,34	5,72	1,17	5,36	1,25	6,16	0,81
	После / Post	5,67	1,31	5,67	1,25	5,60	1,47	6,33	0,76
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	До / Pre	4,13	1,31	4,23	1,51	3,91	1,24	5,00	1,03
	После / Post	4,62	1,34	4,64	1,30	4,33	1,58	5,13	1,02
Внутригрупповая однородность / In-Group Homogeneity	До / Pre	3,61	1,43	3,68	1,22	3,34	1,25	4,12	1,25
	После / Post	4,16	1,62	3,99	1,69	4,02	1,51	4,34	1,23
Самоинвестирование / Self-investment	До / Pre	5,17	1,26	5,34	1,17	5,05	1,30	5,80	0,90
	После / Post	5,58	1,24	5,52	1,23	5,44	1,46	6,04	0,83
Самокатегоризация / Self-definition	До / Pre	3,88	1,26	3,97	1,22	3,64	1,11	4,58	1,01
	После / Post	4,40	1,35	4,32	1,43	4,19	1,42	4,74	1,06
Вовлеченность / In-group identification	До / Pre	4,53	1,15	4,65	1,06	4,34	1,06	5,18	0,84
	После / Post	4,98	1,20	4,91	1,22	4,81	1,31	5,39	0,83

Представленные в табл. 3 описательные статистики отражают первичную динамику средних значений по группе до и после экспериментального воздействия. Для статистической проверки проведен смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA). Полные матрицы многомерных критериев для всех шкал представлены в Приложении А, табл. А1–А7.

Главный эффект фактора «Время» оказался статистически значимым для большинства показателей: вовлеченность ($A = 0,921$, $F(1,208) = 17,831$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,079$), самокатегоризация ($A = 0,939$, $F(1,208) = 13,437$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,061$), самостереотипизация ($A = 0,965$, $F(1,208) = 7,568$, $p = 0,006$, $\eta^2 = 0,035$), самоинвестирование ($A = 0,935$, $F(1,208) = 14,378$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,065$).

Это подтверждает, что участие в игровой процедуре в целом изменяет показатели групповой идентификации.

Взаимодействие «Время × Исход» обнаружило значимые изменения по показателю самостереотипизации ($A = 0,955$, $F(2,208) = 4,906$, $p = 0,008$, $\eta^2 = 0,045$), что свидетельствует о различиях в динамике экспериментальных и контрольной групп, в группах выигрыш/проигрыш показатель растет, а в контрольной нет. Тенденция, не достигающая статистической значимости, сохраняется для самокатегоризации ($A = 0,972$, $F(2,208) = 2,974$, $p = 0,053$, $\eta^2 = 0,028$) и вовлеченности ($A = 0,973$, $F(2,208) = 2,861$, $p = 0,059$, $\eta^2 = 0,027$).

Трехстороннее взаимодействие «Время × Исход × Тип» не достигло статистической значимости ни по одному из показателей (для вовлеченности $p = 0,942$; самокатегоризации $p = 0,930$; самостере-

отипизации $p = 0,673$; удовлетворенности $p = 0,974$). Это означает, что влияние ситуации выигрыша или проигрыша на динамику групповой идентификации не зависит от базового типа социальной идентичности участников.

Несмотря на отсутствие трехстороннего взаимодействия, был обнаружен значимый главный эффект фактора «Тип идентичности». Для углубленного анализа различий между типами были использованы специальные плановые контрасты (planned contrasts), где апостериорные тесты выявили значимые различия в рамках модели смешанного дисперсионного анализа, что позволяет проверить конкретные теоретические гипотезы с максимальной статистической мощностью. Результаты контрастов представлены в табл. 4.

Результаты контрастов (Таблица 4) подтверждают, что диффузный тип

Таблица 4 / Table 4

**Результаты плановых контрастов для различных
 показателей групповой идентификации
 Results of Planned Contrasts for Different Indicators
 of Group Identification**

Показатель / Indicator	Сравнение / Comparison	Оценка контраста / Contrast Estimate	Стандартная ошибка / Std. Error	<i>p</i>	95% ДИ / 95% CI
Вовлеченность / In-group identification	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,010	0,367	0,006	[-1,733; -0,288]
Самокатегоризация / Self-definition	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,049	0,404	0,010	[-1,845; -0,253]
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,329	0,418	0,002	[-2,153; -0,505]

Показатель / Indicator	Сравнение / Comparison	Оценка контраста / Contrast Estimate	Стандартная ошибка / Std. Error	<i>p</i>	95% ДИ / 95% CI
Удовлетворенность / Satisfaction	Диффузный vs Иерархиче- ский	-1,083	0,405	0,008	[-1,880; -0,285]
Удовлетворенность / Satisfaction	Диффузный vs Множествен- ный / Diffuse vs Multiple	0,999	0,371	0,008	[0,266; 1,731]

Примечание. Все эффекты сохраняют статистическую значимость после поправки Бонферрони на множественные сравнения ($\alpha = 0,01$). Направление сравнения задано математической логикой контрастов SPSS. Отрицательные значения оценок в парах с иерархическим типом и положительное значение в паре с множественным типом единообразно указывают на то, что абсолютные показатели групповой идентификации у представителей диффузного типа значи-мо выше, чем у остальных групп.

Note. All effects remain statistically significant after Bonferroni correction for multiple comparisons ($\alpha = 0,01$). The direction of comparison is determined by the mathematical logic of SPSS contrasts. Negative estimates in pairs involving the hierarchical type and the positive estimate in the pair involving the multiple type consistently indicate that the absolute group identification scores for the diffuse type are significantly higher than those of the other groups.

идентичности характеризуется статисти-чески более высокими показателями по сравнению с иерархическим. Это со-отношение прослеживается по шкалам: вовлеченности ($p = 0,006$), самокатегоризации ($p = 0,010$), самостереотипизации ($p = 0,002$) и удовлетворенности ($p = 0,008$). Кроме того, по показателю удовлетворенности диффузный тип также значимо превосходит множественный тип ($p = 0,008$). Полученные значения линейных контрастов вкупе с границами доверительных интервалов подтверждают умеренную и выраженную величину за-фиксированных межгрупповых различий.

На рисунке представлена гра-фическая иллюстрация результатов смешанного ANOVA по показателю самостереотипизации, где выявлен ста-тистически значимый эффект взаимо-действия факторов «Время × Исход»

($F = 0,955$, $F(2,208) = 4,906$, $p = 0,008$, $\eta^2 = 0,045$).

Из диаграммы видно, что в ситуа-циях определенности игрового исхода (выигрыш/проигрыш) зафиксирован однонаправленный рост показателей самостереотипизации (значения $\Delta > 0$) у представителей всех типов социаль-ной идентичности. В ситуации «Вы-игрыш» наибольший сдвиг наблюдается у эгоцентрического типа ($\Delta = 0,92$), а наименьший – у диффузного. В ситу-ации «Проигрыш» показатели эгоцен-трического типа снижаются, тогда как у диффузного типа фиксируется рост ($\Delta = 0,34$). В контрольной группе пока-затели большинства типов уходят в об-ласть отрицательных значений (минус), за исключением множественного типа, удерживающего слабую положитель-ную динамику.

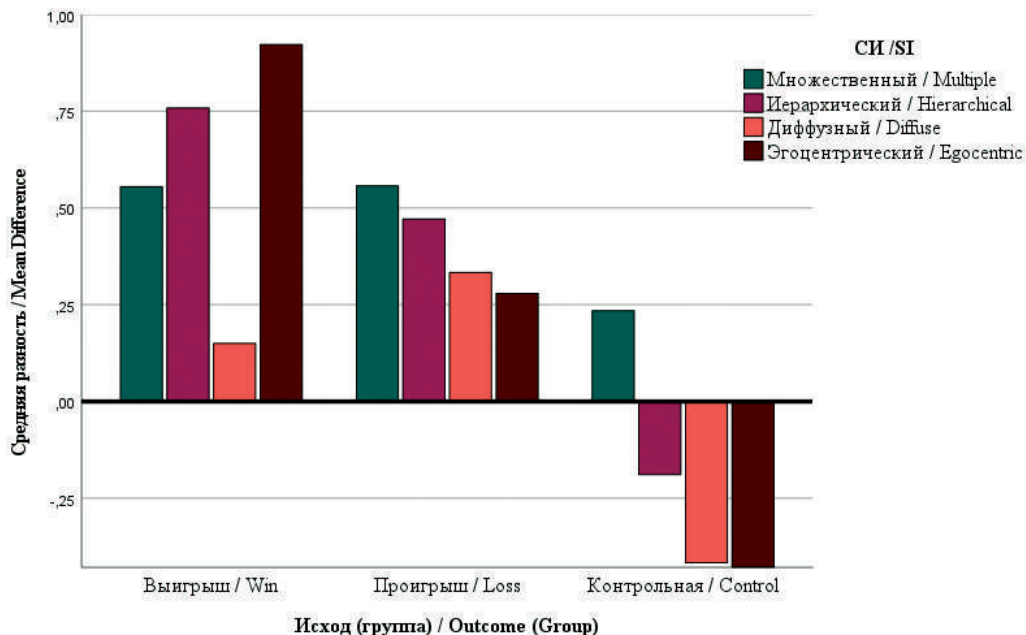

Рис. Изменения показателей самостереотипизации (После – До) в зависимости от исхода эксперимента и типа социальной идентичности (СИ) ($N = 220$)

Fig. Changes in self-stereotyping scores (Post – Pre) as a function of experimental outcome and social identity (SI) type ($N = 220$)

Обсуждение результатов

Цель исследования заключалась в выявлении динамики групповой идентификации в условиях выигрыша и проигрыша, а также в установлении характера влияния базового типа социальной идентичности на эти изменения. Полученные данные подтверждают обе гипотезы частично и выявляют дифференцированный характер реагирования на групповую девальвацию.

Общий эффект проигрыша / выигрыша. Главный эффект фактора «Время» оказался статистически значимым для итогового показателя «Вовлеченность», показателей второго порядка самокате-

горизации и самоинвестирования, показателя первого порядка самостереотипизации (когнитивный компонент). Это подтверждает, что участие в игровой процедуре в целом изменяет показатели групповой идентификации, является фактором ее роста по сравнению с контрольной группой. Первая гипотеза подтвердилась частично. Наряду со значимым увеличением показателей групповой вовлеченности в ситуации проигрыша, аналогичный рост происходит и в ситуации выигрыша. Эти результаты согласуются с исследованиями компенсаторного усиления групповой приверженности при угрозе статусу группы (Hogg,

2023; Leach et al., 2010), в которых усиление идентификации рассматривается как ключевой защитный механизм в ответ на угрозу позитивной социальной идентичности. Усиление групповой включенности и чувства социальной идентичности способствует психическому здоровью, снижению одиночества (Haslam et al., 2024). Повышение групповой идентификации в ситуации стресса групповой девальвации или группового давления согласуется с реакцией конформного поведения, стремления «не выделяться» (Федоров, Рахманов, 2024).

Статистически значимое усиление групповой идентификации по показателю самостереотипизации (Взаимодействие «Время × Исход») по сравнению с контрольной группой также говорит о том, что как проигрыш, так и выигрыш (успех) игровой группы являются стимулом мобилизации групповой вовлеченности.

Роль базового типа социальной идентичности. Вторая гипотеза о том, что влияние ситуации успеха или неуспеха будет опосредовано базовой структурой социальной идентичности участников исследования, в целом не подтвердилась. Эффекты взаимодействия между исходом игры (выигрыш/проигрыш), типом социальной идентичности и временем диагностики (до/после) не достигают значимого уровня и не обуславливают динамику групповой идентификации. Нельзя сделать вывод о том, что влияние ситуации успеха или неуспеха опосредовано базовым типом социальной идентичности участников исследования.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют об универсальном характере экспериментального воздействия: под влиянием соревновательного

игрового контекста показатели групповой вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации (разность После – До) статистически значимо увеличились у представителей всех типов социальной идентичности. Отсутствие значимого трехстороннего взаимодействия факторов ($p = 0,942$) строго доказывает, что сама траектория этого роста принципиально не различается у разных групп респондентов.

Несмотря на общую универсальность динамики, абсолютные значения параметров идентификации значимо различались в зависимости от базовой структуры социальной идентичности респондентов, что полностью подтверждено результатами плановых контрастов (см. табл. 4). Участники с диффузным типом СИ на всех этапах эксперимента демонстрируют более высокий базовый уровень вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации, значимо опережая представителей иерархического типа, а по показателю удовлетворенности – и множественного.

Для представителей диффузного типа СИ, характеризующихся отсутствием субъективной дифференциации устойчивых социальных общностей, включение в ситуацию малой группы выступает источником быстрой когнитивной стабилизации. Их изначально высокие баллы и последующий рост могут отражать компенсаторное стремление прочно «держаться» за ситуативное микросообщество (Leach et al., 2010) ради совладания со стрессом, что соотносится с предпочтением копинг-стратегии «избегание» глобальных вызовов (Саунин, 2025). Оценки по шкалам вовлеченности у представителей диффузного типа изначально выше, менее дифференцированы.

Возможно, что в условиях физической близости сокомандников данный тип может демонстрировать паттерны социального желательного конформизма.

При всем сходстве шкальных оценок групповой вовлеченности у представителей разных типов СИ можно предположить, что за ними стоят принципиально различные психологические детерминанты. Так, участники с множественным типом СИ, обладая сложной, многомерной структурой Я-концепции, используют ее как ментальный буфер (Roccas, Brewer, 2002; Jetten et al., 2009; Злоказов, 2017). Для них включение в игру — это проявление общей высокой социально-психологической адаптивности и открытости к социальному взаимодействию (Haslam et al., 2024). Сложная идентичность защищает их от фрустрации в случае проигрыша, позволяя воспринимать любой исход совместной деятельности конструктивно, как полезный опыт, а не как угрозу личности (Van Dick et al., 2018).

В свою очередь, представители иерархического и эгоцентрического типов СИ демонстрируют включенность, обусловленную чувствительностью к внешним критериям достижений и соревновательному контексту. Лица с эгоцентрической структурой, сфокусированные преимущественно на персональной идентичности и уникальности, склонны мобилизовать свою вовлеченность ради возможности интернализировать (присвоить) потенциальный успех группы, тогда как для иерархического типа критически важна не столько победа сама по себе, сколько подтверждение формального статуса группы в соревновательной ситуации.

Следовательно, зарегистрированное посредством смешанного дисперсион-

ного анализа (ANOVA) существенное повышение показателей вовлеченности свидетельствует об универсальном мобилизационном ответе студенческой выборки на совместную активность. Базовый тип социальной идентичности задает не вектор групповой динамики как таковой, а внутреннюю мотивационную основу для интрупповой интеграции.

Важно отметить расхождение наших результатов с некоторыми выводами других исследований (Leach et al., 2010), где эмоциональный компонент групповой идентификации менялся в первую очередь и более выражено. Это различие может быть объяснено тем, что в исследованиях К. Лича анализировалась вовлеченность в более устойчивых, долгосрочных группах (этнических, университетских), в то время как в нашем случае группы были ситуативно созданными (ad-hoc), что усиливает влияние базовых, предсуществующих типов социальной идентичности на групповую идентификацию.

Полученные данные расширяют классические представления о феноменах BIRGing/CORFing («купание в лучах отраженной славы»/ «отсечение отраженной неудачи»). Выбор личностью защитной стратегии в ситуации проигрыша определяется не только внешними условиями, но и особенностями базового типа ее социальной идентичности. Множественная идентичность функционирует как когнитивный буфер, позволяя минимизировать значимость ситуативной неудачи. Иерархическая и диффузная идентичности, напротив, оказываются уязвимыми и требуют компенсаторного усиления включенности.

Принципиальный научно-практический интерес представляют результаты

в контрольной группе, где участники завершили игру, но находились в ситуации когнитивной неопределенности исхода (заполняли опросник до объявления результатов). В этих условиях показатели самостереотипизации большинства типов (иерархического, диффузного и особенно эгоцентрического) уходят в область отрицательных значений, что свидетельствует о включении механизмов превентивной психологической защиты: не зная, успешен ли исход деятельности, субъекты когнитивно дистанцируются от группы, чтобы обезопасить собственную Я-концепцию от возможного проигрыша. Единственным исключением выступает множественный тип СИ. Многомерная структура идентичности данного типа позволяет его представителям эффективно контейнировать состояние неопределенности, транслируя стабильную сопричастность группе и нивелируя потребность в компенсаторном отстранении.

Заключение

Цель настоящего исследования состояла в определении динамики групповой идентификации в условиях группового успеха и поражения, а также в установлении характера влияния базового типа социальной идентичности на эту динамику. Результаты настоящего исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Ситуация группового проигрыша, традиционно рассматриваемая как угроза позитивной социальной идентичности, не ослабляет, а, напротив, укрепляет ключевые компоненты групповой идентификации. Аналогичная динамика зафиксирована и в ситуации выигрыша,

что свидетельствует о мобилизационном эффекте любого значимого группового взаимодействия.

2. Влияние успеха или поражения на динамику идентификации носит универсальный характер и не зависит от базового типа социальной идентичности.

3. Выявлен устойчивый самостоятельный вклад типа идентичности в абсолютные значения показателей групповой вовлеченности. Участники с диффузным типом на всех этапах эксперимента демонстрируют большую пластичность и повышенную чувствительность к ситуативному контексту, более высокий уровень показателей групповой идентификации по сравнению с иерархическим типом.

4. Полученные данные дополняют теорию социальной идентичности, уточняя роль ее базового типа как фактора, определяющего не направленность динамики групповой вовлеченности в ситуации успеха/неуспеха группы, а ее исходный уровень и интенсивность.

Ограничения. Основные ограничения нашей работы связаны с использованием искусственных лабораторных групп и кратковременным характером манипуляции проигрышем, что может влиять на переносимость результатов на реальные социальные или организационные контексты.

Во-первых, в исследовании не проводилась формальная проверка валидности экспериментальной манипуляции (*manipulation check*). В отличие от реальных рабочих или учебных коллективов, *ad-hoc* группы не имеют длительной истории взаимодействия, что способно усиливать эффект сиюминутного ситуативного воздействия и снижать роль долгосрочных групповых норм.

Во-вторых, эффект проигрыша моделировался в рамках одной игровой сессии. Динамика идентификации в условиях длительного, хронического неуспеха организации или сообщества может иметь принципиально иную психологическую природу.

В-третьих, исследование проводилось исключительно на студенческой выборке с выраженным смещением в сторону женского пола (74,2%), что ограничивает генерализацию выводов на другие возрастные, профессиональные и гендерные группы.

Наконец, несбалансированность численности экспериментальных и контрольной групп также потребовала применения специфических многомерных статистических методов и накладывает определенные ограничения на интерпретацию апостериорных сравнений.

Limitations. The main limitations of our study are associated with the use of ad-hoc laboratory groups and the short-term manipulation of loss, which may limit the generaliz-

ability of the results to real social or organizational contexts. First, a formal manipulation check was not conducted in this study. Unlike actual work or study collectives, artificially created groups lack a history of long-term interaction, which might intensify the effect of the situational impact and reduce the role of established group norms.

Second, the effect of loss was modeled within a single game session. The dynamics of identification under conditions of prolonged, chronic failure may possess a fundamentally different nature.

Third, the study sample consisted entirely of students (predominantly female), which limits the generalization of the findings to other age, professional, or gender social groups.

Finally, the imbalance in the sample sizes of the experimental and control groups necessitated the application of specific multivariate statistical methods and imposes certain constraints on the interpretation of post-hoc comparisons.

Список источников / References

1. Агадуллина, Е.Р., Ловаков, А.В. (2013). Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 143–157. URL: <https://hse.academia.edu/ElenaAgadullina> (дата обращения: 10.09.2025).
2. Волков, Ю.Г., Курбатов, В.И. (2022). Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы. *Социология*, 5, 202–212. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
3. Гудзовская, А.А. (2023). Возрастная динамика графической репрезентации социальной идентичности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 20(4), 79–92. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.7>

- Gudzovskaya, A.A. (2023). Age dynamics of graphic reflection of social identity. *Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 20(4), 79–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.7>
4. Злоказов, К.В. (2017). Влияние идентичности на предпочтение стратегии социального поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, (4/76), 206–212. Zlokazov, K.V. (2017). Influence of identity on preference of social behavior strategy in conflict situations. *Bulletin of Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4/76), 206–212. (In Russ.).
 5. Лебедева, Н.М. (2021). Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 16–24. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>
Lebedeva, N.M. (2021). Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 16–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>
 6. Саунин, К.А. (2025). Индивидуально-психологические особенности как предикторы формирования стресса в процессе деятельности. *Экспериментальная психология*, 18(2), 131–153. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180208>
Saunin, K.A. (2025). Individual and psychological peculiarities as predictors of stress formation in the process of activity. *Experimental Psychology (Russia)*, 18(2), 131–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180208>
 7. Стефаненко, Т.Г., Липатов, С.А. (2016). О коллективных переживаниях и социальных эмоциях. *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии* (С. 46–51). Stefanenko, T.G., Lipatov, S.A. (2016). O kollektivnykh perezhivaniyakh i sotsial'nykh emotsiyakh [About collective perezhivaniyah and social emotions]. In: *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology* (pp. 46–51). (In Russ.).
 8. Федоров, А.А., Рахманов, А.С. (2024). Моральная конформность при разных формах виртуального давления. *Экспериментальная психология*, 17(1), 118–130. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>
Fedorov, A.A., Rakhmanov, A.S. (2024). Moral Conformity under Different Forms of Virtual Pressure. *Experimental Psychology (Russia)*, 17(1), 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>
 9. Bagci, S.C., Stathi, S., Golec de Zavala, A. (2021). Social Identity Threat Across Group Status: Links to Psychological Well-Being and Intergroup Bias Through Collective Narcissism and Ingroup Satisfaction. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/cdp0000509>
 10. Bataille, C.D., Vough, H.C. (2022). More than the sum of my parts: An intrapersonal network approach to identity work in response to identity opportunities and threats. *Academy of Management Review*, 47(1), 93–115. <https://doi.org/10.5465/amr.2019.0382>
 11. Cárdenas, D., de la Sablonnière, R. (2020). Participating in a new group and the identification processes: The quest for a positive social identity. *British Journal of Social Psychology*, 59(1), 189–208. <https://doi.org/10.1111/bjso.12340>
 12. Faber, N.S., Häusser, J.A. (2022). Why stress and hunger both increase and decrease prosocial behaviour. *Current Opinion in Psychology*, 44, 49–57. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.023>
 13. Golec de Zavala, A. (2025). Narcissism of science denial. *Journal of Social Issues*, 81(1), e70000. <https://doi.org/10.1111/josi.70000>

14. Haslam, S.A., Haslam, C., Cruwys, T., Sharman, L.S., Hayes, S., Walter, Z., ... Young, T. (2024). Tackling loneliness together: A three-tier social identity framework for social prescribing. *Group Processes & Intergroup Relations*, 27(5), 1128–1150. <https://doi.org/10.1177/13684302241242434>
15. Hirshon, N. (2020). Social identity theory in sports fandom research. In: *Multidisciplinary perspectives on media fandom* (pp. 172–191). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3323-9.ch010>
16. Hogg, M.A. (2023). Walls between groups: Self uncertainty, social identity, and intergroup leadership. *Journal of Social Issues*, 79(2), 825–840. <https://doi.org/10.1111/josi.12584>
17. Iyer, A., Jetten, J. (2023). Disadvantaged-group members' experiences of life transitions: the positive impact of social connectedness and group memberships. *Current Directions in Psychological Science*, 32(2), 91–97. <https://doi.org/10.1177/09637214221122690>
18. Jetten, J., Haslam, C., Haslam, S.A., Branscombe, N.R. (2009). The social cure. *Scientific American Mind*, 20(5), 26–33. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jolanda-Jetten/publication/247446655_The_Social_Cure/links/58d0b571a6fdcc344b0c1364/The-Social-Cure.pdf (viewed: 10.10.2025).
19. Leach, C.W., Mosquera, P.M.R., Vliek, M.L., Hirt, E. (2010). Group devaluation and group identification. *Journal of Social Issues*, 66(3), 535–552. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01666.x>
20. Leach, C.W., Van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M.L., Pennekamp, S.F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(1), 144. <https://doi.org/10.1037/a0012634>
21. Liaquat, U., Balcetis, E., Jost, J.T. (2025). Multiple Identities Model of Collective Inaction: How Belonging to Psychologically Incompatible Groups Reinforces the Status Quo. *Social and Personality Psychology Compass*, 19(6), e70065. <https://doi.org/10.1111/spc3.70065>
22. Lind, E.A. (2023). Focusing on the “social” in Social Justice Research. *Social Justice Research*, 36(3), 337–351. <https://doi.org/10.1007/s11211-023-00418-6>
23. Na, J., Grossmann, I., Varnum, M.E., Karasawa, M., Cho, Y., Kitayama, S., Nisbett, R.E. (2020). Culture and personality revisited: Behavioral profiles and within person stability in interdependent (vs. independent) social orientation and holistic (vs. analytic) cognitive style. *Journal of Personality*, 88(5), 908–924. <https://doi.org/10.1111/jopy.12536>
24. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I., Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 108(2), 291–310. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.2.291>
25. Roccas, S., Brewer, M.B. (2002). Social Identity Complexity. *Personality Social Psychology Review*, 6(2), 88–106. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0602_01
26. Simon, B., Klandermans, B. (2001). Politicized collective identity: A social psychological analysis. *American Psychologist*, 56(4), 319–331. <https://doi.org/10.1037//0003-066X.56.4.319>
27. Teixeira, C.P., Leach, C.W., Spears, R. (2022). White Americans' belief in systemic racial injustice and in-group identification affect reactions to (peaceful vs. destructive) “Black Lives Matter” protest. *Psychology of Violence*, 12(4), 280–292. <https://doi.org/10.1037/vio0000425>
28. Turner, J.C., Brown, R.J., Tajfel, H. (1979). Social comparison and group interest in ingroup favoritism. *European Journal of Social Psychology*, 9(2), 187–204. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420090207>
29. Van Dick, R., Ciampa, V., Liang, S. (2018). Shared identity in organizational stress and change. *Current Opinion in Psychology*, 23, 20–25. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.11.005>

30. Van Zomeren, M., Postmes, T., Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity perspective on collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological models. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>

Приложение / Appendix

Приложение А. Результаты смешанного дисперсионного анализа (Mixed ANOVA) для показателей групповой идентификации ($N = 220$). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Appendix A. Results of Mixed ANOVA for Group Identification Indicators ($N = 220$). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Информация об авторах

Алла Анатольевна Гудзовская, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Information about the authors

Alla A. Gudzovskaya, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», социогуманитарный факультет, кафедра социальной психологии (протокол № 3 от 10.10.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Samara National Research University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Department of Social Psychology (report no 3, 2025/10/10).

Поступила в редакцию 26.11.2025

Received 2025.11.26

Поступила после рецензирования 20.05.2026

Revised 2026.05.20

Принята к публикации 23.06.2026

Accepted 2026.06.23

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Роль семьи в детском благополучии: почему подростки из полных семей больше удовлетворены жизнью?

Т.О. Гордеева^{1,2} ✉, О.А. Сычев^{3,4}, Е.В. Дворская^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

³ Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

⁴ Алтайский государственный педагогический университет, Бийский филиал, Бийск, Российская Федерация

✉ tamgordeeva@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Дети, растущие в полных семьях с двумя родными родителями, как правило, демонстрируют несколько более высокие показатели благополучия и успешности по сравнению с детьми из неполных и смешанных (с одним неродным родителем) семей, однако мало известно о психологических причинах и механизмах этой связи.

Цель. Изучить роль удовлетворенности отношениями в семье как медиатора влияния структуры семьи на различные составляющие благополучия.

Гипотезы. 1) Удовлетворенность отношениями в семье, жизнью, собой и показатели школьного благополучия выше у подростков из полных семей по сравнению с подростками из неполных и смешанных семей, 2) удовлетворенность отношениями в семье выступает медиатором, опосредующим влияние структуры семьи на психологическое благополучие подростков.

Методы и материалы. Участники: учащиеся 5–11-х классов ($N = 2844$, $M = 13,31$; $SD = 2,06$: 51% девочек, 49% мальчиков). Для оценки благополучия использовалась многомерная шкала удовлетворенности жизнью и невербальная методика оценки отношения к жизни и школе.

Результаты. С помощью дисперсионного анализа обнаружено, что структура (тип) семьи показывает слабые, но значимые эффекты на удовлетворенность подростков жизнью независимо от их пола и возраста. Кроме того, подростки из полных семей по сравнению с подростками из неполных и смешанных семей значимо больше удовлетворены своей семьей и отношениями в ней. С помощью структурного моделирования продемонстрировано, что психологическое благополучие подростка зависит не от структуры семьи как таковой, а от его удовлетворенности ею, что, в свою очередь, предсказывает отношение к жизни, себе, друзьям и школе.

Выводы. Удовлетворенность отношениями в семье выступает медиатором, полностью опосредующим влияние структуры семьи на психологическое благополучие подростков. Практический смысл исследования состоит в том, что разработка психологических тренингов для родителей, направленных на умение разрешать конфликты, повышение

качества отношений с подростками, с учетом специфики межличностной ситуации развития, присущей именно этому типу семьи, может смягчить риски неблагоприятного развития детей, растущих в неполных и смешанных семьях.

Ключевые слова: структура семьи, полные семьи, неполные семьи, смешанные семьи, удовлетворенность отношениями в семье, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность собой, отношение к школе

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 26-18-00775, <https://rscf.ru/project/26-18-00775/>.

Для цитирования: Гордеева, Т.О., Сычев, О.А., Дворская, Е.В. (2026). Роль семьи в детском благополучии: почему подростки из полных семей больше удовлетворены жизнью? *Социальная психология и общество*, 17(2), 124–144. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170208>

The role of family in children's well-being: why are teenagers from intact families more satisfied with life?

T.O. Gordeeva^{1,2} ✉, O.A. Sychev^{3,4}, E.V. Dvorskaya^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

³ Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

⁴ Altai State Pedagogical University, Biysk Branch, Biysk, Russian Federation

✉ tamgordeeva@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Children growing up in intact families with two biological parents typically demonstrate somewhat higher rates of well-being and success compared to children from single-parent and blended families. However, little is known about the psychological causes and mechanisms of this relationship and ways to compensate for this social developmental situation.

Objective. To examine the role of satisfaction with family relationships as a mediator of the influence of family structure on various components of well-being.

Hypothesis. 1) Satisfaction with family relationships, life, self, and indicators of school well-being is higher among adolescents from intact families, compared with adolescents from single-parent families and blended families, 2) satisfaction with family relationships mediates the influence of family structure on the subjective well-being of adolescents.

Methods and materials. Moscow schools' students in grades 5–11 ($N = 2844$, $M = 13,31$; $SD = 2,06$). To assess well-being, we used Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale and a non-verbal scale for assessing attitudes towards life and school.

Results. Using ANOVA, we found that family structure (type) exhibits weak but significant effects on life satisfaction among adolescents, regardless of their gender and age. Furthermore, adolescents from intact families are significantly more satisfied with their families and relationships than those from single-parent and blended families. Structural modeling demonstrated

that adolescent psychological well-being depends not on the family structure per se, but on their satisfaction with it, which in turn predicts attitudes to life, self, friends, and school.

Conclusions. *Satisfaction with family relationships acts as a mediator, fully mediating the influence of family structure on adolescent psychological well-being. The practical implications of this study are that developing psychological training for parents aimed at improving the quality of relationships with adolescents, taking into account the specific social developmental context inherent to this type of family, can mitigate the risks of adverse development for children growing up in single-parent and blended families.*

Keywords: *family satisfaction, family structure, intact families, single-parent family, blended family, subjective well-being, life satisfaction, satisfaction with self, attitude to school*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 26-18-00775, <https://rscf.ru/en/project/26-18-00775/>.

For citation: Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Dvorskaya, E.V. (2026). The role of family in children's well-being: why are teenagers from intact families more satisfied with life? *Social Psychology and Society*, 17(2), 124–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170208>

Введение

В большинстве стран мира растет число неполных семей, как за счет увеличения числа матерей, не вступающих в брак, так и за счет роста разводов (Гурко, 2020). В России также отмечается рост этого показателя, за последние два десятилетия он вырос в 1,8 раза и достиг 38,5% (2022), из них 81% — семьи с матерями-одиночками (Селиванова, Коробкова, 2024). Этот процесс сопровождается ослаблением семейных связей в современных индустриализированных странах (Global Mind Project, 2026). Рост числа неполных семей связывают с ростом индивидуализма в обществе, толерантностью к внебрачным связям и матерям-одиночкам, изменением роли женщины в обществе (Гурко, 2020).

Благополучие детей и подростков — ключевой показатель их оптимального развития. Психологическое благополучие — это оценка человеком качества своей жизни, связанная с его психическим здо-

ровьем, успешностью и продуктивностью (Lyubomirsky, King, Diener, 2005). В современных исследованиях психологического благополучия в качестве его ключевых показателей рассматриваются удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными аспектами (Сычев и др., 2018).

Связь структуры семьи и благополучия подростков

Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что воспитание в неполной семье связано с меньшими показателями благополучия и удовлетворенности жизнью (Amato, 2005, 2010; Daryanani et al., 2016; Park, Lee, 2020; Sun, 2001), в том числе во взрослом возрасте (Richter, Lemola, 2017). Подростки из неполных семей по сравнению со сверстниками из полных обнаруживают более высокие показатели неблагополучия, депрессии, тревоги (Daryanani et al., 2016; Lin, Yi, 2018; Park, Lee, 2020). У таких подростков больше интернализированных и экстернализованных

ных расстройств (Daryanani et al., 2016; Kuruczova et al., 2020; Lee, Joo, 2022), ниже самооценка (Lawrence, Adebowale, 2023), выше проявления девиантного поведения (Amato, 2005; Svensson, Johnson, 2022). Исследования с использованием строгих методов сбора и анализа данных убеждают в наличии каузальных негативных эффектов отсутствия отца на благополучие детей, причем наиболее убедительные доказательства получены для таких показателей, как социально-эмоциональная адаптация детей, психическое здоровье во взрослом возрасте, а также окончание средней школы либо досрочное прекращение учебы (McLanahan, Tach, Schneider, 2013).

Российские исследования также свидетельствуют в пользу большего благополучия подростков из полных семей по сравнению с подростками из неполных и смешанных семей, причем результаты были получены с помощью разных методик, оценивающих благополучие (Лето и др., 2019; Одинцова, Радчикова, 2025; Семья и др., 2025). В недавнем исследовании на большой репрезентативной выборке российских подростков было показано, что наименьший уровень благополучия обнаруживается у подростков, живущих без родителей, с бабушкой или дедушкой, несколько более высокий уровень демонстрируют подростки, живущие с одним из родителей (матерью или отцом), и самый высокий — с двумя родителями (Семья и др., 2025). Однако поскольку в выборке не выделялся такой распространенный на сегодняшний день тип семьи, как семья с отчимом или мачехой, получивший название смешанной семьи, остается неясным, как отличаются подростки из полных семей с родными родителями от подростков, растущих в

смешанных и неполных семьях. Поэтому в нашем исследовании отдельно анализируются дети, растущие в полных, неполных и смешанных семьях.

Исследования, сравнивающие уровень благополучия детей и подростков из семей, отличающихся от полной семьи с двумя биологическими родителями, дают противоречивые результаты. С одной стороны, существуют данные о схожем уровне эмоционального благополучия и проблем с поведением подростков 11–17 лет из семей с одной матерью и семей с отчимом в отличие от детей из полных семей (Grning Parache et al., 2024). На российской выборке также были показаны сходство детей, растущих в неполных с одним родителем и смешанных семьях, и их отличия от детей из полных семей по показателям удовлетворенности жизнью, вовлеченности в учебу и успеваемости (Одинцова, Радчикова, 2025). Некоторые исследования показывают, что подростки, растущие в семьях с матерями-одиночками, в отличие от подростков, живущих с матерью, имеющей мужа или партнера, демонстрируют меньшее психическое здоровье, интернализированные и экстернализированные симптомы (Daryanani et al., 2016). С другой стороны, есть международные данные, свидетельствующие о том, что подростки, живущие в смешанной семье, могут быть более уязвимы в контексте благополучия, чем подростки из других типов неполных семей (Herke, Kn chelmann, Richter, 2020; Park, Lee, 2020; Sch tz, Bedin, Sarriera, 2019). Таким образом, результаты носят противоречивый характер и убеждают в необходимости более дифференцированного анализа данных по разным структурам семей. Это также свидетельствует в пользу изучения

потенциально разных условий развития детей в этих типах семей, их разной межличностной ситуации развития.

Удовлетворенность отношениями в семье как медиатор связи между структурой семьи и благополучием

Несмотря на наличие данных о меньшем благополучии детей и подростков из неполных и смешанных семей, остается неясным, что стоит за этими результатами, какие внутренние и внешние факторы включены в этот процесс. В контексте изучения психологических механизмов наиболее важным представляется изучение роли отношений в семье, удовлетворенности этими отношениями, а также семейной поддержки и благоприятного стиля воспитания как медиаторов влияния разных типов структуры семьи на благополучие.

Например, на выборке подростков 11–15 лет из европейских стран показано, что в большинстве стран подростки из смешанных и неполных семей (слитая выборка) по сравнению с подростками из полных семей ощущают меньшую поддержку родителей, что, в свою очередь, выражается в меньшей удовлетворенности подростков жизнью (Zaborskis et al., 2022). На репрезентативной выборке немецких подростков 12–13 лет показано, что дети значимо менее удовлетворены жизнью, когда живут в неполных семьях, по сравнению с полными, при этом вклад фактора структуры семьи значительно слабее фактора семейной сплоченности и позитивных детско-родительских отношений (Herke et al., 2020). Анализ специфики стиля воспитания показывает, что матери-одиночки с большей вероятностью прибегают к психологически контролирующему и отвергающему стилю

взаимодействия, что предсказывает более высокую частоту экстернализированных расстройств и депрессивных симптомов у их детей-подростков, особенно у девочек (Daryanani et al., 2016). С другой стороны, ряд исследований также показывают, что теплые отношения в семье, поддержка семьи могут смягчить риски развития и стресс детей, растущих в неполных семьях (Amato, 2005; Lin, Yi, 2018).

Важным фактором, влияющим на понимание роли структуры семьи в психологическом развитии детей и подростков, является культура, определяющая обязанности матери и отца при воспитании ребенка, толерантность общества в отношении матерей-одиночек, социальная политика государства в отношении их поддержки (Гурко, 2020; Woessmann, 2015). Недавнее этнографическое исследование показало значимые кросс-культурные различия в заботе о детях бабушек и дедушек со стороны матери и отца ребенка (Semenova et al., 2025). Так, показано, что российские дети получают больше заботы со стороны родителей матери, чем отца, в то время как в американских семьях имеет место обратная картина: в США родители отца, а не матери больше вовлечены в заботу о ребенке, а в бразильских семьях отмечался относительно низкий уровень вовлеченности в заботу о ребенке бабушек и дедушек со стороны обоих родителей. Эти результаты ставят вопрос о специфике эффектов жизни в неполной семье с матерью для российских детей и, в частности, позволяют предположить менее негативные эффекты жизни с одной матерью.

Настоящее исследование направлено на изучение различий между подростками из трех характерных на сегодняшний день в России типов семей — полных, неполных

и смешанных семей с отчимом — в удовлетворенности семьей и различных показателях благополучия. Теоретическим основанием исследования являются концепции благополучия, подчеркивающие роль теплых и надежных межличностных отношений в развитии благополучия человека, в частности модель PERMA М. Селигмана (Селигман, 2025), рассматривающая благоприятные отношения как ключевой фактор благополучия.

Гипотезы. Исходя из анализа литературы, мы предполагаем, что 1) удовлетворенность отношениями в семье, удовлетворенность жизнью, собой и показатели школьного благополучия выше у подрост-

ков из полных семей по сравнению с подростками из неполных и смешанных семей, 2) удовлетворенность отношениями в семье является медиатором, опосредующим влияние структуры семьи на психологическое благополучие подростков.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 2844 учащихся 5–11 классов (средний возраст $M = 13,31$; $SD = 2,06$) из двух больших школ Москвы, состав выборки представлен в табл. 1. Исследование проводилось в бланковой форме, в классе, в присутствии двух психологов, при полной анонимности и добровольности участия.

Таблица 1 / Table 1

Состав выборки Sample composition

Категория / Category	Количество / Number	Доля (%) / Percentage
Структура семьи / Family structure		
Полная семья / Intact family	2041	72
Неполная семья / Single-parent family	599	21
Семья с отчимом / Stepfather family	204	7
Класс / Grade		
5	486	17
6	567	20
7	562	20
8	476	17
9	496	17
10	131	5
11	126	4
Пол / Gender		
Девочки / Girls	1453	51
Мальчики / Boys	1391	49

Примечание. Среди неполных семей большую часть составляют семьи с матерью (556 семей, 93% от числа всех неполных семей).

Note. Among single-parent families, the majority were mother-headed families (556 families, 93% of all single-parent families).

Для оценки удовлетворенности отношениями в семье использовался сокращенный вариант субшкалы «Семья» из Многомерной шкалы удовлетворенности жизнью ШУДЖИ (Сычев и др., 2018). Из 6 пунктов были оставлены 4 утверждения, отражающие наличие позитивных, поддерживающих отношений в семье: «Мне нравится проводить время с родителями», «Мои родители занимаются со мной интересными вещами», «Члены моей семьи хорошо обращаются друг с другом», «Родители справедливо относятся ко мне». Коэффициенты внутренней согласованности всех шкал приведены в табл. 2.

Структура семьи оценивалась с помощью одного вопроса, подростков просили указать, с кем они в настоящее время живут — с мамой, папой, отчимом, мачехой. Семьи с мачехами были исключены из дальнейшего анализа из-за небольшого их числа ($N = 2$) и цели исследовать достаточно распространенные, типичные семьи. В результате были сформированы три группы подростков — из полных семей, неполных семей (с мамой) и смешанных семей (с отчимом) (см. табл. 1).

Для оценки показателей психологического благополучия использовались две методики — вербальная и невербальная. Удовлетворенность собой, друзьями, учителями и школой измерялась с помощью соответствующих субшкал Многомерной шкалы удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ) — «Я сам», «Друзья», «Учитель», «Школа» (Сычев и др., 2018).

В качестве невербального показателя удовлетворенности жизнью использовалась методика «Лица» (Andrews, Withey, 1976), состоящая из трех серий из 7 лиц — от грустного к счастливому,

позволяющая оценить отношение к жизни, школе и классу.

Анализ данных проводился с использованием методов описательной статистики, корреляционного анализа, t -критерия Уэлча, однофакторного дисперсионного анализа Уэлча, теста Геймса-Хауэлла и структурного моделирования. Вычисления проводились с помощью программы Mplus 8 и среды статистического анализа R. В ходе дисперсионного анализа для оценки размера эффекта вычислялся коэффициент ω^2 (с помощью пакета WAnova для R), который подобно величине η^2 дает оценку доли объясняемой дисперсии, однако является менее смещенной оценкой. Для интерпретации его величины использовались следующие ориентиры: 0,01 — слабый эффект, 0,06 — умеренный, 0,14 — сильный эффект (Kirk, 1996). Для анализа возможных взаимодействий факторов использовался непараметрический аналог двухфакторной ANOVA (Scheirer, Ray, Nare, 1976). Структурное моделирование в Mplus проводилось с использованием метода максимального правдоподобия с робастной оценкой стандартных ошибок и статистикой $YB\chi^2$ (MLR). Путь коэффициенты в структурной модели были стандартизированы, для дихотомических предикторов использовалась стандартизация по зависимой переменной (опция STDY в Mplus), позволяющая интерпретировать коэффициенты как разность средних между группами в долях стандартных отклонений. Для оценки статистической значимости опосредованных эффектов использовался бутстреп-анализ (5000 выборок).

Результаты

Описательная статистика и корреляции между переменными приведены в

табл. 2. Все показатели удовлетворенности жизнью продемонстрировали ожидаемые статистически значимые связи друг с другом, при этом величина корреляций варьировалась в пределах от 0,24 до 0,67.

Результаты сравнения по полу с помощью *t*-критерия показали, что у мальчиков выше оценки по удовлетворенности отношениями в семье, отношениями с учителями, а также отношению к жизни и классу (все $p \leq 0,001$), при этом размер

эффекта *d* Коэна указывает на слабую величину эффектов (0,15–0,22).

Дисперсионный анализ значения возрастной группы (класса) для показателей удовлетворенности отношениями в семье и удовлетворенности жизнью продемонстрировал, что его эффекты статистически значимы для всех этих показателей, за исключением отношения к жизни, однако величина эффекта возраста (ω^2) не превышала 1%. Для большинства показате-

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика и корреляции между показателями удовлетворенности жизнью и позитивного отношения к школе, классу и жизни
Descriptive statistics and correlations between indicators of life satisfaction and positive attitude towards school, classmates and life

Показатели / Variables	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Удовлетворенность отношениями в семье / Satisfaction with family relationships	1							
2. Удовлетворенность школой / Satisfaction with school	0,34***	1						
3. Удовлетворенность учителями / Satisfaction with teachers	0,39***	0,65***	1					
4. Удовлетворенность друзьями / Satisfaction with friends	0,44***	0,29***	0,36***	1				
5. Удовлетворенность собой / Satisfaction with self	0,49***	0,37***	0,42***	0,61***	1			
6. Позитивное отношение к школе / Positive attitude to school	0,31***	0,67***	0,55***	0,28***	0,35***	1		
7. Позитивное отношение к классу / Positive attitude to classmates	0,24***	0,36***	0,32***	0,38***	0,37***	0,38***	1	
8. Позитивное отношение к жизни / Positive attitude to life	0,50***	0,33***	0,30***	0,39***	0,53***	0,38***	0,39***	1
Среднее / Mean	4,02	2,85	3,33	4,19	3,72	4,58	5,00	5,85
Стандартное отклонение / Standard deviation	0,91	0,90	0,98	0,82	0,90	1,51	1,63	1,44
Асимметрия / Asymmetry	-0,93	0,14	-0,18	-1,20	-0,56	-0,62	-0,77	-1,48
α Кронбаха / Cronbach's α	0,83	0,83	0,90	0,89	0,87	—	—	—

Примечание / Note. *** – $p \leq 0,001$.

лей отмечалось снижение от 6 к 9 классам и повышение в 10–11 классах.

Результаты дисперсионного анализа зависимости удовлетворенности жизнью от структуры семьи приведены в табл. 3. Статистически значимые эффекты структуры семьи обнаружились для всех показателей удовлетворенности жизнью, но их величина в большинстве случаев составляет менее 0,01 (1% объясняемой дис-

персии) и лишь для удовлетворенности отношениями в семье она немного выше: 0,017. Таким образом, эффект структуры семьи на удовлетворенность жизнью подростков в целом является слабым. Для подростков из трех типов семей показатели удовлетворенности жизнью наглядно представлены на рис. 1 и 2, на рис. 3 представлены особенности позитивного отношения к жизни, школе и классу.

Таблица 3 / Table 3

**Результаты дисперсионного анализа и апостериорных сравнений
 показателей благополучия в семьях разного типа
 The results of the ANOVA and a posteriori comparisons of indicators
 of well-being in different types of families**

Показатели / Variables	Полная семья / Intact family		Неполная семья / Single-parent family		Семья с отчимом / Stepfather family		F-Уэлча (3; df) / Welch's F (3; df)	df	p	ω^2
	M	SD	M	SD	M	SD				
Удовлетворенность отношениями в семье / Satisfaction with family relationships	4,10 ^a	0,86	3,82 ^b	1,01	3,78 ^b	1,02	25,56	477,89	< 0,001	0,017
Удовлетворенность школой / Satisfaction with school	2,89 ^a	0,90	2,77 ^b	0,89	2,69 ^b	0,83	8,46	511,23	< 0,001	0,005
Удовлетворенность учителями / Satisfaction with teachers	3,36 ^a	0,98	3,25 ^b	1,00	3,19 ^b	0,91	5,37	506,83	0,005	0,003
Удовлетворенность друзьями / Satisfaction with friends	4,22 ^a	0,80	4,12 ^b	0,89	4,12 ^{ab}	0,85	3,94	489,45	0,020	0,002
Удовлетворенность собой / Satisfaction with self	3,77 ^a	0,89	3,61 ^b	0,95	3,62 ^{ab}	0,88	7,81	498,73	< 0,001	0,005
Позитивное отношение к школе / Positive attitude to school	3,99 ^a	0,66	3,86 ^b	0,70	3,75 ^b	0,68	16,65	494,51	< 0,001	0,011
Позитивное отношение к классу / Positive attitude to classmates	4,64 ^a	1,50	4,46 ^b	1,55	4,36 ^b	1,48	5,68	500,36	0,004	0,003

Показатели / Variables	Полная семья / Intact family		Неполная семья / Single-parent family		Семья с отчимом / Stepfather family		F-Уэлча (3; df) / Welch's F (3; df)	df	p	ω^2
	M	SD	M	SD	M	SD				
Позитивное отношение к жизни / Positive attitude to life	5,08 ^a	1,59	4,86 ^{ab}	1,67	4,61 ^b	1,78	9,38	487,27	< 0,001	0,006

Примечание. M – среднее, SD – стандартное отклонение. Буквы в надстрочных индексах иллюстрируют результаты апостериорного критерия Геймса-Хауэлла. Одна и та же буква в двух группах означает, что они однородны, разные буквы указывают на статистически значимые различия ($p \leq 0,05$). Две буквы в верхнем индексе («ab») означают, что данная группа существенно не отличается ни от группы «a», ни от группы «b», в то время как группы «a» и «b» значительно отличаются друг от друга.

Note. M – means, SD – standard deviations. Letters in superscripts illustrate the results of Games-Howell post-hoc test. The same letter in two groups means that they are homogeneous, different letters indicate on statistically significant differences ($p \leq 0,05$). Two letters in superscripts (“ab”) means that this group do not significantly differ from either the group “a” or the group “b”, while groups “a” and “b” differ significantly from each other.

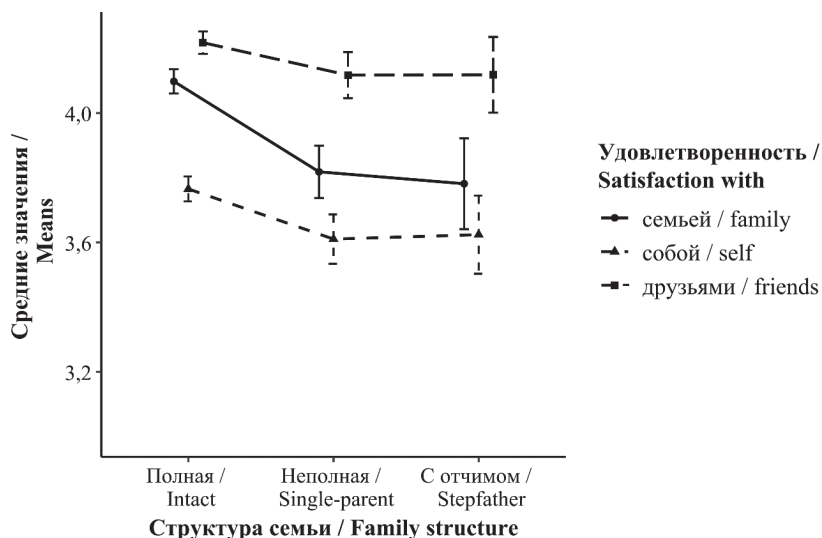

Рис. 1. Средние показатели удовлетворенности семьей, собой и друзьями в семьях различной структуры (с 95%-ым доверительным интервалом)

Fig. 1. Mean values of satisfaction with family, self and friends in families of different structures (with 95% confidence interval)

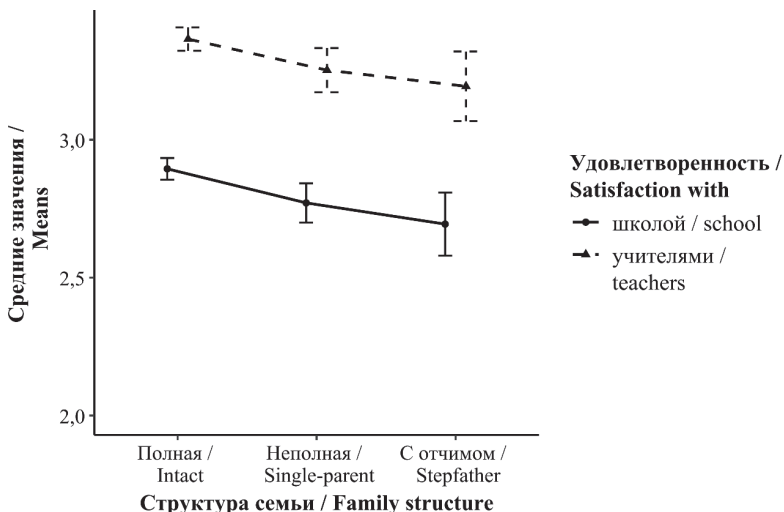

Рис. 2. Средние показатели удовлетворенности школой и отношениями с учителями в семьях различной структуры (с 95%-ым доверительным интервалом)
Fig. 2. Mean values of satisfaction with school and relationships with teachers in families of different structures (with 95% confidence interval)

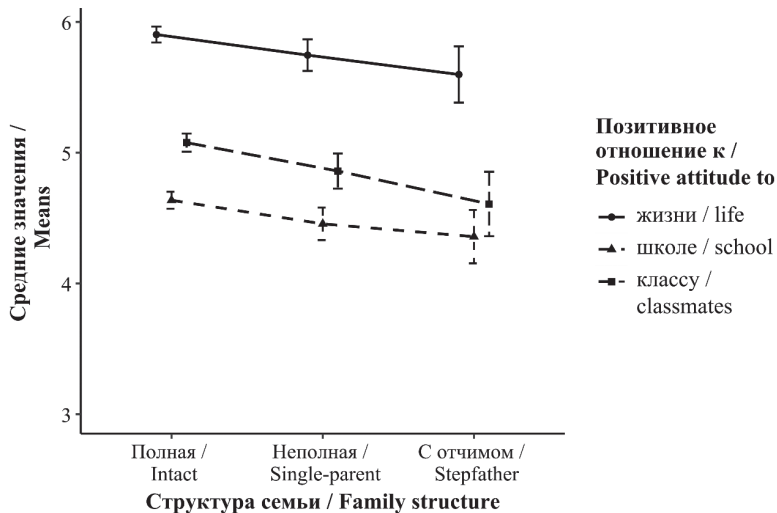

Рис. 3. Средние показатели позитивного отношения к жизни, школе и классу в семьях различной структуры (с 95%-ым доверительным интервалом)
Fig. 3. Mean values of positive attitude to life, school and classmates in families of different structures (with 95% confidence interval)

По большинству показателей дети из полной семьи статистически значимо отличаются от обеих других групп, за исключением удовлетворенности друзьями и собой (значима только разность между полными и неполными семьями), а также позитивного отношения к жизни (значима только разность между полными семьями и семьями с отчимом). При этом в группах из неполных семей и семей с отчимом не обнаружилось статистически значимых различий между собой. Результаты оценки двухфакторных взаимодействий структуры семьи как с полом, так и с классом не показали их статистической значимости. Следовательно, структура семьи оказывает аналогичные эффекты на удовлетворенность подростков жизнью независимо от их пола и возраста.

Для проверки предположения об опосредованных через удовлетворенность отношениями в семье связях структуры семьи с показателями удовлетворенности жизнью в разных сферах было проведено структурное моделирование. В качестве предикторов удовлетворенности рассматривались дихотомические переменные, отражающие категории «неполная семья» и «семья с отчимом», в то время как категория «полная семья» рассматривалась в качестве базового уровня для сравнения и не была включена в модель для избежания мультиколлинеарности. Предполагалось, что этими показателями определяется удовлетворенность отношениями в семье, опосредующая связь семейной структуры с удовлетворенностью в других сферах жизни и позитивным отношением к жизни.

Чтобы выявить возможные частично опосредованные эффекты, была проанализирована насыщенная модель, в которой допускались все эффекты структуры семьи на остальные переменные. Такой анализ показал, что статистически значимыми являются только эффекты структуры семьи на удовлетворенность отношениями в семье, в то время как все непосредственные эффекты на удовлетворенность в других сферах незначимы.

В следующей модели эти незначимые непосредственные эффекты были зафиксированы равными нулю, что соответствует предположению о полностью опосредованной через удовлетворенность отношениями в семье связи ее структурных характеристик с удовлетворенностью в разных жизненных сферах. Ковариация между типами семьи не оценивалась, но и не фиксировалась, что обеспечило учет связи между предикторами при оценке модели. Такая модель (рис. 4) показала отличное соответствие данным: $\chi^2 = 6,37$; $df = 8$; $p = 0,606$; $CFI = 1$; $TLI = 1$; $RMSEA < 0,001$; 90%-ый доверительный интервал для $RMSEA$: 0-0,019; $PCLOSE = 1$; $N = 2844$.

Приведенные на рис. 4 эффекты структурных характеристик семьи на удовлетворенность отношениями в семье указывают, что в неполной семье по сравнению с полной удовлетворенность отношениями в семье ниже на 0,31 стандартных отклонения (SD), а в семье с отчимом — на 0,35 SD , то есть наблюдаются примерно равные по величине эффекты. Структурой семьи объясняется 2% дисперсии удовлетворенности отношениями в семье.

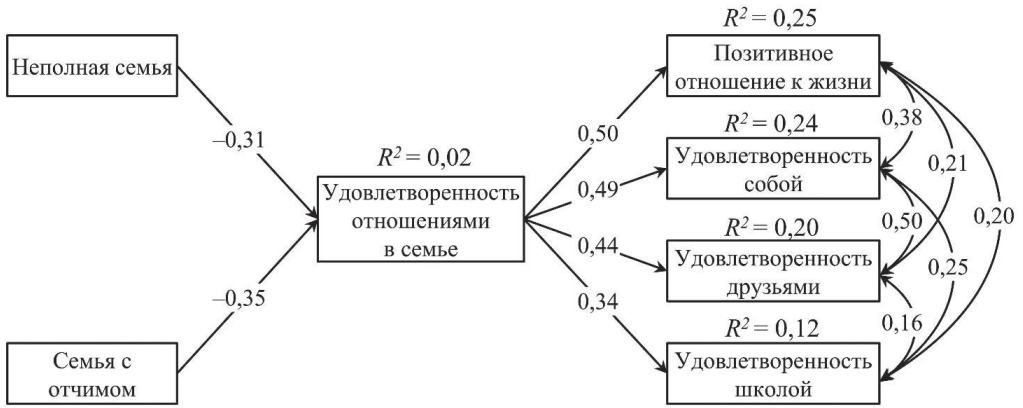

Рис. 4. Структурная модель связи типов структуры семьи с удовлетворенностью отношениями в семье и удовлетворенностью жизнью в других жизненных сферах (все приведенные коэффициенты стандартизованы и статистически значимы при $p < 0,05$, остатки опущены для упрощения)

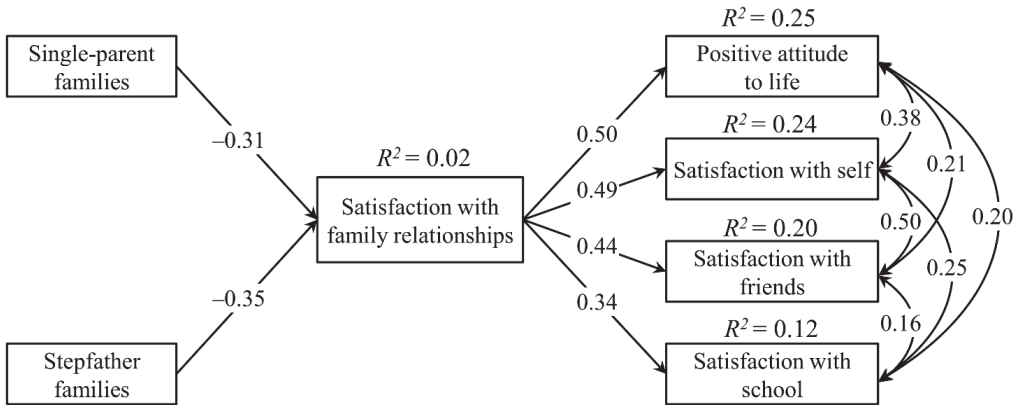

Fig. 4. Structural model of the relationship between family structure types, satisfaction with family relationships and life satisfaction in other domains (all the coefficients are standardized and statistically significant at $p < 0,05$, the residuals are omitted for the sake of parsimony)

Результаты анализа опосредованных эффектов (табл. 4) свидетельствуют о том, что величина таких эффектов лежит в пределах от 0,10 до 0,17 для разных типов семей, и все они имеют высокую статистическую значимость.

Отрицательная величина приведенных в табл. 4 коэффициентов означает, что оба типа структуры семьи (неполная и с отчимом) показывают обратную связь с различными показателями удовлетворенности жизнью, опосредован-

Таблица 4 / Table 4

**Опосредованные эффекты структурных характеристик семьи
 на удовлетворенность жизнью в разных сферах**
Indirect effects of family structure on life satisfaction in different domains

	Эффект / Effect	SE	Z	p
Эффекты неполной семьи на / Effects of single-parent families on				
Позитивное отношение к жизни / Positive attitude to life	-0,15	0,03	-6,08	< 0,001
Удовлетворенность собой / Satisfaction with self	-0,15	0,03	-6,05	< 0,001
Удовлетворенность друзьями / Satisfaction with friends	-0,14	0,02	-6,05	< 0,001
Удовлетворенность школой / Satisfaction with school	-0,10	0,02	-5,93	< 0,001
Эффекты семьи с отчимом на / Effects of stepfather families on				
Позитивное отношение к жизни / Positive attitude to life	-0,17	0,04	-4,29	< 0,001
Удовлетворенность собой / Satisfaction with self	-0,17	0,04	-4,31	< 0,001
Удовлетворенность друзьями / Satisfaction with friends	-0,15	0,04	-4,28	< 0,001
Удовлетворенность школой / Satisfaction with school	-0,12	0,03	-4,23	< 0,001

Примечание. SE – стандартная ошибка, Z – Z-статистика, p – уровень значимости.

Note. SE – standard deviation, Z – Z-test, p – statistical significance.

ную через удовлетворенность отношениями в семье.

Обсуждение результатов

Наше исследование посвящено роли семьи в благополучии, а именно – роли структуры семьи и удовлетворенности отношениями в семье в различных составляющих психологического благополучия подростков. В отличие от многих исследователей, показывающих изолированную роль структуры семьи как фактора развития подростка, опираясь на современные психологические теории благополучия, в частности, модель PERMA М. Селигмана (Seligman, 2011), мы используем системный психологический подход к анализу источников благополучия, позволяющий увидеть значительно более полную картину роли структуры семьи в благополучии.

Наша первая гипотеза в целом подтверждена, по большинству показателей дети из полной семьи статистически значимо отличаются от обеих других групп, по всем показателям группы из неполных семей и семей с отчимом не показали статистически значимых различий между собой, и структура семьи оказывает аналогичные эффекты на удовлетворенность подростков жизнью независимо от их пола и возраста. При этом наши результаты уточняют данные о более высоком уровне благополучия российских подростков из полных семей (Одинцова, Радчикова, 2025; Семья и др., 2025). Результаты нашего исследования в первую очередь согласуются с результатами М.А. Одинцовой и Н.П. Радчиковой (2025), также выделявших неполные семьи и семьи с отчимами, однако свидетельствуют в пользу определенной специфики (не)благополучия в этих типах семей.

Консистентный эффект, указывающий на более высокие показатели благополучия у подростков из полных семей, был обнаружен в части удовлетворенности отношениями в семье и школьного благополучия (все 4 показателя), специфика — в отношении удовлетворенности собой, друзьями и жизнью. В целом результаты исследования показывают, что вклад фактора структуры семьи является слабым и объясняет около 2% дисперсии удовлетворенности семьей и не более 1% дисперсии других показателей благополучия. Значительно более существенным фактором удовлетворенности жизнью, объясняющим от 12 до 25% дисперсии разных ее показателей, является субъективная оценка качества отношений в семье — удовлетворенность ими. Слабость обнаруженных эффектов позволяет предположить, что негативные последствия структуры семьи для благополучия могут быть успешно компенсированы психологическими интервенциями, однако для этого необходимо более глубокое понимание механизмов и опосредующих звеньев связи структуры семьи с благополучием.

Наша вторая гипотеза также была подтверждена. Ключевой результат исследования, подтвержденный с помощью структурного моделирования, состоит в том, что удовлетворенность отношениями в семье полностью опосредует связь структуры семьи с показателями благополучия и удовлетворенности разными аспектами жизни российских подростков. Это означает, что психологическое благополучие ребенка зависит не от структуры семьи как таковой, структура семьи влияет на благополучие прежде всего через качество отношений в семье, которое снижено в семьях с оди-

нокой матерью и семьях с отчимом. То есть центральное значение для детского благополучия имеет не структура семьи как таковая, а удовлетворенность ребенка отношениями в семье. Именно удовлетворенности отношениями в семье следует уделять основное внимание, рассматривая ее в качестве важнейшего индикатора и мишени для психологических интервенций, в том числе при оценке рисков, связанных с разводом родителей и новым браком. Сведения о структуре семьи подростка должны дополняться информацией о качестве отношений в семье, так как факт пребывания ребенка в неполной семье недостаточно информативен для оценки его благополучия.

Вывод о полной медиации отличается от данных, полученных на выборке эстонских подростков, где структура семьи (полная/неполная) вносила и прямой, и опосредованный через поддержку семьи вклад в удовлетворенность жизнью подростков (Zaborskis et al., 2022), что может свидетельствовать о роли культуры во влиянии структуры семьи на благополучие. При этом наши данные хорошо согласуются с исследованиями, показывающими важную роль семейных отношений в благополучии подростков (Гордеева, Сычев, 2023; Herke et al., 2020), а также исследованием Lin и Yi (2018), показавших, что наличие полной семьи с конфликтным браком оказывает негативное влияние на психологическое благополучие подростков, сравнимое с негативными эффектами разведенной семьи.

Сходство подростков из неполных и смешанных семей в их удовлетворенности отношениями в семье и различных показателях благополучия свидетельствует о том, что для их благополучия

важно не количество вовлеченных в этот процесс взрослых, а воспринимаемое качество отношений в семье. Полученные результаты также показывают, что отсутствие отца, а не наличие отчима является фактором снижения удовлетворенности семьей и благополучия подростков.

К преимуществам данного исследования стоит отнести анализ системы показателей благополучия в трех характерных типах семей с помощью надежных адаптированных на российских выборках шкал. Будущие исследования могут дополнить данную картину семейных источников благополучия качеством школьного климата и отношений с учителями и одноклассниками как потенциальных источников благополучия подростков из разных типов семей. Также представляют интерес результаты подобного анализа удовлетворенности семьей и жизнью у детей из приемных семей, а также воспитывающихся бабушками и дедушками.

Заключение

В исследовании обнаружено, что подростки из полных семей показали более высокие оценки удовлетворенности жизнью в сравнении с подростками из неполных семей (по семи из восьми показателей) и подростками из семей с отчимом (по шести из восьми показателей), однако эти эффекты были слабыми, что соответствует зарубежным данным. Ключевой результат исследования состоит в том, что подростки из полных семей по сравнению с подростками из неполных и смешанных семей значимо больше удовлетворены своими отношениями в семье и отношениями в ней, причем удовлетворенность отношениями в семье выступает медиатором, опос-

редующим влияние структуры семьи на позитивное отношение к жизни, себе, друзьям и школе. Таким образом, результаты свидетельствуют о том, что низкая удовлетворенность жизнью подростков из неполных и смешанных семей полностью определяется менее благополучными отношениями в семье. При этом удовлетворенность подростка семьей имеет и важное самостоятельное значение для различных показателей благополучия, и она может существенно отличаться, в том числе у подростков из полных семей.

Результаты проведенного исследования существенным образом дополняют предыдущие данные о роли структуры семьи в благополучном развитии российских детей и подростков и свидетельствуют о важности разработки психологических программ поддержки семьи, обучающихся родителей эффективной коммуникации, поддержке у детей удовлетворенности базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности с другими. Полученные результаты свидетельствуют о важности внимания психологов не только к детям, растущим с матерями-одиночками, но и к детям из смешанных семей, растущим без родных отцов, как входящим в потенциальные группы риска неблагополучия. Позитивный практический смысл исследования состоит в том, что неблагоприятная структура семьи — не приговор; такой психологический фактор, как удовлетворенность отношениями в семье, может смягчить риски неблагополучного развития подростков, растущих в неполных и смешанных семьях.

Ограничения. Исследование не лишено ограничений, к которым можно

отнести прежде всего неучет социально-экономического статуса семей подростков. Однако исследования на российских выборках подростков показывают, что социально-экономический статус не вносит значимого вклада в показатели благополучия и психического здоровья (Гордеева, Сычев, 2023; Козлова, Слободская, Ахметова, 2014) или вносит слабый вклад (Лето и др., 2019).

Limitations. The study is not without limitations, which include, first of all, the failure to take into account the socioeconomic status of adolescent families. However, studies on Russian adolescent samples show that socioeconomic status does not significantly contribute to well-being and mental health (Kozlova et al., 2014; Gordeeva, Sychev, 2023) or makes a weak contribution (Leto et al., 2019).

Список источников / References

1. Гордеева, Т.О., Сычев, О.А. (2023). От чего зависит психологическое благополучие российских подростков: анализ результатов PISA 2018. *Сибирский психологический журнал*, 88, 85–104. <https://doi.org/10.17223/17267080/88/5>
Gordeeva, T.O., Sychev, O.A. (2023). What Determines the Psychological Well-Being of Russian Adolescents: Analysis of PISA 2018 Results. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 88, 85–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/88/5>
2. Гурко, Т.А. (2020). Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи. *Социологический журнал*, 1, 31–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7052>
Gurko, T.A. (2020). Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution. *Sociological Journal*, 1, 31–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7052>
3. Козлова, Е.А., Слободская, Е.Р., Ахметова, О.А. (2014). Индивидуальные особенности и социально-экономические характеристики семьи как факторы психического здоровья детей. *Культурно-историческая психология*, 10(3), 46–53.
Kozlova, E.A., Slobodskaya, E.R., Akhmetova, O.A. (2014). Individual and Socioeconomic Characteristics of Families as Factors of Mental Health in Children. *Cultural-Historical Psychology*, 10(3), 46–53. (In Russ.).
4. Лето, И.В., Варшал, А.В., Петренко, Е.Н., Слободская, Е.Р. (2019). Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов. *Психологический журнал*, 40(6), 18–30. <https://doi.org/10.31857/S020595920007311-8>
Leto, I.V., Varshal, A.V., Petrenko, E.N., Slobodskaya, E.R. (2019). Subjective well-being in russian primary schoolchildren: the effect of family factors. *Psikhologicheskii zhurnal*, 40(6), 18–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920007311-8>
5. Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П. (2025). Удовлетворенность жизнью и школьная вовлеченность российских подростков из разных типов семей. *Социальные науки и детство*, 6(3), 22–36. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060302>
Odintsova, M.A., Radchikova, N.P. (2025). Life satisfaction and school engagement of Russian teenagers from different types of families. *Social Sciences and Childhood*, 6(3), 22–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060302>

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Дворская Е.В. (2026)
Роль семьи в детском благополучии: почему
подростки из полных семей...
Социальная психология и общество,
17(2), 124–144.

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Dvorskaya E.V. (2026)
The role of family in children's well-being:
why are teenagers from intact families more satisfied...
Social Psychology and Society,
17(2), 124–144.

6. Селиванова, О.В., Коробкова, Н.Ю. (2024). Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики. *Социально-трудовые исследования*, 54(1), 147–156. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156>
Selivanova, O.V., Korobkova, N.Yu. (2024). Single-parent families in Russian regions: scale and socio-economic characteristics. *Social and labor research*, 54(1), 147–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156>
7. Селигман М. (2025). Путь к процветанию: Новое понимание счастья и благополучия. М.: Альпина Паблишер.
Seligman M. (2025). *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being* Moscow: Alpina Publisher.
8. Семья, Г.В., Ослон, В.Н., Зайцев, Г.О., Колесникова, У.В. (2025). Взаимосвязь семейных контекстов и субъективного благополучия подростков. *Психология и право*, 15(4), 147–165. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150408>
Sem'ya, G.V., Oslon, V.N., Zaitsev, G.O., Kolesnikova, U.V. (2025). The relationship between family contexts and adolescent subjective well-being. *Psychology and Law*, 15(4), 147–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150408>
9. Сычев, О.А., Гордеева, Т.О., Лункина, М.В., Осин, Е.Н., Сиднева, А.Н. (2018). Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников. *Психологическая наука и образование*, 6, 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>
Sychev, O.A., Gordeeva, T.O., Lunkina, M.V., Osin, E.N., Sidneva, A.N. (2018). Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale. *Psychological Science and Education*, 6, 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>
10. Amato, P.R. (2005). The impact of family formation change on the cognitive, social, and emotional well-being of the next generation. *The Future of Children*, 15(2), 75–96. <https://doi.org/10.1353/foc.2005.0012>
11. Amato, P.R. (2010). Research on Divorce: Continuing Trends and New Developments. *Journal of Marriage and Family*, 72(3), 650–666. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00723.x>
12. Andrews, F.M., Withey, S.B. (1976). *Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality*. New York: Plenum Press.
13. Daryanani, I., Hamilton, J.L., Abramson, L.Y., Alloy, L.B. (2016). Single Mother Parenting and Adolescent Psychopathology. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 44(7), 1411–1423. <https://doi.org/10.1007/s10802-016-0128-x>
14. Global Mind Project. (2026). *Global Mind Health in 2025*. URL: <https://sapienlabs.org/wp-content/uploads/2026/02/Global-Mind-Health-in-2025-Report.pdf> (viewed: 10.02.2026).
15. Grüning Parache, L., Vogel, M., Meigen, C., Kiess, W., Poulain, T. (2024). Family structure, socioeconomic status, and mental health in childhood. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 33(7), 2377–2386. <https://doi.org/10.1007/s00787-023-02329-y>
16. Herke, M., Knöchelmann, A., Richter, M. (2020). Health and Well-Being of Adolescents in Different Family Structures in Germany and the Importance of Family Climate. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6470. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186470>
17. Kirk, R.E. (1996). Practical Significance: A Concept Whose Time Has Come. *Educational and Psychological Measurement*, 56(5), 746–759. <https://doi.org/10.1177/0013164496056005002>

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Дворская Е.В. (2026)
Роль семьи в детском благополучии: почему
подростки из полных семей...
Социальная психология и общество,
17(2), 124–144.

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Dvorskaya E.V. (2026)
The role of family in children's well-being:
why are teenagers from intact families more satisfied...
Social Psychology and Society,
17(2), 124–144.

18. Kuruczova, D., Klanova, J., Jarkovsky, J., Pikhart, H., Bienertova-Vasku, J. (2020). Socioeconomic characteristics, family structure and trajectories of children's psychosocial problems in a period of social transition. *PLOS ONE*, 15(6), e0234074. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234074>
19. Lawrence, K.C., Adebowale, T.A. (2023). Adolescence dropout risk predictors: Family structure, mental health, and self-esteem. *Journal of Community Psychology*, 51(1), 120–136. <https://doi.org/10.1002/jcop.22884>
20. Lee, W.K., Joo, Y.S. (2022). Examining family processes linked to adolescent problem behaviors in single-mother families: The moderating role of school connectedness. *Frontiers in Psychology*, 13, 937698. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.937698>
21. Lin, W.-H., Yi, C.-C. (2018). Subjective Well-Being and Family Structure During Early Adolescence: A Prospective Study. *The Journal of Early Adolescence*, 39, 426–452. <https://doi.org/10.1177/0272431618770785>
22. Lyubomirsky, S., King, L., Diener, E. (2005). The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? *Psychological bulletin*, 131(6), 803–855. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.6.803>
23. McLanahan, S., Tach, L., Schneider, D. (2013). The Causal Effects of Father Absence. *Annual Review of Sociology*, 39, 399–427. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145704>
24. Park, H., Lee, K.-S. (2020). The association of family structure with health behavior, mental health, and perceived academic achievement among adolescents: a 2018 Korean nationally representative survey. *BMC Public Health*, 20(1), 510. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08655-z>
25. Richter, D., Lemola, S. (2017). Growing up with a single mother and life satisfaction in adulthood: A test of mediating and moderating factors. *PLOS ONE*, 12(6), e0179639. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179639>
26. Scheirer, C.J., Ray, W.S., Hare, N. (1976). The Analysis of Ranked Data Derived from Completely Randomized Factorial Designs. *Biometrics*, 32(2), 429–434. <https://doi.org/10.2307/2529511>
27. Sch tz, F.F., Bedin, L.M., Sarriera, J.C. (2019). Subjective Well-Being of Brazilian Children from Different Family Settings. *Applied Research in Quality of Life*, 14(3), 737–750. <https://doi.org/10.1007/s11482-018-9609-0>
28. Seligman, M.E. (2011). *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. Simon and Schuster.
29. Semenova, O., Figueredo, A.J., Zambrano, R., Tokumaru, R.S., Defelipe, R.P., Lucci, T.K., Salmon, C., Vogel, E., Butovskaya, M. (2025). A Cross-Cultural Analysis of Brazilian, Russian, and American Families. *Social Evolution & History*, 24(1), 171–197. <https://doi.org/10.30884/seh/2025.01.08>
30. Sun, Y. (2001). Family Environment and Adolescents' Well-Being Before and After Parents' Marital Disruption: A Longitudinal Analysis. *Journal of Marriage and Family*, 63(3), 697–713. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00697.x>
31. Svensson, R., Johnson, B. (2022). Does it matter in what family constellations adolescents live? Reconsidering the relationship between family structure and delinquent behaviour. *PLOS ONE*, 17(4), e0265964. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0265964>
32. Woessmann, L. (2015). An international look at the single-parent family. *Education Next*, 15(2), 42–49. URL: https://sustainablefreedomlab.org/wp-content/uploads/2016/10/An-International-Look-at-the-Single-Parent-Family_-Family-structure-matters-more-for-U.S.pdf (viewed: 10.02.2026).

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Дворская Е.В. (2026)
Роль семьи в детском благополучии: почему
подростки из полных семей...
Социальная психология и общество,
17(2), 124–144.

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Dvorskaya E.V. (2026)
The role of family in children's well-being:
why are teenagers from intact families more satisfied...
Social Psychology and Society,
17(2), 124–144.

33. Zaborskis, A., Kavaliauskienė, A., Dimitrova, E., Eriksson, C. (2022). Pathways of Adolescent Life Satisfaction Association with Family Support, Structure and Affluence: A Cross-National Comparative Analysis. *Medicina (Kaunas, Lithuania)*, 58(7), 970. <https://doi.org/10.3390/medicina58070970>

Информация об авторах

Тамара Олеговна Гордеева, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Олег Анатольевич Сычев, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Бийский филиал Алтайского государственного педагогического университета (ФГБОУ ВО «АлтГПУ»), Бийск, Российская Федерация; доцент кафедры психотерапии качества жизни, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Елена Владимировна Дворская, аспирант кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); младший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4099-8210>, e-mail: dvorskaaelena100@gmail.com

Information about the authors

Tamara O. Gordeeva, Doctor of Science (Psychology), Full Professor at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher at the Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3900-8678>, e-mail: tamgordeeva@gmail.com

Oleg A. Sychev, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher at the Research Department, Biysk branch, Altai State Pedagogical University, Biysk, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Quality of Life Psychotherapy, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Elena V. Dvorskaya, Postgraduate Student, Chair of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher at Laboratory of Child Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4099-8210>, e-mail: dvorskaaelena100@gmail.com

Вклад авторов

Гордеева Т.О. — идея исследования, аннотирование, планирование исследования, сбор данных, контроль за проведением исследования, написание теоретического введения и обсуждения.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Дворская Е.В. (2026)
Роль семьи в детском благополучии: почему
подростки из полных семей...
Социальная психология и общество,
17(2), 124–144.

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Dvorskaya E.V. (2026)
The role of family in children's well-being:
why are teenagers from intact families more satisfied...
Social Psychology and Society,
17(2), 124–144.

Сычев О.А. — анализ данных, визуализация результатов исследования, описание результатов исследования.

Дворская Е.В. — сбор и анализ данных, участие в подготовке обзора и описания результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Tamara O. Gordeeva — the idea of the study, annotation, research planning, data collection, monitoring of the study, writing a theoretical introduction and discussion.

Oleg A. Sychev — data analysis, visualization of research results, description of the research results.

Elena V. Dvorskaya — data collection and analysis, participation in the preparation of a review and description of the research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (протокол № 6 от 31.01.2024 г.).

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research (report no 6, 2024/31/01).

Поступила в редакцию 24.04.2026

Received 2026.04.24

Поступила после рецензирования 20.05.2026

Revised 2026.05.20

Принята к публикации 23.06.2026

Accepted 2026.06.23

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Социальные представления государственных служащих о качествах человекоцентричного руководителя и их роли в раскрытии потенциала сотрудников

О.А. Самольянов ✉, М.В. Дементьева, В.А. Соловьев, А.Л. Боровикова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
✉ osamolyanov@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях глобальной трансформации государственное управление сталкивается с задачей раскрытия потенциала сотрудников, что делает особенно значимой роль человекоцентричного подхода к лидерству.

Цель. Определить социальные представления государственных служащих о том, какие качества являются ключевыми для человекоцентричного руководителя и положительно влияют на раскрытие потенциала сотрудников.

Гипотеза. Социальные представления о человекоцентричном руководителе в государственном управлении и о руководителе, способствующем раскрытию потенциала сотрудников, близки и имеют устойчивую структуру.

Методы и материалы. Исследование проведено в два этапа: этап интервью включил полуструктурированные интервью с 54 руководителями высшего звена государственных органов с последующим тематическим анализом и кодированием качеств лидера. Этап онлайн-опроса: 16095 госслужащих среднего звена из федеральных и региональных органов власти сформулировали свои представления о качествах руководителя, способствующих раскрытию потенциала сотрудников.

Результаты. На основе интервью выделены представления респондентов о широком перечне характеристик человекоцентричного лидера, сгруппированных в тематические блоки. Выделены две ключевые группы — теплота и компетентность. На этапе опроса было выяснено, что мнения участников о качествах, необходимых для раскрытия потенциала сотрудников, также отражают эти ключевые группы.

Выводы. Согласно социальным представлениям госслужащих, человекоцентричный руководитель в государственном управлении одновременно создает теплую, уважительную среду и демонстрирует высокий профессионализм и результативность. Представления о человекоцентричном руководителе и качествах, необходимых для раскрытия потенциала сотрудников, соотносятся друг с другом и включают синтез теплоты и компетентности.

Ключевые слова: человекоцентричное лидерство, государственное управление, госслужащие, качества руководителя, потенциал сотрудников, теплота, компетентность

Финансирование. В данной работе использованы результаты проекта HSE-MS-2025-004, выполненного в НИУ ВШЭ.

© Самольянов О.А., Дементьева М.В., Соловьев В.А., Боровикова А.Л., 2026

CC BY-NC

Для цитирования: Самольянов, О.А., Дементьева, М.В., Соловьев, В.А., Боровикова, А.Л. (2026). Социальные представления государственных служащих о качествах человекоцентричного руководителя и их роли в раскрытии потенциала сотрудников. *Социальная психология и общество*, 17(2), 145–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170209>

Social representations of civil servants on the qualities of a human-centric leader and their role in unlocking employee potential

O.A. Samolyanov ✉, M.V. Dementyeva, V.A. Solovyov, A.L. Borovikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ osamolyanov@hse.ru

Abstract

Context and relevance. *In the context of global transformation, public administration faces the challenge of unlocking employee potential, making the role of a human-centric approach to leadership particularly significant.*

Objective. *To identify civil servants' social representations of the qualities that are key for a human-centric leader and positively influence the unlocking of employees' potential.*

Hypothesis. *Social representations of a human-centric leader in public administration and of a leader who facilitates the unlocking of employees' potential are closely aligned and exhibit a stable structure.*

Methods and materials. *The study was conducted in two stages: the interview stage involved semi-structured interviews with 54 top-level managers of public authorities, followed by thematic analysis and coding of leader qualities. The online survey stage included 16095 mid-level civil servants from federal and regional authorities, who formulated their representations of the qualities of a leader that contribute to unlocking employees' potential.*

Results. *Based on the interviews, respondents' representations of a wide range of characteristics of a human-centric leader were identified, grouped into thematic blocks. Two key groups were highlighted — warmth and competence. The survey stage revealed that participants' opinions on the qualities necessary for unlocking employees' potential also reflect these key groups.*

Conclusions. *According to civil servants' social representations, a human-centric leader in public administration simultaneously creates a warm, respectful environment and demonstrates high professionalism and effectiveness. Representations of a human-centric leader and the qualities necessary for unlocking employees' potential correlate with each other and include a synthesis of warmth and competence.*

Keywords: *human-centered leadership, public administration, civil servants, leadership qualities, employees' potential, warmth, competence*

Funding. This work is an output of project HSE-MS-2025-004 implemented at HSE University.

For citation: Samolyanov, O.A., Dementyeva, M.V., Solovyov, V.A., Borovikova, A.L. (2026). Social representations of civil servants on the qualities of a human-centric leader and their role in unlocking employee potential. *Social Psychology and Society*, 17(2), 145–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170209>

Введение

Современные руководители сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными беспрецедентными темпами изменений и необходимостью непрерывной адаптации в сжатые сроки. Это управление коллективами в условиях удаленной работы, сохранение вовлеченности в условиях социальных и финансовых кризисов, интеграция искусственного интеллекта в рабочие процессы. Для государственных организаций адаптация осложняется высокой сложностью задач, ограниченностью ресурсов и высокой подотчетностью обществу. Для сферы госуправления этическая ориентация руководства становится ключевым фактором успеха (Bian, Wang, 2024). Способность раскрыть потенциал каждого сотрудника становится ценнее, чем физические активы (Аникин, 2017; Васильева, 2020). Эффективные лидерские практики влияют на удовлетворенность сотрудников, успешную трансформацию госструктур и достижение целей (Neumann, Kirklies, Nadorn, 2024).

Эволюция образа эффективного лидера обусловлена множеством философских, этических и практических факторов. Философские взгляды Карлоса Льяно определяют лидерство как содействие саморазвитию (Murcio, Scalzo, 2021). Теория трансформационного лидерства отдает приоритет развитию тех,

кого лидер ведет за собой (Suryadi et al., 2024). Согласно концепции лидерства, основанного на служении, лидеры служат своим командам, создавая культуру сотрудничества (Giorgio, 2010). В основу аутентичного лидерства положен принцип искренности и честности руководителя (Born, Correa, George, 2025).

Кульминацией гуманистических тенденций в этой области стала концепция человекоцентричного лидерства, в центре внимания которой находятся люди, их потребности, ценности, достоинство и развитие. Она предполагает признание уникальности каждого человека, поощрение автономии и создание условий для самореализации (Westover, 2024a; Westover, 2024b; Safuan, 2025). В последние годы человекоцентричность активно применяется в здравоохранении, образовании, бизнесе и государственном управлении, где доказано ее положительное влияние (Black, La Venture, 2017; Lynch et al., 2017; Leclerc, Kennedy, Campis, 2020; Virtanen, Jalonen, Tammeaid, 2022).

В российском управленческом дискурсе концепция человекоцентричности уже присутствует на уровне выступлений руководителя государства¹, формирования альянсов крупных организаций², появления государственных стандартов³ и программных документов органов исполнительной власти (Лавре-

¹ Выступление Президента Российской Федерации на встрече с выпускниками программы кадрового резерва Высшей школы госуправления. ТАСС. 17.06.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11678025> (дата обращения: 02.02.2026).

² На ПМЭФ-2023 увеличился состав Альянса человекоцентричных организаций. РБК. 17.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbbe9a7947008ce7b940> (дата обращения: 02.02.2026).

³ Национальный стандарт Российской Федерации. Система менеджмента человекоцентричной медицинской организации. 01.03.2025. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306887073> (дата обращения: 02.02.2026).

нева, 2024). Человекоцентричность рассматривается в контексте культурных особенностей Российской Федерации, внедрения инноваций, «индустрии 5.0», экономических изменений (Самольянов, 2024; Ivanov, 2022; Стецко, 2023; Щепакин и др., 2023). Ее влияние осмысливается на трех уровнях: индивидуальном, командном и организационном (Самольянов, Стрюк, 2025).

Человекоцентричность также рассматривается в контексте отечественной публичной политики (Хубаев, 2024). Предполагается ее связь с социальной стабильностью и национальной безопасностью (Голубятников, 2024). Человекоцентричность в публичном управлении определяется как «принцип организации и осуществления публичного управления, при котором права, интересы, потребности, ценности, благополучие человека являются приоритетными при разработке, реализации и оценке политик, услуг и административных процессов, а он сам выступает социально ответственным субъектом публичного взаимодействия», отмечается, что по отношению к самим государственным служащим этот подход применяется недостаточно (Соловьев, 2025).

Социальные представления о роли человекоцентричного руководителя в раскрытии потенциала сотрудников

Человеческий потенциал организации задействует совокупность способностей, знаний, мотивации и личностных качеств сотрудников, которые позволяют реализовать себя и вносить вклад в развитие организации и общества (Ruff, 2018). В организационном контексте

раскрытие человеческого потенциала связано с применяемыми лидерскими практиками (Akdere, Egan, 2020). Гуманистические подходы к лидерству оказывают положительное влияние на раскрытие потенциала сотрудников и их вовлеченность в работу (Pasamar, Diaz-Fernandez, de la Rosa-Navarro, 2019; Liu, Zhang, Fang, 2022).

Раскрытие потенциала сотрудников требует от руководителя релевантных качеств и навыков. Руководители, обладающие эмпатией, выстраивают прочные, доверительные отношения с членами своей команды (Purohit, 2018; Jian, 2021; Muss, Tüxen, Fürstenau, 2025). Высокий эмоциональный интеллект помогает руководителю улучшить показатели продуктивности и отношение команды к работе (Kim, Kim, 2017; Issah, 2018; Coronado-Maldonado, Benítez-Márquez, 2023). Аутентичность предполагает руководство с честностью и верностью собственным ценностям (Crawford et al., 2019). Гибкость подразумевает готовность быстро адаптироваться под меняющиеся условия (Perez-Gonzalez et al., 2024). Руководители, ориентированные на человека и на благо команды, открыты к коммуникации и чутко реагируют на меняющиеся потребности своих команд, что влияет не только на благополучие сотрудников, но и на производимый продукт и удовлетворенность клиента (Schiuma et al., 2024; Leclerc, Kennedy, Campis, 2020). Ответственность и надежность руководителя повышают у команды чувство безопасности (Mea, Sims, 2019).

Мы предполагаем, что интеграция этих качеств позволяет человекоцентричному руководителю повысить во-

влеченность сотрудников и обеспечить раскрытие человеческого потенциала организации. Как предмет нашего исследования мы поставили задачу изучить социальные представления о том, какие именно качества, с точки зрения самих руководителей и их подчиненных, ассоциируются с образом человекоцентричного руководителя и релевантны в контексте раскрытия потенциала сотрудников государственного управления. В качестве объекта исследования мы выбрали сотрудников органов исполнительной власти Российской Федерации.

Материалы и методы

Инструментарий и процедура. В исследовании был использован метод полуструктурированных интервью на основании разработанного гайда. Цель исследования состояла в том, чтобы выяснить, какие качества человекоцентричного руководителя выделяют респонденты, какие особенности и навыки считают ключевыми. Интервью проводились с августа по сентябрь 2024 года, каждое длилось от 45 до 60 минут. Далее были проведены открытое и осевое кодирование и тематический анализ полученных данных.

Выборка. Выборку составили 54 руководителя органов государственного управления (руководители департаментов ФОИВ, заместители министров, министры, заместители председателя правительства РОИВ).

Результаты

Процедура кодирования позволила выявить ряд повторяющихся представлений о качествах человекоцентричного руководителя, из которых мы отобрали отмеченные в более чем 25% интервью

(всего 40). В ходе тематического анализа мы выделили 10 групп и определили, что все выявленные представления о качествах человекоцентричного руководителя можно разделить на два класса: черты, связанные с межличностной теплотой (доброжелательностью, внимательностью к людям) и связанные с компетентностью (профессионализмом и эффективностью).

К классу «Теплота» мы отнесли пять тематических групп (20 качеств): Этичность, Человечность, Коммуникативность, Ориентация на команду и Развивающее влияние. По мнению респондентов, человекоцентричный руководитель в государственном управлении стремится понять сотрудников, проявляет к ним уважение и заботу, а также действует честно и справедливо по отношению к каждому. По словам одного участника, с таким руководителем возникает *«сплоченность... настолько мощная, что люди готовы... работать здесь <несмотря на трудности>, потому что есть такая лояльность»* (Р36).

Однако, как подчеркнули респонденты, одного лишь доброжелательного отношения недостаточно. Вторая группа качеств связана с эффективностью и профессионализмом руководителя. В класс «Компетентность» вошло пять тематических групп: Зрелое управление, Организационные компетенции, Гибкость, Личный профессионализм и Ориентация на результат (20 качеств). Многие респонденты отмечали, что человекоцентричный руководитель должен обладать высокой компетентностью, чтобы подчиненные уважали его как авторитета и доверяли его решениям.

Таким образом, результаты анализа интервью с руководителями органов го-

Таблица 1 / Table 1

Качества человекоцентричного руководителя (Теплота)
Qualities of a human-centric leader (Warmth)

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
Этичность (51 из 54)	Уважение	«...уважение людей ... отношение к ним как к единомышленникам, а не как к подчиненным» (P26) «Взаимоуважение в команде ... все на взаимоуважении держится» (P15) «Всегда пытаюсь найти какую-то часть, за которую можно было бы этого человека уважать» (P42)
	Справедливость	«Руководитель должен быть справедливым» (P48) «Человекоцентричность ... — это некий баланс из свободы и справедливости» (P7) «Справедливая оценка результатов работы» (P45)
	Честность и прозрачность	«Честность это первое, главное, что должно быть» (P52) «Поступки совпадают с твоими мыслями и убеждениями ... действительно важно быть аутентичным лидером» (P14)
	Порядочность	«В первую очередь ... обращайся с человеком так, как ты хочешь, чтобы обращались с тобой» (P22) «Одна из основных черт руководителя ... — это порядочность» (P5) «Не унижение там или переход на ... личности ... порядочность» (P30)
Человечность (53 из 54)	Эмпатия	«Всегда должна быть эмпатия ... ты должен понимать человека, принимать» (P46) «Этот идеальный руководитель ... руководствуется принципами эмпатии» (P27)
	Личный интерес	«Всегда о нас заботился ... он интересовался, ему было не все равно» (P41) «Я выстраиваю работу на личной близости. ... Я стараюсь максимально близко быть вовлечен» (P13)
	Поддержка	«Словом просто поддержать ... это совершенно другое отношение команды к руководителю становится» (P4) «И поддержать, и помогал в трудных жизненных ситуациях ... когда к нему обращались за советом, он никогда не отмахивался» (P9) «Готовность подставить плечо» (P38)
	Доверие	«Это умение доверять внутри команды ... если ты выбрал людей себе в команду, то ты им доверяешь» (P15) «Надо доверять ... молодой подчиненный, он там что-то может не знать, не понимать и не быть достаточно компетентным ... все равно надо ему доверять» (P29)

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
	Доброта	<p>«Сочувствовать, где-то помогать, но не ставить высокую планку, которую ставишь себе ты» (P52)</p> <p>«Это воспитание, это морально-нравственные принципы, это доброта, добродетель ... духовность» (P25)</p>
Коммуникативность (49 из 54)	Доступность	<p>«Для меня человекоцентричность для госслужащих – это максимальная открытость к людям. ... мне может через социальные сети написать вообще любой человек. Я ему отвечаю, я с ним общаюсь» (P1)</p> <p>«Возможность или готовность пригласить людей и с ними ... задачу порешать, независимо от уровня занимаемой должности» (P10)</p>
	Неформальное общение	<p>«Традиции, например, с каждой зарплатой есть суши в кабинете у руководителя, при этом общаться, как прошла неделя, как прошел месяц, поделиться» (P33)</p> <p>«Мы, например, выезжаем каждый год с коллективом на пункты ГГС ... то есть мы совмещаем профессиональное с неформальным общением» (P34)</p>
	Регулярный контакт	<p>«Я хожу по кабинетам и со всеми общаюсь каждый день» (P12)</p> <p>«Важно разговаривать, важно проводить различные мероприятия, может быть формальные, неформальные ... важно быть руководителем, не оторванным от основного коллектива» (P49)</p>
	Умение слушать	<p>«Если ты слушаешь своих подчиненных ... прислушиваешься к ним, к их точке зрения, к их мнению, гораздо будет лучше работать» (P4)</p> <p>«У такого руководителя должно быть развито главное качество, это терпение, вот, и второе ... уметь слушать те инициативы, которые приносят» (P34)</p>
Ориентация на команду (47 из 54)	Баланс «работа–жизнь»	<p>«Роль руководителя – это в том, чтобы создавать позитивную рабочую среду, в которой сотрудники находят баланс между работой и личной жизнью» (P14)</p> <p>«Мы по времени, например, людей никогда не заставляем перерабатывать ... задачи ... даются такие, чтобы в течение рабочего дня все могли исполнить» (P24)</p>
	Признание и поощрение	<p>«Руководство это должно отмечать, поощрять, тогда ... у людей останется ... что это было отмечено, это не впустую было сделано, не впустую я задержался, не впустую приложил максимум усилий» (P2)</p> <p>«Умение руководителя хвалить своих сотрудников... Вот это очень важно, доброе слово и кошке приятно» (P6)</p>

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
	<p>Ответственность за команду</p>	<p>«Он всегда будет отстаивать тебя, как сотрудника ... он никогда не скажет, что ты не права при чужих людях» (P6) «Она свой коллектив отстаивает... она всегда за свой коллектив» (P18) «Если человек не сумел что-то сделать, я считаю, что это и в том числе моя вина, так как я его... не научил» (P35)</p>
	<p>Сплочение команды</p>	<p>«Здесь задача руководителя — это ... формирование атмосферы доверия у сотрудников коллектива между собой» (P40) «Мы всегда говорим спасибо друг другу ... что мы есть друг у друга, что мы сделали, реализовали данную задачу и выполнили, дальше у нас будет еще мы, мы и еще раз мы» (P52)</p>
<p>Развивающее влияние (48 из 54)</p>	<p>Наставничество</p>	<p>«Те специалисты, которые приходят в коллектив новыми, я их чаще всего беру под свое кураторство ... люди получают задачи от меня, исполняемость этой задачи контролируют со мной вместе, корректируют ее под моим руководством» (P7) «Не может определиться дальше с карьерой... Я помогаю, стараюсь поделиться и опытом своим ... помочь, посоветовать» (P50)</p>
	<p>Конструктивная обратная связь</p>	<p>«Если не поступает обратной связи, тоже очень плохо ... сотрудник в определенном моменте ... может немножко потеряться» (P22) «Давать обратную связь, причем конструктивную. То есть такая вот обратная связь, она действительно дает какое-то ощущение желая свернуть горы» (P14)</p>
	<p>Развитие как приоритет</p>	<p>«Мы создаем условия, в которых у людей есть возможность реализовывать свой потенциал, достигать нужных высоких результатов» (P8) «Мы елку посадили, мы же ее удобряем, поливаем туда-сюда, так и человека надо удобрять, поливать и давать ему стимулы, пускай даже на каком-то этапе для него нереально непосильные, чтобы он пытался их решать, и после этого, значит, сможет решать уже потом по-настоящему» (P29)</p>

сударственного управления показали, что человекоцентричное лидерство воспринимается как синтез двух взаимодополняющих сторон. С одной стороны, руководитель должен проявлять межличностную теплоту: понимать, поддер-

живать, быть открытым и справедливым с людьми. С другой стороны, обладать профессиональной компетентностью: вести команду к результатам, принимать ответственные решения, поддерживать дисциплину и являться примером.

Таблица 2 / Table 2

Качества человекоцентричного руководителя (Компетентность)
Qualities of a human-centric leader (Competence)

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
Зрелое управление (49 из 54)	Авторитетность	«Любить руководителя вовсе не обязательно, но уважать... уважение руководителю надо заслужить» (P2) «Руководитель все-таки должен оставаться руководителем. Это некий человек, который имеет авторитет, который ведет свою команду» (P4)
	Последовательность	«Можно прописать что угодно ... в процессах, в бумагах, но если ... руководящий состав совершенно по-другому поступает, то механизм не будет работать» (P11) «Самое важное — давать коллективу уверенность в завтрашнем дне» (P39)
	Дисциплина	«Я могу человека понять... а процесс не должен страдать ... если он завалил работу — будет наказание» (P1) «Чтобы выполнить эту задачу, иногда нужна просто жесткая воля руководителя» (P2) «Если не сделал, ну извини, друг, отчитываясь, почему так не получилось» (P38)
	Разрешение конфликтов	«Разбираться, почему человек ведет себя так или иначе, и, соответственно, сглаживать конфликты» (P14) «Умение эти конфликты выявлять и нивелировать, ну, во-первых, не допускать, но если уж они возникнут, то правильно их разрешать» (P40)
Организационные компетенции (48 из 54)	Организация среды	«Одна из моих функций — это обеспечение людьми ресурсами. ... если мечта, задача или цель не обеспечены ресурсами, то она так и остается бумажной. И человек от этого сильно выгорает» (P8) «Создать для них максимально комфортные и достойные условия работы» (P41)
	Организация процессов	«Бережливое управление... позволяет исключить... дублирующие функции... чтобы люди не делали бездумную работу» (P44) «Визуализация на доске плановых заданий на день... потом отработка в течение дня и доклад по вечеру» (P23)
	Распределение задач	«Распределение ролей правильное сделать ... кто в коллективе за какой блок будет отвечать, у кого что лучше получается» (P40) «Нагрузку стараюсь перераспределить между сотрудниками равномерно» (P44) «Роли стараюсь распределять соразмерно... умственным... и физическим способностям людей» (P6)

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
	Грамотное делегирование	<p>«Кто готов на себя взять... когда человек предложил идею... он будет за нее отвечать» (P52)</p> <p>«Важно иногда создавать такую экстренную обстановку, где рабочему коллективу иногда приходится думать самому и решать свои проблемы на своем уровне» (P43)</p>
Гибкость (52 из 54)	Принятие индивидуальности	<p>«Не нужно интроверту говорить, что ты иди пообщайся с кем-то... А экстраверта сажать за грустный, невероятный отчет, который он никогда не выполнит» (39)</p> <p>«Если психологические... особенности... не позволяют... человек будет хорош в чем-то другом» (P31)</p> <p>«Каждый человек – свой подход» (P22)</p>
	Адаптивность	<p>«Владеет гибким лидерством и... может активировать тот или иной стиль лидерства в зависимости от обстоятельств» (P14)</p> <p>«Способность воспринимать и обрабатывать большое количество информации... Способность работать над многими задачами» (P19)</p>
	Открытость к обратной связи	<p>«Всегда просто прислушиваться к тому, что говорят сотрудники ... нет такого, что руководитель всегда прав» (P41)</p> <p>«Открытой обратной связи ... я люблю ее, да, и очень ее воспринимаю конструктивно» (P14)</p>
	Обучение на ошибках	<p>«Ну, плюс где-то работу над ошибками провожу» (P13)</p> <p>«Даже те ошибки, которые он совершает, они тоже ценные... важно вынести из этого уроки и еще хорошо было бы поделиться этой информацией, чтобы другие на те же грабли не наступали» (P14)</p> <p>«Нормализует ошибки и работу над ними: признал – разобрались – идем дальше» (P22)</p>
Личный профессионализм (45 из 54)	Саморегуляция	<p>«В первую очередь, спокойствие, уравновешенность, хладнокровие» (P5)</p> <p>«Терпение ... вовремя прикусывать язык ... не выдать первую эмоциональную реакцию, надо себя сдерживать» (P34)</p> <p>«Настолько тактичный, настолько спокойный, уравновешенный профессионал» (P46)</p>
	Включенность	<p>«Руководитель, он должен работать больше, чем остальные... должен закрывать своим ресурсом» (P15)</p> <p>«Он изучает абсолютно все документы, всегда... Для него не было такого, что это просто рядовая переписка... Он всегда отвечал» (P41)</p>

Тематическая группа / Thematic group	Коды / Codes	Цитаты / Quotations
	Знания	<p>«Во-первых, он должен разбираться в предмете досконально... для того, чтобы твои подчиненные поверили ... что ты разбираешься в предмете» (P4)</p> <p>«Открытые курсы по цифровой трансформации, по клиентоцентричности, по процессному подходу... инструменты генеративного искусственного интеллекта» (P28)</p>
	Понимание бизнеса	<p>«Я пришла на государственную гражданскую службу ... уже более 15 лет назад, с нижестоящей ... должности. И я знаю, как проходить эти ступени ... какой объем работы на каждой должности» (P52)</p> <p>«Мои знания, мои умения, которые я развивала много лет, и много лет отдав в госслужбе, я понимаю, что я сейчас могу повлиять на ход событий» (P25)</p>
Ориентация на результат (48 из 54)	Целеустремленность	<p>«Самое главное — это достигать поставленной цели. То есть поставить цель и достичь — это очень важно» (P5)</p> <p>«У руководителя в первую очередь должна быть цель и знание, куда он идет, когда ... он четко понимает, куда он там движется — команда, безусловно, будет двигаться с ним» (P33)</p>
	Постановка целей и приоритетов	<p>«Первое — это единый смысловой вектор, куда мы идем. ... мы формируем первый самый главный вопрос, а куда мы вообще идем» (P8)</p> <p>«Тебе четко скажут, какой результат от тебя хотят увидеть, и что ты должен в итоге там предоставить» (P6)</p>
	Принятие решений	<p>«Умение при этом брать на себя ответственность и принимать решения» (P15)</p> <p>«Способность принимать решение в любой неудобной ситуации и брать на себя ответственность» (P34)</p>
	Клиентоцентричность	<p>«Для него важны, в первую очередь, нужды, заботы, проблемы клиента» (P27)</p> <p>«Ориентация на конечный результат для клиента и удобство получения этого результата для клиента» (P53)</p>

Исследование с помощью онлайн-опроса

Материалы и методы

Инструментарий и процедура. Второй этап был направлен на определение качеств руководителя, воспринимаемых как наиболее значимых для раскрытия

потенциала сотрудников государственного управления, и был реализован в период с сентября по октябрь 2024 года. Данные собирались методом онлайн-опроса, что обеспечило широкий охват респондентов. Участие было анонимным и добровольным: респонденты получали

письмо на корпоративную почту с описанием исследования и ссылкой на сервис «Социометр». Социально-демографические данные не собирались, чтобы сохранить полную анонимность.

В рамках исследования участникам предлагалось ответить на вопрос «*Назовите, пожалуйста, 3–5 главных качеств руководителя, работая под руководством которого, вы сможете максимально раскрыть свой потенциал*». Анализ полученных данных проводился при помощи инструмента Voyant Tools.

Выборка. Выборка состояла из сотрудников среднего звена органов государственного управления Российской Федерации 52 федеральных и 75 региональных органов исполнительной власти. Общий размер выборки составил 16095 участников.

Результаты

Частотный анализ ответов показал отчетливую приоритетность ряда представлений о качествах человекоцентричного руководителя, способствующих раскрытию потенциала сотрудника. В процессе анализа мы исходили из того, что респонденты называли качества руководителя в широком смысле, их ответы включали как личные качества, так и профессиональные навыки. Ниже приведены 20 наиболее часто упоминавшихся формулировок качеств руководителя, которые максимально способствуют раскрытию потенциала сотрудников: Ответственность, Компетентность, Справедливость, Профессионализм, Честность, Коммуникабельность, Стрессоустойчивость, Уверенность, Целеустремленность, Открытость, Требовательность, Порядочность, Умение ставить задачи,

Человечность, Умение слушать, Уважение, Умение принимать решения, Оптимизм, Лидерство, Грамотность.

Представления респондентов охватывают как человеческие качества, так и деловые навыки руководителя, при этом большая их часть соотносится с представлениями о качествах человекоцентричного руководителя, выявленными на первом этапе. С одной стороны, в топ-20 вошли формулировки, отражающие межличностную теплоту, например, *справедливость* и *честность*, *коммуникабельность*, *человечность* и *уважение*. С другой стороны, не менее значимую часть рейтинга занимают формулировки, которые можно отнести к компетентности руководителя: *ответственность*, *компетентность*, *профессионализм*, *умение четко ставить задачи*, *принятие решений*, *требовательность*, *грамотность* и др. Однако, анализируя более широкий список формулировок (упомянутые 100 и более респондентами), мы увидели, что баланс представлений несколько смещается в сторону компетентности.

К тематическим группам Теплоты мы смогли отнести 35 формулировок из 97 (сумма упоминаний 17361): *этичность* (справедливость, справедливый, честность, уважение, порядочность, тактичность, вежливость, надежность), *человечность* (человечность, доброта, эмпатия, понимание, отзывчивость, забота, поддержка, эмоциональный, доверие, оптимизм), *коммуникативность* (коммуникабельность, коммуникативность, коммуникативные качества, коммуникация, открытость, внимательность, внимание, умение слушать, слышать, выслушать, чувство юмора), *ориентация на команду* (поощрение, взаимопо-

нимание, лояльность, преданность, заинтересованность).

В группы Компетентности вошли 59 формулировок (26536 упоминаний): *зрелое управление* (ответственность, ответственный, требовательность, объективность, адекватность, строгость, авторитет), *организационные компетенции* (организованность, организаторские способности, постановка задач, умение четко ставить задачи, умение формулировать, распределение задач, умение распределять задачи, делегирование, умение делегировать), *гибкость* (гибкость, стрессоустойчивость, многозадачность, креативность), *личный профессионализм* (компетентность, компетентный, профессионализм, опыт, грамотность, образованность, знания, интеллект, ум, умный, мудрость, четкость, эмоциональная стабильность, уравновешенность, спокойствие, сдержанность, уверенность, пунктуальность, трудолюбие, работоспособность, вовлеченность, адекватная самооценка, развитие), *ориентация на результат* (целеустремленность, амбициозность, нацеленность, упорство, продуктивность, мотивация, умение мотивировать, умение ставить цели, активность, инициативность, стратегическое мышление, оперативность, принятие решений, умение принимать решения, решительность).

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют, что представления о человекоцентричном лидерстве в государственном управлении основываются на сочетании двух основных групп качеств: «теплоты» и «компетентности». Такой образ соответствует дихотомической модели восприятия человека, в которой теплота и компетентность являются главными

компонентами, выводам нейронауки, что теплота является ключевым основанием доверия к лидеру (Fiske et al., 2007; Руднев, 2021). Анализ интервью с руководителями выявил, что, согласно представлениям, человекоцентричный руководитель проявляет искреннюю заботу о сотрудниках, эмпатию и справедливость, а также высокий профессионализм, ответственность и умение принимать взвешенные решения. При этом они не противопоставляются друг другу, а скорее взаимодополняют. Масштабный опрос 16095 госслужащих количественно подтвердил важность обеих групп качеств для раскрытия потенциала сотрудников по их представлению.

Эти выводы позволяют ответить на наши основные исследовательские вопросы. Во-первых, наши данные показывают, что представления о человекоцентричном руководителе устойчиво включают качества из двух упомянутых категорий. Во-вторых, по результатам второго этапа можно заключить, что в представлениях о качествах руководителя, необходимых для раскрытия человеческого потенциала государственных служащих, важную роль играют обе выделенные категории. Госслужащие более склонны выделять качества «компетентности» как релевантные раскрытию их потенциала, однако среди наиболее частотных формулировок наблюдается баланс.

Выявленная комбинация теплоты и компетентности, а также склонность недооценивать теплоту соответствуют современным тенденциям в восприятии лидеров. Согласно недавнему исследованию, проведенному на выборке медицинских работников, и теплота, и компетентность положительно связаны с лояльностью со-

трудников, однако теплота обладает уникальным косвенным эффектом, улучшая благополучие сотрудников (Muller et al., 2025). Вывод авторов о том, что эмпатичный стиль лидерства, усиливающий восприятие теплоты, наиболее эффективен для благополучия и удержания сотрудников, созвучен и нашим выводам относительно раскрытия человеческого потенциала.

Заключение

Проведенное исследование позволяет предположить, что человекоцентричный стиль руководства способствует раскрытию потенциала сотрудников органов государственного управления. В ходе первого (интервью с 54 руководителями) и второго (опрос 16095 госслужащих) этапов выявлен образ руководителя, соответствующий этим предположениям. Это эмпатичный, поддерживающий и справедливый лидер, который одновременно обладает высоким профессионализмом и эффективностью. Мы определили ключевые представления о качествах человекоцентричного руководителя и соотнесли их с представлениями о качествах, способствующих раскрытию потенциала сотрудников. По мнению государственных служащих, человекоцентричное лидерство может способствовать раскрытию потенциала сотрудников органов государственного управления через сочетание «теплоты» и «компетентности» в управлении.

На основе результатов данного исследования планируется разработка инструментов оценки теплоты и компе-

тентности руководителя и эмпирическая проверка их влияния на потенциал сотрудников. Полученные результаты также имеют практическую значимость для сферы государственного управления. Понимание того, что теплота и компетентность руководителя взаимно необходимы для развития персонала, может лечь в основу программ развития управленческих компетенций в госорганизациях. Кроме того, результаты исследования можно применить в системах оценки и отбора руководящих кадров. На основе таких оценок можно целенаправленно продвигать на ключевые роли тех лидеров, кто демонстрирует баланс теплоты и компетентности, необходимый для раскрытия человеческого потенциала.

Ограничения. Отсутствие социально-демографических данных не позволяет проконтролировать влияние пола, возраста и других факторов. Также специфика выборки накладывает ограничения на обобщение результатов. Следует с осторожностью переносить выводы на другие контексты, например, частный сектор или госслужащих иных стран.

Limitations. The absence of socio-demographic data does not allow us to control for the influence of gender, age, and other factors. In addition, the specifics of the sample impose limits on the generalizability of the results. The findings should be transferred to other contexts with caution — for example, to the private sector or to civil servants in other countries.

Список источников / References

1. Аникин, В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки. *Экономическая социология*, 18(4), 120–156. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156>

- Anikin, V.A. (2017). Human capital: genesis of the concept and main interpretations. *Economic Sociology*, 18(4), 120–156. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156> (In Russ.).
2. Васильева, Е.В. (2020). Управленческое превосходство как основа успеха цифровой трансформации государственных услуг. *Управленческие науки*, 10(1), 81–89. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-81-89>
Vasilieva, E.V. (2020). Managerial excellence as the basis for the success of digital transformation of public services. *Management Sciences*, 10(1), 81–89. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-81-89> (In Russ.).
 3. Голубятников, Д.О. (2024). Достижение человекоцентричности в государственной политике России. *Вестник Университета мировых цивилизаций*. Т. 15, 3(44), 23–29. <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-23-29>
Golubyatnikov, D.O. (2024). Achieving Human-Centricity in Russia's State Policy. *Bulletin of the University of World Civilizations*. Vol. 15, 3(44), 23–29. <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-23-29> (In Russ.).
 4. Лавренева, Н.Г. (2024). Человекоцентричность Федеральной налоговой службы России. *Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*, 1(24).
Lavreneva, N.G. (2024). Human-Centricity of the Federal Tax Service of Russia. *Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*, 1(24). (In Russ.).
 5. Руднев, Е.В. (2021). Мозг и организационное поведение: как нейронаука помогает лидерам управлять изменениями. *Инновационные проекты и программы в образовании*, 2(74), 75–80.
Rudnev, E.A. (2021). Brain and organizational behavior: how neuroscience helps leaders manage changes. *Innovative Projects and Programs in Education*, 2(74), 75–80. (In Russ.).
 6. Самольянов, О.А. (2024). Принципы человекоцентричности в современной России: социально философский анализ. *Социально-гуманитарные знания*, 3, 214–218.
Samolyanov, O.A. (2024). Principles of Human-Centricity in Contemporary Russia: A Socio-Philosophical Analysis. *Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 214–218. (In Russ.).
 7. Самольянов, О.А., Стрюк, Г.Г. (2025). Содержание понятия «чело­векоцентрич­ность» в управленческом дискурсе: результаты эмпирического исследования. *Социально-гуманитарные знания*, 10, 467–471.
Samolyanov, O.A., Stryuk, G.G. (2025). The Content of the Concept of "Human-Centricity" in Management Discourse: Results of an Empirical Study. *Social and Humanitarian Knowledge*, 10, 467–471. (In Russ.).
 8. Соловьев, В.А. (2025). Человекоцентричность в публичном управлении: Научный дискурс и современные российские практики. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 4, 86–109. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-20250-4-86-109>
Soloviev, V.A. (2025). Human-Centricity in Public Administration: Scientific Discourse and Contemporary Russian Practices. *Issues of Public and Municipal Administration*, 4, 86–109. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-20250-4-86-109> (In Russ.).
 9. Стецко, Е.В. (2023). От социального капитала к человекоцентричности: эволюция подходов к управлению развитием цифровых сервисов. *Общество. Среда. Развитие*, 4, 17–22.
Stecko, E.V. (2023). From social capital to human-centricity: evolution of approaches to managing the development of digital services. *Society. Environment. Development*, 4, 17–22. (In Russ.).

10. Хубаев, Г.С. (2024). Человекоцентричность как вектор развития современного государственного и муниципального управления. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Т. 96, 9–5, 121–124. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-20249-5-121-124> Khubaev, G.S. (2024). Human-Centricity as a Vector of Development for Modern Public and Municipal Administration. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 96, no. 9–5, pp. 121–124. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-20249-5-121-124> (In Russ.).
11. Щепакин, М.Б., Хандамова, Э.Ф., Бженникова, Д.Г. (2023). Человекоцентричный ресурс – драйвер инновационных изменений в условиях мобилизационной экономики. *Вопросы инновационной экономики*, 1, 381–404.
Shchepakina, M.B., Khandamova, E.F., Bzhennikova, D.G. (2023). Human-Centric Resource as a Driver of Innovative Changes in the Conditions of a Mobilization Economy. *Issues of Innovative Economy*, 1, 381–404. (In Russ.).
12. Akdere, M., Egan, T. (2020). Transformational leadership and human resource development: Linking employee learning, job satisfaction, and organizational performance. *Human Resource Development Quarterly*, 31(4), 393–409. <https://doi.org/10.1002/hrdq.21404>
13. Bian, X., Wang, B. (2024). Enabling Innovative Governance: Ethical Leadership and Dynamic Capabilities in Government Digital Transformation. *Business Ethics and Leadership*, 8(4), 186–200. [https://doi.org/10.61093/bel.8\(4\).186-200.2024](https://doi.org/10.61093/bel.8(4).186-200.2024)
14. Black, J., La Venture, K. (2017). The Human Factor to Profitability: Leveraging People-Centered Cultures as Meaningful Organizations. *Public Integrity*, 20(5), 444–458. <https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1364949>
15. Born, D.H., Correa, M., George, B. (2025). Authentic leadership across levels: Unlocking global potential. *Organizational Dynamics*, 54(3, Part 1), Article 101143. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2024.101143>
16. Coronado-Maldonado, I., Benítez-Márquez, M.-D. (2023). Emotional intelligence, leadership, and work teams: A hybrid literature review. *Heliyon*, 9(10), e20356. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20356>
17. Crawford, J.A., Dawkins, S., Martin, A., Lewis, G. (2019). Putting the leader back into authentic leadership: Reconceptualising and rethinking leaders. *Australian Journal of Management*, 45(1), 114–133. <https://doi.org/10.1177/0312896219836460>
18. Giorgiov, A. (2010). The servant-leadership concepts of Robert K. Greenleaf. *Perichoresis*, 8(2), 99–114.
19. Issah, M. (2018). Change Leadership: The Role of Emotional Intelligence. *SAGE Open*, 8(3). <https://doi.org/10.1177/2158244018800910>
20. Ivanov, D. (2022). The Industry 5.0 framework: Viability-based integration of the resilience, sustainability, and person-centricity perspectives. *International Journal of Production Research*, 61(5), 1683–1695.
21. Jian, G. (2021). From empathic leader to empathic leadership practice: An extension to relational leadership theory. *Human Relations*, 75(5), 931–955. <https://doi.org/10.1177/0018726721998450>
22. Kim, H., Kim, T. (2017). Emotional Intelligence and Transformational Leadership: A Review of Empirical Studies. *Human Resource Development Review*, 16(4), 377–393. <https://doi.org/10.1177/1534484317729262>
23. Leclerc, L., Kennedy, K., Campis, S. (2020). Human-centered leadership in health care: An idea that's time has come. *Nursing Administration Quarterly*, 44(2), 117–126. <https://doi.org/10.1097/NAQ.0000000000000409>

24. Liu, L., Zhang, C., Fang, C. (2022). “Effects of health-promoting leadership, employee health on employee engagement: employability as moderating variable”. *International Journal of Workplace Health Management*, 15(1), 1–18. <https://doi.org/10.1108/IJWHM-07-2020-0122>
25. Lynch, B.M., McCance, T., McCormack, B., Brown, D. (2017). The development of the Person-Centred Situational Leadership Framework: Revealing the being of person-centredness in nursing homes. *Journal of Clinical Nursing*, 27(1–2), e134–e146. <https://doi.org/10.1111/jocn.13949>
26. Mea, W.J., Sims, R.R. (2019). Human Dignity-Centered Business Ethics: A Conceptual Framework for Business Leaders. *Journal of Business Ethics*, 160(1), 53–69. <https://doi.org/10.1007/s10551-018-3929-8>
27. Mueller, M.S., Malone, C., Lindenmeier, J., Erden, Z., Liberatore, F. (2025). The effect of warmth and competence as stereotypical leadership perceptions on occupational well-being and behavioral loyalty of hospital employees: An empirical analysis. *Health Services Management Research*. (Published online 11 July 2025). <https://doi.org/10.1177/09514848251360072>
28. Murcio, R., Scalzo, G. (2021). Person-Centered Leadership: The Practical Idea as a Dynamic Principle for Ethical Leadership. *Frontiers in Psychology*, 12, 708849. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.708849>
29. Muss, C., Tüxen, D., Fürstenau, B. (2025). Empathy in leadership: a systematic literature review on the effects of empathetic leaders in organizations. *Management Review Quarterly*. (Advance online publication). <https://doi.org/10.1007/s11301-024-00472-7>
30. Neumann, O., Kirklies, P.-C., Hadorn, S. (2024). Does agile improve value creation in government? *Information Polity*, 29(2), 235–252. <https://doi.org/10.3233/IP-230060>
31. Pasamar, S., Díaz-Fernández, M., de la Rosa-Navarro, M.D. (2019). Human capital: the link between leadership and organizational learning. *European Journal of Management and Business Economics*, 28(1), 25–51. <https://doi.org/10.1108/EJMBE-08-2017-0003>
32. Perez-Gonzalez, S., Marques-Sanchez, P., Pinto-Carral, A., Gonzalez-Garcia, A., Liebana-Presa, C., Benavides, C. (2024). Characteristics of leadership competency in nurse managers: A scoping review. *Nursing Research and Practice*, Article 5594154. <https://doi.org/10.1155/2024/5594154>
33. Purohit, P. (2018). The role of empathy in effective management: A descriptive study of human-centric leadership. *Psychology and Education*, 55(1), 616–623.
34. Ryff, C.D. (2018). Well-Being With Soul: Science in Pursuit of Human Potential. *Perspectives on Psychological Science*, 13(2), 242–248. <https://doi.org/10.1177/1745691617699836>
35. Safuan, S. (2025). A bibliometric analysis of human-centered leadership: past, present, and future paths. *International Journal of Professional Business Review*, 10(2), e05319. <https://doi.org/10.26668/businessreview/2025.v10i2.5319>
36. Schiuma, G., Santarsiero, F., Carlucci, D., Jarrar, Y. (2024). Transformative leadership competencies for organizational digital transformation. *Business Horizons*, 67(4), 425–437. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2024.04.004>
37. Suryadi, Y., Dewi, N.L.Y., Trisnawati, T., Al-Amin, A. (2024). The Impact of Transformational Leadership on Organizational Performance and Employee Motivation. *Transforma: Jurnal Manajemen*, 2(2), 65–76. <https://doi.org/10.56457/tjm.v2i2.129>
38. Virtanen, P., Jalonen, H., Tammeaid, M. (2022). *Public Sector Leadership: A Human-Centred Approach* (1st ed.). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003205791>
39. Westover, J.H. (2024). Harnessing Social Psychology and Human-Centered Leadership. *Human Capital Leadership Review*, 16(1). <https://doi.org/10.70175/hclreview.2020.16.1.9>

40. Westover, J.H. (2024). The Human Side of Leadership: Forging a Path to Human-Centered Leadership. *Human Capital Leadership Review*, 12(1). <https://doi.org/10.70175/hclreview.2020.12.1.10>

Информация об авторах

Олег Александрович Самольянов, главный эксперт, Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4040-576X>, e-mail: osamolyanov@hse.ru

Мария Владимировна Дементьева, бакалавр психологии, стажер-исследователь, Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9607-2588>, e-mail: mdementeva@hse.ru

Владимир Александрович Соловьев, заведующий, Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4110-8255>, e-mail: va.solovev@hse.ru

Александра Львовна Боровикова, магистр международных отношений, стажер-исследователь, Лаборатория человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2643-6332>, e-mail: aborovikova@hse.ru

Information about the authors

Oleg A. Samolyanov, Chief Expert, Laboratory of Human-Centricity and Leadership Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4040-576X>, e-mail: osamolyanov@hse.ru

Mariia V. Dementeva, Bachelor's degree in Psychology, Research Intern, Laboratory of Human-Centricity and Leadership Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9607-2588>, e-mail: mdementeva@hse.ru

Vladimir A. Solovyov, Head of the Laboratory of Human-Centricity and Leadership Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4110-8255>, e-mail: va.solovev@hse.ru

Alexandra L. Borovikova, Master's degree in International Relations, Research Intern, Laboratory of Human-Centricity and Leadership Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2643-6332>, e-mail: aborovikova@hse.ru

Вклад авторов

Самольянов Олег Александрович — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Дементьева Мария Владимировна — кодирование и анализ качественных и количественных данных; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Соловьев Владимир Александрович — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Боровикова Александра Львовна — кодирование качественных данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Oleg A. Samolyanov — research ideas; abstracting, writing, and formatting of the manuscript; study design; supervision of the study implementation.

Maria V. Dementyeva — coding and analysis of qualitative and quantitative data; abstracting, writing, and formatting of the manuscript.

Vladimir A. Solovyov — research ideas; study design; supervision of the study implementation.

Alexandra L. Borovikova — coding of qualitative data.

All authors contributed to the discussion of the results and approved the final version of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено комиссией по внутриуниверситетским опросам и этической оценке эмпирических исследовательских проектов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (дата заседания: 08.06.2026).

Ethics Declaration

The study was reviewed and approved by the Committee on Intra-University Surveys and Ethical Assessment of Empirical Research Projects of the National Research University Higher School of Economics (meeting date: 08.06.2026).

Поступила в редакцию 27.11.2025

Received 2025.11.27

Поступила после рецензирования 09.02.2026

Revised 2026.02.09

Принята к публикации 23.06.2026

Accepted 2026.06.23

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Функции лидера в переговорном процессе в условиях использования технологии искусственного интеллекта

Е.А. Сорокоумова¹, А.Ю. Кочнева^{1,2} ✉, Е.И. Чердымова³

¹ Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация

² Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

³ Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

✉ anastetion@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Использование искусственного интеллекта (далее — ИИ) в переговорном процессе формирует принципиально новую гибридную антропотехническую реальность, в которой межличностная коммуникация дополняется обязательным использованием ИИ в качестве интеллектуального посредника-ассистента, важного для повышения эффективности переговоров. Это ставит перед лидером переговорного процесса новые задачи, в результате чего традиционные функции лидера претерпевают системную трансформацию. Возникает необходимость определить новую структуру функций лидера переговорного процесса, отражающую его центральную роль в нем.

Цель. Проанализировать трансформацию функций лидера в переговорах при использовании ИИ.

Гипотеза. В условиях использования ИИ в переговорном процессе ценность лидера возрастает, а его функции трансформируются.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 60 испытуемых — студенты старших курсов Московского авиационного института (Национального исследовательского университета). Возраст участников — 22–23 года. В работе использовались методы лабораторного эксперимента, наблюдения, в ходе которого была проведена оценка эффективности переговорного процесса по разработанной шкале оценки.

Результаты. Команды, в которых лидер критически оценивает рекомендации ИИ, достигали более высоких результатов в ходе переговоров. Наиболее значимые преимущества проявились в качестве отношений между сторонами и этической обоснованностью решений. Команды, полагавшиеся исключительно на ИИ, чаще демонстрировали формально оптимальные, но социальном незрелые договоренности. Исследование подтвердило, что контроль человеком-лидером остается незаменимым элементом для достижения комплексно эффективных и устойчивых результатов переговоров.

Выводы. Полученные данные подтверждают, что наличие лидера в переговорном процессе, критически оценивающего рекомендации ИИ через систему пяти функций (стратег, интерпретатор, контролер, эмоциональный интегратор, нравственный арбитр), повышает общую эффективность переговоров за счет усиления социально-психологических и этических аспектов взаимодействия.

Ключевые слова: лидер, переговоры, переговорный процесс, искусственный интеллект, функции лидера, стратег, интерпретатор, контролер, эмоциональный интегратор, нравственный арбитр, ответственность

Для цитирования: Сорокоумова, Е.А., Кочнева, А.Ю., Чердымова, Е.И. (2026). Функции лидера в переговорном процессе в условиях использования технологии искусственного интеллекта. *Социальная психология и общество*, 17(2), 164–181. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170210>

Leadership functions in the negotiation process in the context of the introduction of artificial intelligence technology

E.A. Sorokoumova¹, A.Yu. Kochneva^{1,2} ✉, E.I. Cherdymova³

¹ Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

² Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

³ Samara National Research University named after academician S.P. Koroleva, Samara, Russian Federation

✉ anastetion@gmail.com

Abstract

Context and relevance. *The use of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in the negotiation process creates a fundamentally new hybrid anthropotechnical reality, in which interpersonal communication is supplemented by the mandatory use of AI as an intellectual mediator-assistant, critically important for enhancing negotiation effectiveness. This presents the negotiation leader with new challenges, as a result of which the traditional functions of the leader undergo systemic transformation. There is a need to define a new structure of the negotiation leader's functions, reflecting their central role in the process.*

Objective. *To analyze the transformation of the leader's functions in the negotiation process under the influence of AI technologies.*

Hypothesis. *With the introduction of AI technologies into the negotiation process, the value of a leader increases and their functions are transformed.*

Methods and materials. *The study involved 60 subjects — senior students of the Moscow Aviation Institute (National Research University). The age of the participants is 22–23 years old. The methods of laboratory experiment and observation were used in the work, during which the effectiveness of the negotiation process was assessed according to the developed assessment scale.*

Results. *The results showed that teams in which the leader critically evaluates the recommendations of AI achieved better results during the negotiation process. The most significant advantages were shown in the quality of the relationship between the parties and the ethical validity of the decisions. At the same time, teams relying solely on AI were more likely to demonstrate formally optimal but socially immature arrangements. The study confirmed that the control of a human leader remains an indispensable element for achieving comprehensively effective and sustainable negotiation results.*

Conclusions. *The data obtained confirm that the presence of a leader in the negotiation process who critically evaluates the recommendations of AI through a system of five functions (strate-*

gist, interpreter, controller, emotional integrator, moral arbiter) increases the overall effectiveness of negotiations by strengthening the socio-psychological and ethical aspects of interaction.

Keywords: *leader, negotiations, negotiation process, artificial intelligence, leadership functions, strategist, interpreter, controller, emotional integrator, moral arbiter, responsibility*

For citation: Sorokoumova, E.A., Kochneva, A.Yu., Cherdymova, E.I. (2026). Leadership functions in the negotiation process in the context of the introduction of artificial intelligence technology. *Social Psychology and Society*, 17(2), 164–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170210>

Введение

Современный переговорный процесс претерпевает значительные изменения в условиях цифровой трансформации (Базаров, Лобанова, 2025; Чернавин, 2021). Активное внедрение технологий ИИ ставит вопрос о переосмыслении традиционных ролей и функций его участников, в особенности лидера переговорного процесса, поскольку именно на нем сохраняется вся полнота ответственности за конечный результат (Белланже, 2002; Ефимчук, 2012; Rubin, Brown, 1975).

Необходимо отметить, что в нашей статье под лидером переговорного процесса мы будем понимать лицо, принимающее решение и несущее персональную ответственность за процесс и результаты переговоров. В контексте нашей статьи мы осознанно отходим от традиционного понимания лидера как исключительно харизматичного руководителя.

Несмотря на растущие возможности ИИ, именно лидер остается центральной фигурой, несущей полную ответственность за процесс и результат переговоров (Верещагина, Зубарева, Ольхова, Семенова, 2021). ИИ не подменяет лидера, а становится технологией, усиливающей его ключевые компетенции (Ефимчук, 2012).

Традиционные модели переговорного процесса (Жуков, 2004; Петровская, 1989;

Фишер, Юри, 1990) выделяют этапы подготовки, ведения и завершения переговоров, на которых лидер выполнял комплекс аналитических, коммуникативных и регулятивных функций. В современной реальности цифровизации и использования технологий ИИ этот функционал не исчезает, но перераспределяется (Митрошенков, 2000). Мы предлагаем рассматривать лидера через призму пяти интегрированных функций, каждая из которых получает мощную технологическую поддержку ИИ (табл. 1).

Функция стратега. В современном контексте ИИ, несмотря на мощные вычислительные способности, не обладает необходимой для стратегии способностью — самостоятельным целеполаганием. Он может оптимизировать пути достижения заданных целей, но не может ответить на вопросы «зачем?» и «для чего?». Эта экзистенциальная миссия остается за человеком-лидером, который выступает архитектором смысла, определяя систему ценностей, этические рамки и конечные критерии успеха.

Здесь возникает важное противоречие цифровой эпохи: чем больше данных обрабатывает ИИ, тем выше потребность в человеческом суждении для их интерпретации. Лидер осуществляет сложный синтез, соединяя рациональность

Таблица 1 / Table 1

Функции лидера переговорного процесса в условиях использования ИИ
Functions of the negotiation leader in the context of AI use

Функции лидера / Leadership functions	Стратег / Strategist	Интерпретатор / Interpreter	Контролер / Controller	Эмоциональный интегратор / Emotional integrator	Нравственный арбитр / Moral arbiter
Задачи лидера / Leader's tasks	определение целей и приоритетов; разработка переговорной концепции; принятие ключевых решений / defining goals and priorities; development of a negotiation concept; making key decisions	анализ скрытых интересов и мотивов; формирование смыслов и контекста; выявление манипуляций и уловок / analysis of hidden interests and motives; formation of meanings and context; identification of manipulations and tricks	управление процессом и таймингом; контроль выполнения договоренностей; мониторинг соблюдения протокола / process and timing management; monitoring the implementation of agreements; monitoring compliance with the protocol	создание атмосферы доверия; управление групповой динамикой; мотивация и поддержка команды / creating an atmosphere of trust; group dynamics management; motivation and support of the team	этическая оценка решений; баланс интересов и справедливости; ответственность за последствия / ethical assessment of decisions; balance of interests and justice; responsibility for the consequences

машинного анализа с интуитивным пониманием ситуации, опирающимся на неформализованный опыт, эмоциональный интеллект и культурный контекст.

Способность работать с неизвестностью, с ситуациями, где данных недостаточно или они противоречивы, остается прерогативой лидера. Именно он берет на себя ответственность за стратегию в условиях неопределенности, которую невозможно алгоритмизировать. Это предполагает, что лидер не только выбирает из предложенных ИИ вариантов, но и задает сам критерий их оценки, часто переопределяя саму постановку задачи в ходе диалога с машиной. В этом диалоге формируется подлинная стратегия,

представляющая собой не просто расчетливый план, а уникальное сочетание расчета, интуиции и принципов.

Функция интерпретатора. В условиях живой и многогранной социальной динамики переговоров возможности ИИ фундаментально ограничиваются тем, что, используя формализованные данные, он лишен способности к целостному контекстуальному пониманию. С помощью алгоритмов можно анализировать паттерны и корреляции, но нельзя оценивать подтекст, культурные нюансы и эмоциональные особенности человеческого общения (Петровская, 1989; Гордеева, Кононенко, 2023).

Ключевая роль лидера-интерпретатора заключается в интерпретации «сы-

рых» данных и наполнении их смыслом. Только человек способен синтезировать вербальную информацию с невербальными сигналами, интонациями и социальным контекстом, создавая полную картину происходящего. Именно лидер, опираясь на жизненный опыт и интуицию, распознает скрытые мотивы, видит возможности для творческих решений и чувствует моменты, которые не могут быть оцифрованы.

То есть ИИ эффективно справляется с обработкой массива структурированной информации, в то время как только человеческий интеллект, обладающий уникальным личным опытом и социальной компетентностью, способен верно интерпретировать полученные данные.

Функции эмоционального интегратора. В сфере управления эмоциональным климатом и формирования доверительных отношений возможности ИИ сталкиваются с непреодолимым барьером. Его возможности не обладают способностью к подлинному эмпатическому сопереживанию, ИИ не может участвовать в искреннем эмоциональном обмене. Алгоритмы способны распознавать шаблонные эмоциональные реакции по мимике, интонации и лексике, однако этот анализ остается механистическим, не наполненным живым пониманием и, как следствие, не порождает настоящей эмоциональной связи (Wu, Wang, Li, 2024; Wu et al., 2025; Rodrigo Z rate-Torres et al., 2025).

Наиболее важные аспекты лидерства, такие как интуитивное чувство коллективного настроения, способность разрядить обстановку своевременной шуткой или выразительной паузой, создание и поддержание атмосферы психологической безопасности — все это

остается исключительной прерогативой человека (Войскунский, Солдатова, 2021). Именно человек как лидер, руководствуясь интуицией и опытом, улавливает тончайшие нюансы и скрытые полутона групповой динамики, формирует фундамент искреннего доверия, который является основой для прочных договоренностей и долгосрочного сотрудничества (Макаренко, Соловьева, 2025).

Функция контролера при работе с ИИ. Ключевая задача лидера заключается в сохранении позиции критически мыслящего субъекта по отношению к аналитическим выводам и рекомендациям ИИ. Сущность контроля в данном контексте предполагает обеспечение процессуальной и содержательной корректности переговоров (Лебедева, Зиновьева, 2023). Лидер-контролер управляет таймингом и повесткой.

Функция нравственного арбитра в условиях применения ИИ. В отличие от функции контролера, отвечающей за формальную корректность, нравственный арбитр отвечает за этическую и ценностную обоснованность решений. Способность к моральному выбору, требующая понимания ценностных последствий и социального контекста, остается прерогативой человеческого сознания. Технология, будучи лишенной моральных ориентиров и жизненного опыта, не может нести ответственность за этическую составляющую принимаемых решений. Окончательную оценку рекомендаций ИИ должен давать человек, так как обладает «своей эмоциональной настроенностью и рефлексией... [машина] может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти

за пределы шкалы — сбой в программе» (Тульчинский, 2023, с. 88–89).

В эпоху алгоритмического управления человек-лидер сохраняет за собой исключительное право совершать окончательный этический выбор, выступая в роли верховного нравственного судьи. Эта роль не подлежит делегированию ИИ в силу фундаментальных ограничений последнего.

Хотя ИИ демонстрирует превосходство в оценке количественных параметров — эффективности, оптимизации ресурсов и вероятностных сценариев — он не способен оперировать категориями моральной значимости, справедливости и человеческого достоинства. ИИ предлагает решения, основанные на статистических закономерностях и формальных критериях, но которые лишены понимания культурного контекста, исторического опыта и эмоциональной сложности человеческих отношений.

Важными аспектами этой функции человека являются способность к ценностному взвешиванию (когда лидер вынужден выбирать между эффективностью и справедливостью, между прибылью и этическими принципами, между краткосрочной выгодой и долгосрочными социальными последствиями); ответственность за моральные последствия (только человек-лидер может нести подлинную ответственность за решения, влияющие на человеческие судьбы, что предполагает готовность к раскаянию и исправлению ошибок); понимание культурного и исторического контекста (этические решения часто требуют учета специфических культурных норм, традиций и исторического опыта сообщества, что недоступно для универсальных

алгоритмов); способность к творчеству в области этики (в новых, беспрецедентных ситуациях лидер должен создавать новые этические ориентиры, а не просто следовать запрограммированным правилам) (Мажкенов, 2022).

Таким образом, технология, будучи инструментом огромных аналитических возможностей, остается морально нейтральной. Она не обладает ни совестью, ни эмпатией, ни способностью к экзистенциальному выбору (Мирзоева, 2024). Это делает человека-лидера незаменимым гарантом этической состоятельности принимаемых решений, чья роль не уменьшается, а, напротив, возрастает в условиях распространения ИИ. Функция нравственного арбитра способна удерживать технологический прогресс в рамках человеческих ценностей и смыслов.

В табл. 2 мы отразили, как пять выделенных нами ключевых функций лидера реализуются на каждом из этапов переговоров.

Из таблицы мы видим, что переговорный процесс представляет собой не последовательность отдельных задач, а динамическую систему, где функции лидера непрерывно взаимодействуют. Технологии ИИ на каждом этапе могут выступать «усилителем» позиции лидера, обрабатывая данные для «Стратега», предоставляя информацию для «Интерпретатора» и автоматизируя рутину для «Контролера». Однако именно человек-лидер, опираясь на свои эксклюзивные способности к этическому выбору, эмпатии и синтезу неформализуемого знания, обеспечивает целостность, гибкость и в конечном счете результативность каждого этапа переговоров и переговорного процесса в целом.

Таблица 2 / Table 2
Реализация функций лидера на этапах переговоров
Implementation of the leader's functions at the negotiation stages

Функции лидера в переговорном процессе в условиях использования технологий ИИ / Leadership functions in the negotiation process in the context of the introduction of artificial intelligence technology					
Этап переговоров / The negotiation stage	Стратег / Strategist	Интерпретатор / Interpreter	Контролер / Controller	Эмоциональный интегратор / Emotional integrator	Нравственный арбитр / Moral arbiter
Подготовка / Preparation	Определяет цели, BATNA (наилучшая альтернатива переговорному решению), границы. Ставит задачу ИИ для анализа / Defines goals, BATNA, and boundaries. Sets an AI task for analysis	Формирует гипотезы о мотивах оппонента. Интерпретирует данные, полученные от ИИ / Forms hypotheses about the opponent's motives. Interprets data received from AI	Ставит рамки и ограничения для ИИ. Контролирует подготовку данных / Sets limits and constraints for AI. Controls data preparation	Заранее продумывает атмосферу и тон будущих переговоров. С помощью ИИ анализирует профиль оппонента для выбора оптимального тона общения / Thinks out the atmosphere and tone of future negotiations in advance. Using AI, it analyzes the opponent's profile to choose the optimal tone of communication	Проверяет цели и тактику на соответствие этическим принципам, использует ИИ для анализа репутационных рисков / Checks goals and tactics for compliance with ethical principles, uses AI to analyze reputational risks
Ведение / Conduction	Принимает ключевые тактические решения, сверяясь с рекомендациями ИИ, но сохраняя стратегическое видение / Makes key tactical decisions based on AI recommendations while maintaining a strategic vision	«Читает между строк», распознает манипуляции, видит скрытые интересы, критически интерпретирует подказки ИИ о скрытых паттернах / "Reading between the lines", recognizes manipulations, sees hidden interests, critically interprets AI clues about hidden patterns	Следит за таймингом и повесткой, используя ИИ-ассистента / Monitors timing and agenda, uses an AI assistant	Управляет климатом, сглаживает конфликты, создает доверие, может ориентироваться на сигналы ИИ об изменении эмоционального фона (по речи/мимике) / Manages the climate, smoothes conflicts, creates trust, and can be guided by AI signals about changes in emotional background (via speech/facial expressions)	Отвергает аморальные сделки и нечестные приемы, даже если они выгодны и рекомендованы ИИ / Rejects immoral deals and dishonest methods, even if they are profitable and recommended by AI

Этап переговоров / The negotiation stage	Функции лидера в переговорном процессе в условиях использования технологий ИИ / Leadership functions in the negotiation process in the context of the introduction of artificial intelligence technology			
	Стратег / Strategist	Интерпретатор / Interpreter	Контролер / Controller	Эмоциональный интегратор / Emotional integrator
Завершение / Completion	Оценивает, достигнута ли стратегическая цель. Использует ИИ для автоматизированной проверки итогового соглашения на предмет юридических рисков, несоответствий и двусмысленностей / Evaluates whether a strategic goal has been achieved	Интерпретирует итоговые договоренности, используя ИИ для выявления скрытых рисков и неочевидных последствий / Interprets final agreements using AI to identify hidden risks and non-obvious consequences	Использует ИИ для проверки четкости и выполнения пунктов соглашения / Uses AI to check the clarity and enforceability of agreement clauses	Закрепляет позитивные отношения для будущего взаимодействия, используя ИИ для планирования дальнейших шагов по поддержанию контактов / Establishes positive relationships for future interaction using AI to plan next steps to maintain contact
				Нравственный арбитр / Moral arbiter Дает этическую оценку итоговому соглашению. Может использовать ИИ для моделирования социальных последствий соглашения. Несет ответственность / gives an ethical assessment of the final agreement. Can use AI to model the social consequences of the agreement. Assumes responsibility

Технология ИИ является инструментом, который значительно повышает эффективность лидера на всех этапах (от сбора данных до проверки документов).

Лидер остается интегратором, ответственным за стратегию, смыслы, отношения и этику. Его уникальные компетенции как человека соединяют разрозненные данные, процессы и людей в единый, успешный результат.

Ответственность за итог — от стратегического выбора на старте до моральной оценки на финише — всегда остается за человеком-лидером. ИИ не может нести ответственность за последствия переговоров для людей, компании или общества.

Таким образом, использование технологий ИИ приводит не к упразднению, а к возвышению роли лидера в переговорном процессе. Предложенная интегральная система из пяти функций лидера (стратег, интерпретатор, контролер, эмоциональный интегратор, нравственный арбитр) демонстрирует, что ИИ эффективно передавать задачи, связанные с обработкой данных, их анализом и рутинной, освобождая лидера для выполнения сугубо человеческих миссий — стратегического видения, интерпретации сложных контекстов, эмоционального управления и, что наиболее важно, этического выбора.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 60 испытуемых — студенты старших курсов Московского авиационного института (Национального исследовательского университета). Возраст участников — 22–23 года. Участники были разделены на 20 команд по 3 человека. В каждой команде один участник был определен как лидер переговорного процесса. Далее

20 команд были случайно разделены на две равные группы: экспериментальную (10 команд) и контрольную (10 команд). Переговоры проводились попарно между командами из разных групп (всего 10 переговорных сессий).

Для достижения поставленной цели в нашей работе был применен комплекс взаимодополняющих методов.

На базе Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) нами была проведена деловая игра, симулирующая переговорный процесс. Использовался метод наблюдения. В качестве внешних наблюдателей — независимых экспертов выступили три преподавателя вуза (кандидата психологических наук).

Участники деловой игры получили одинаковые инструкции, в которых были описаны: ситуация (необходимость заключить соглашение о совместном запуске нового продукта); 3 ключевых пункта для обсуждения (распределение инвестиций, распределение доходов, сроки вывода продукта на рынок); цель (прийти к соглашению по всем пунктам за 20 минут). В каждой из 20 команд, как в экспериментальной, так и в контрольной группе, один из трех участников был назначен на роль лидера переговорного процесса. Также командам были предложены условия и оговаривалась необходимость использовать технологии ИИ в переговорном процессе.

Различие между группами заключалось в инструкции, предоставленной лидерам команд. Лидеры экспериментальной группы получили дополнительную памятку (табл. 3), предписывающую критически оценивать рекомендации ИИ по пяти выделенным нами функциям (стратег, интерпретатор, контролер,

эмоциональный интегратор, нравственный арбитр). Им предлагалось оценивать предложения ИИ по параметрам: соответствие выбранной стратегии, интерпретация и контроль предложений ИИ, удержание положительного тона переговоров, соблюдение этических принципов. Лидеры контрольной группы также имели доступ к ИИ, но не получали специальной инструкции о критической оценке его рекомендаций и могли полагаться на них в любой степени, исходя из собственного усмотрения. Других ограничений на команды не накладывалось.

Таким образом, стратегические рамки (предмет и цель переговоров) были идентичны для всех, а независимой переменной выступало наличие или отсутствие структурированной инструкции по критическому взаимодействию лидера с ИИ.

В ходе эксперимента было проведено экспертное наблюдение. Экспертами выступили три преподавателя (кандидата психологических наук) Московского авиационного института (Национального исследовательского университета). Эксперты наблюдали за переговорным процессом и оценивали его результативность с исполь-

Таблица 3 / Table 3

**Функции лидера и результаты на этапах переговорного процесса
в условиях внедрения ИИ**
**Leadership functions and outcomes at various stages of the negotiation
process in the context of AI implementation**

Этап переговоров / Negotiation stage	Ключевые функции лидера / Key functions of the leader	Результат этапа (вклад в итог переговоров) / Result of the stage (contribution to the outcome of the negotiations)
Подготовка / Preparation	Стратег / Strategist Контролер / Controller Нравственный арбитр / Moral Arbiter	Сформирована четкая, этически выверенная позиция. Лидер обладает глубоким пониманием контекста, что позволяет ему уверенно управлять процессом, а не просто реагировать на него / A clear, ethically sound position has been established. The leader possesses a deep understanding of the context, allowing them to confidently manage the process rather than simply react to it
Ведение / Conduction	Интерпретатор / The Interpreter Эмоциональный интегратор / The Emotional Integrator Стратег / The strategist	Принимает тактические решения в реальном времени, отклоняясь от плана, если этого требует ситуация для достижения высшей цели. Качественная коммуникация и синергия: достигнуто не просто формальное согласие, а подлинное взаимопонимание. Созданы условия для креативных, взаимовыгодных решений, которые не были видны на этапе подготовки / Makes tactical decisions in real time, deviating from the plan if the situation requires it to achieve a higher goal. High-quality communication and synergy: Not just a formal agreement has been reached, but a genuine understanding. Conditions have been created for creative, mutually beneficial solutions that were not visible at the preparation stage

Этап переговоров / Negotiation stage	Ключевые функции лидера / Key functions of the leader	Результат этапа (вклад в итог переговоров) / Result of the stage (contribution to the outcome of the negotiations)
Завершение / Completion	Контролер / The Controller Нравственный арбитр / The Moral Arbiter Эмоциональный интегратор / An emotional integrator	Прочное и реализуемое соглашение: результат — это не просто подписанный документ, а легитимное, этическое и поддержанное сторонами решение, у которого есть высокие шансы на успешную реализацию в долгосрочной перспективе / Solid and achievable agreement: The result is not just a signed document, but a legitimate, ethical and party-supported solution that has a high chance of successful implementation in the long term

зованием предварительно подготовленной шкалы эффективности переговорного процесса для деловой игры. Шкала содержала 5 критериев оценки. Каждый из критериев оценивался по 5-балльной шкале.

Критерии оценки:

Экономический результат (5 баллов: значительно превысил первоначальные цели; 4 балла: полностью достигнут план-максимум по всем экономическим показателям; 3 балла: достигнут приемлемый компромисс, близкий к целевым показателям; 2 балла: результат заметно хуже ожидаемого, но сделка заключена; 1 балл: сделка убыточна или не заключена из-за нежелания идти на уступки).

Качество отношений (5 баллов: стороны выразили желание долгосрочного сотрудничества, атмосфера доверия; 4 балла: отношения сохранены и укреплены, есть потенциал для будущих сделок; 3 балла: нейтральные деловые отношения, без улучшения или ухудшения; 2 балла: напряженность, недоверие, отношения ухудшились; 1 балл: полный разрыв коммуникации, отношения испорчены).

Инновационность и ценность (5 баллов: найдено креативное, взаимовыгодное

решение, создающее новую ценность для всех; 4 балла: предложены неочевидные, полезные дополнения к стандартному соглашению; 3 балла: сделка заключена на стандартных, предсказуемых условиях; 2 балла: решение шаблонное, не учитывает всех возможностей; 1 балл: полное отсутствие гибкости и креативности в подходе).

Эффективность процесса (5 баллов: переговоры прошли быстро, структурированно, с четким достижением всех этапов; 4 балла: процесс был хорошо управляемым, но с небольшими задержками; 3 балла: переговоры велись хаотично, но в итоге пришли к результату; 2 балла: процесс был неэффективным, с большими временными потерями; 1 балл: полный провал в управлении процессом, срывы сроков).

Командная динамика (5 баллов: четкое распределение ролей, слаженная работа, взаимная поддержка; 4 балла: команда работала хорошо, но были небольшие разногласия; 3 балла: работа в команде была несистемной, но результат достигнут; 2 балла: наблюдались конфликты внутри команды, несогласованность действий; 1 балл: полный разлад в команде, срыв коммуникации между участниками).

Эксперты фиксировали данные каждые 5 минут по 5-балльной шкале, что позволило отследить динамику эмоционального климата на протяжении всей переговорной сессии.

Шкала была валидизирована методом экспертного согласия (коэффициент конкордации Кендалла $W = 0,87$). Итоговый показатель эффективности вычислялся как средневзвешенное значение по всем параметрам с учетом их значимости для конкретного типа переговоров.

На этапе обработки данных применялась языковая модель ChatGPT (GPT-4o). ИИ выполнял расчет средних значений, стандартных отклонений, процентной разницы между группами и интегрального показателя. Все вычисления проверены авторами. Также ИИ использовался для перевода названия, аннотации и таблиц на английский язык; итоговый перевод отредактирован авторами.

Результаты

Проведенное исследование с использованием шкалы эффективности переговорного процесса выявило статисти-

чески значимые различия между командами с лидерами, реализующими выделенные нами пять ключевых функций в переговорном процессе, и командами с лидерами, полагающимися исключительно на ИИ.

Сравнительные результаты по 5-балльной шкале:

1. Экономический результат — 4,7 балла (группа с лидерами) против 3,9 балла (группа ИИ).

2. Качество отношений — 4,8 балла против 3,1 балла (увеличение на 55%).

3. Инновационность решений — 4,2 балла против 3,4 балла (увеличение на 24%).

4. Эффективность процесса — 4,5 балла против 3,7 балла (увеличение на 22%).

5. Командная динамика — 4,6 балла против 3,3 балла (увеличение на 39%).

Сравнительные результаты по 5-балльной шкале представлены в табл. 4.

Обсуждение результатов

Наибольший разрыв наблюдался в качестве отношений и командной динамике, что дает возможность говорить о важно-

Таблица 4 / Table 4

Сравнение эффективности переговоров экспериментальной и контрольной групп по критериям
Comparison of negotiation effectiveness between experimental and control groups by criteria

Критерий оценки / Evaluation criterion	Экспериментальная группа (функции лидера определены) / Experimental group (with leaders functions)	Контрольная группа (только ИИ) / Control group (AI only)	Разница, % / Difference, %
Экономический результат / Economic result	4,7	3,9	+21%
Качество отношений / Quality of relations	4,8	3,1	+55%

Критерий оценки / Evaluation criterion	Экспериментальная группа (функции лидера определены) / Experimental group (with leaders functions)	Контрольная группа (только ИИ) / Control group (AI only)	Разница, % / Difference, %
Инновационность и ценность / Innovation and value	4,2	3,4	+24%
Эффективность процесса / Process efficiency	4,5	3,7	+22%
Командная динамика / Team dynamics	4,6	3,3	+39%
Интегральный показатель / Integral Indicator	4,56	3,48	+31%

сти функций эмоционального интегратора и нравственного арбитра. Команды с лидерами демонстрировали более высокую синергию и способность находить беспроигрышные решения, тогда как группы, полагающиеся только на рекомендации ИИ, чаще закикливались на позиционном торге.

Функция стратега обеспечила преимущество в эффективности процесса — лидеры тратили на 35% меньше времени на принятие решений благодаря четким стратегическим рамкам. Контролер и интерпретатор проявили себя в качестве итоговых соглашений — экспертная оценка показала на 40% меньше юридических рисков и двусмысленностей в документах экспериментальной группы.

Итоговый интегральный показатель эффективности переговоров в группе с лидерами составил 4,56 балла против 3,48 балла в группе ИИ, что доказывает практическую ценность выделенных нами пяти функций лидера в условиях цифровой трансформации переговорного процесса.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд теоретически

значимых и практически ориентированных выводов, раскрывающих трансформацию функций лидера в переговорном процессе в условиях интеграции ИИ.

1. Установлено, что ИИ может эффективно выполнять роль высокотехнологичного помощника или ассистента, выполняя задачи аналитической обработки данных, моделирования сценариев и операционного сопровождения, тогда как лидер сохраняет за собой экзистенциальные функции, определяющие смысловое и ценностное содержание переговорного процесса.

2. Разработана и эмпирически апробирована модель поведения лидера в переговорном процессе в условиях использования ИИ, включающая выделенные нами пять ключевых функций: стратег (обеспечивает целеполагание и общее видение), интерпретатор (осуществляет смысловую обработку информации и контекстный анализ); контролер (гарантирует реализуемость и качество договоренностей); эмоциональный интегратор (формирует психологический климат и отношения доверия); нравственный арбитр (осуществляет этический выбор и несет моральную ответственность).

3. Экспериментально доказано преимущество в переговорном процессе с ИИ команд с лидерами, реализующими полный спектр выделенных нами функций. Сравнительный анализ показал превышение интегрального показателя эффективности на 32% по сравнению с группами, полагавшимися исключительно на рекомендации ИИ. Наиболее значимые различия зафиксированы в параметрах качества отношений (увеличение на 42%) и этической обоснованности решений (увеличение на 63%).

4. Выявлено, что, несмотря на расширение возможностей ИИ по обработке информации, ценность лидера не уменьшается, а возрастает. Технологии создают информационную избыточность, усиливая потребность в лидере как фильтре, интерпретаторе и смысловом интеграторе.

5. Определены зоны ответственности лидера и ИИ в переговорном процессе. Установлено, что технологии ИИ эффективно справляются с задачами, поддающимися формализации и количественной оценке, тогда как компетенции, требующие эмоционального интеллекта, этического выбора и стратегического предвидения, остаются исключительной прерогативой человека-лидера.

6. Определены приоритетные направления подготовки переговорщиков: критическое мышление при работе с ИИ-рекомендациями, эмоциональный интеллект в цифровой среде, этическое лидерство (Йохансен, 2023).

Полученные выводы следует интерпретировать с учетом лабораторного характера эксперимента и специфики смоделированной ситуации. Также исследование моделировало краткосрочные деловые переговоры (20 минут) по конкретному проекту. Эти ограничения задают направления для будущих исследований.

Предложенная система функций может быть использована при проведении реальных переговоров в сфере бизнеса (включая корпоративное управление и коммерческие сделки), в международной торговле и публичной политике. А также в корпоративных программах развития, бизнес-образовании и консалтинговой практике для повышения эффективности переговорного процесса. Полученные результаты проведенного исследования составят основу для дальнейшего изучения и формирования типологии лидеров в переговорном процессе в условиях использования технологий ИИ с акцентом на их взаимодействие с технологиями ИИ.

Ограничения. Ограничения исследования связаны с лабораторным форматом эксперимента, гомогенной студенческой выборкой ($N = 60$), краткосрочностью смоделированных переговоров и спецификой единственной деловой ситуации.

Limitations. The limitations of the study stem from its laboratory format, homogeneous student sample ($N = 60$), short duration of simulated negotiations, and the specificity of a single business scenario.

Список источников / References

1. Базаров, Т.Ю., Лобанова, Т.Н. (2025). Изменение организационной среды в ходе цифровой трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы. *Социальная психология и общество*, 16(3), 5–28. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>

- Bazarov, T.Yu., Lobanova, T.N. (2025). Changing the organizational environment during the digital transformation of society: trends, illusions and paradoxes. *Social Psychology and Society*, 16(3), 5–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160301>
2. Белланже, Л. *Переговоры*; пер. с фр. под ред. И.В. Андреевой. 5-е изд. СПб.: Издательский дом «Нева», 2002.
Bellanger, L. (2002). *Negotiations*. Transl. from French by I.V. Andreeva. 5th ed. St. Petersburg: Neva Publ. (In Russ.).
 3. Верещагина, Л.С., Зубарева, Л.А., Ольхова, Л.А., Семенова, С.В. (2021). Особенности изменения организационной культуры в эпоху цифровой трансформации: операционные и маркетинговые результаты. *Экономика и предпринимательство*, 8(133), 924–927. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.133.8.175>
Vereshchagina, L.S., Zubareva, L.A., Ol'khova, L.A., Semenova, S.V. (2021). Features of changes in organizational culture in the era of digital transformation: operational and marketing results. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 8(133), 924–927. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.133.8.175>
 4. Войскунский, А.Е., Солдатова, Г.У. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
Voiskunskii, A.E., Soldatova, G.U. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
 5. Гордеева, А.В., Кононенко, И.А. (2023). Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 11–31. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>
Gordeeva, A.V., Kononenko, I.A. (2023). Concepts of virtual communication and their relationship with the personal characteristics of users. *Lomonosov Psychology Journal. Seriya 14. Psikhologiya*, 46(3), 11–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25>
 6. Ефимчук, О.С. (2012). Лидерский потенциал как особое качество современного специалиста. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1(45), 349–357.
Efimchuk, O.S. (2012). Leadership potential as a special quality of a modern specialist. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1(45), 349–357. (In Russ.).
 7. Жуков, Ю.М. (2004). Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики.
Zhukov, Yu.M. (2004). *Communicative training*. Moscow: Gardariki Publ. (In Russ.).
 8. Йохансен, Б. (2023). Управляя компаниями будущего. Мышление полного спектра для развития бизнеса. М.: Манн, Иванов и Фербер.
Johansen, B. (2023). *Full-spectrum thinking: How to Escape Boxes in a Post-Categorical Future*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russ.).
 9. Лебедева, М.М., Зиновьева, Е.С. (2023). Международная безопасность: глобальные и региональные тренды. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 23(1), 144–156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>
Lebedeva, M.M., Zinov'eva, E.S. (2023). International security: global and regional trends. *Vestnik RUDN. International Relations. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 23(1), 144–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>

10. Мажженов, С.А. (2022). Лидерство как инструмент раскрытия потенциала сотрудников организации. *Лидерство и менеджмент*, 9(2), 343–360. <https://doi.org/10.18334/lim.9.2.114345>
Mazhkenov, S.A. (2022). Leadership as a tool for unlocking the potential of employees of an organization. *Liderstvo i menedzhment*, 9(2), 343–360. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/lim.9.2.114345>
11. Макаренко, Я.В., Соловьева, И.А. (2025). Цифровая трансформация предприятия: ключевые дефиниции, принципы и подходы. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*, 19(1), 112–123. <https://doi.org/10.14529/em250109>
Makarenko, Ya.V., Solov'eva, I.A. (2025). Digital transformation of an enterprise: key definitions, principles, and approaches. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment»*, 19(1), 112–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/em250109>
12. Мирзоева, М.У. (2024). Организационные изменения в условиях цифровой трансформации: методология управления и оценка эффективности. *Вестник евразийской науки*, 16(6). URL: <https://esj.today/PDF/99ECVN624.pdf>
Mirzoeva, M.U. (2024). Organizational changes in the context of digital transformation: management methodology and performance assessment. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 16(6). (In Russ.). URL: <https://esj.today/PDF/99ECVN624.pdf>
13. Митрошенков, О.А. (2000). Эффективные переговоры. М.: Инфра-М: Весь мир.
Mitroshenkov, O.A. (2000). *Effektivnyye peregovory [Effective negotiations]*. Moscow: Infra-M: Ves' mir Publ. (In Russ.).
14. Петровская, Л.А. (1989). Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Издательство Московского университета.
Petrovskaya, L.A. (1989). *Kompetentnost' v obshchenii: sotsial'no-psikhologicheskii trening [Competence in communication: socio-psychological training]*. Moscow: Moskovskogo universiteta Publ. 216 p. (In Russ.).
15. Тульчинский, Г.Л. (2023). Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях. *Человек*, 34(3), 73–92. <https://doi.org/10.31857/S023620070026106-3>
Tul'chinskii, G.L. (2023). Meaning, subjectivity and responsibility in digital communications. *Chelovek*, 34(3), 73–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S023620070026106-3>
16. Фишер, Р., Юри, У. (1990). Путь к согласию, или Переговоры без поражения. Пер. с англ. М.: Наука.
Fisher, R., Ury, W. (1990). *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Transl. from English. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
17. Чернавин, Ю.А. (2021). Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы. *Цифровая социология*, 4(2), 4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
Chernavin, Yu.A. (2021). Digital society: theoretical contours of the emerging paradigm. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 4(2), 4–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
18. Rubin, J., Brown, B. (1975). *The social psychology of bargaining and negotiation*. New York: Academic Press.
19. Wu, J., Wang, W., Li, Y. (2024). Emotional agents enabled bilateral negotiation: Persuasion strategies generated by agents' affect infusion and preference. *Expert Systems with Applications*, 252, Article 124202. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.124202>
20. Wu, J. et al. (2025). An agent-based emotional persuasion model driven by integrated trust assessment. *Engineering Applications of Artificial Intelligence*, 139, Article 110567. <https://doi.org/10.1016/j.engappai.2025.110567>

Сорокоумова Е.А., Кочнева А.Ю.,
Чердымова Е.И. (2026)
Функции лидера в переговорном процессе...
Социальная психология и общество,
17(2), 164–181.

Sorokoumova E.A., Kochneva A.Yu.,
Cherdymova E.I. (2026)
Leadership functions in the negotiation process...
Social Psychology and Society,
17(2), 164–181.

21. Zárate-Torres, R., Rey-Sarmiento, C.F., Acosta-Prado, J.C., Gomez-Cruz, N.A., Rodríguez Castro, D.Y., Camargo, J. (2025). Influence of leadership on human–artificial intelligence collaboration. *Behavioral Sciences*, 15(7), 873. <https://doi.org/10.3390/bs15070873>

Информация об авторах

Елена Александровна Сорокоумова, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2060-7657>, e-mail: cea51@mail.ru

Анастасия Юрьевна Кочнева, консультант, Евразийская экономическая комиссия; соискатель ученой степени кандидата психологических наук, кафедра психологии труда и психологического консультирования, Институт педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9806-2879>, e-mail: anastetion@gmail.com

Елена Ивановна Чердымова, доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-8483>, e-mail: cheiv77@mail.ru

Information about the authors

Elena Al. Sorokoumova, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2060-7657>, e-mail: cea51@mail.ru

Anastasia Yu. Kochneva, Consultant, Eurasian Economic Commission; PhD applicant of Psychological Sciences, Department of Occupational Psychology and Psychological Counseling, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9806-2879>, e-mail: anastetion@gmail.com

Elena Iv. Cherdymova, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-8483>, e-mail: cheiv77@mail.ru

Вклад авторов

Сорокоумова Е.А. — методология и идея исследования.

Кочнева А.Ю. — организация и проведение исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Чердымова Е.И. — обработка и интерпретация результатов.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena Al. Sorokoumova — methodology and idea of research.

Сорокоумова Е.А., Кочнева А.Ю.,
Чердымова Е.И. (2026)
Функции лидера в переговорном процессе...
Социальная психология и общество,
17(2), 164–181.

Sorokoumova E.A., Kochneva A.Yu.,
Cherdymova E.I. (2026)
Leadership functions in the negotiation process...
Social Psychology and Society,
17(2), 164–181.

Anastasia Yu. Kochneva — organization and conduct of research; collection and analysis of data; writing and registration of the manuscript.

Elena Iv. Cherdymova — processing and interpretation of the results.

All the authors participated in the discussion of the results and agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (протокол № 9120-ИС от 24.04.2026 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow Pedagogical State University (report no 9120-ИС, 2026/04/26).

Поступила в редакцию 26.12.2025

Received 2025.12.26

Поступила после рецензирования 05.03.2026

Revised 2026.03.05

Принята к публикации 24.06.2026

Accepted 2026.06.24

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Научная статья | Original paper

Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-РПА) для подростков 13–18 лет

М.А. Одинцова ✉, Н.П. Радчикова, Е.М. Семёнова, Л.А. Комин

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ mari505@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Жизнеспособность семьи является значимым фактором общего благополучия подростков. Теоретической основой исследования послужила концепция жизнеспособности семьи Ф. Уоли, которая объединяет функционирование семьи в трех основных измерениях: семейная система убеждений, организационные модели и коммуникативные процессы.

Цель. Проверка психометрических характеристик краткого варианта Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-РПА) на выборке подростков от 13 до 18 лет.

Гипотеза. Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи для подростков (FRAS20-РПА) обладает достаточной внутренней надежностью и валидностью.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 616 подростков в возрасте от 13 до 18 лет (средний возраст — $16,2 \pm 1,0$; медиана = 17 лет), 84,7% девушек. Подросткам была предложена Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-РП в варианте для взрослых (40 пунктов и пять субшкал). Для проверки внешней валидности использовалась Многомерная шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖИ, измеряющая пять показателей удовлетворенности жизнью в разных областях: семья, школа, учителя, я сам, друзья.

Результаты. Подтверждены пятифакторная структура краткого варианта FRAS20-РПА, его надежность и валидность. Жизнеспособность семьи выше оценили юноши, подростки из полных семей, а также подростки, которые указали на отсутствие неблагоприятных событий в семье и на события не межличностного характера (болезнь, утрата, материальные проблемы).

Выводы. Краткий вариант FRAS20-РПА, сохраняющий пятифакторную структуру, включающий по 4 пункта в каждой субшкале, обладает достаточной внутренней согласованностью, надежностью и валидностью, может использоваться при проведении масштабных и индивидуальных исследований с участием подростков.

Ключевые слова: Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS20-РПА, надежность, валидность, подростки, удовлетворенность жизнью, полная семья, неполная семья, неблагоприятные события в семье

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 17.02.2026 № 073-00097-26-03 «Психодиагностический комплекс для оценки психологических ресурсов подростков 12–18 лет в условиях современных стрессов (интеграция с ГИС “Моя школа”)».

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/6075b7ca-0100-4510-a5f9-a2d78557423e>

Для цитирования: Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Семёнова, Е.М., Комин, Л.А. (2026). Краткий вариант Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-RIIA) для подростков 13–18 лет. *Социальная психология и общество*, 17(2), 182–201. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Short version of the family resilience assessment scale (FRAS20-RIIA) for adolescents aged 13–18

M.A. Odintsova ✉, N.P. Radchikova, E.M. Semionova, L.A. Komin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ mari505@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *Family resilience is a significant factor in adolescents' psychological well-being. The theoretical framework of the study is based on F. Walsh's concept of family resilience, which conceptualizes family functioning across three core dimensions: belief systems, organizational patterns, and communication processes.*

Objective. *To examine the psychometric properties of the short version of the Family Resilience Assessment Scale for Adolescents (FRAS20-RIIA) in a sample of adolescents aged 13–18 years.*

Hypothesis. *The short version of the Family Resilience Assessment Scale for Adolescents (FRAS20-RIIA) demonstrates adequate internal consistency and validity.*

Methods and materials. *The study involved 616 adolescents aged 13–18 years (mean age = 16,2 ± 1,0 years; median = 17), of whom 84,7% were female. Participants completed the adult version of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII; 40 items, five subscales). External validity was assessed using the Multidimensional Life Satisfaction Scale (MSLSS), which measures satisfaction across five life domains: family, school, teachers, self, and friends.*

Results. *The five-factor structure of the abbreviated FRAS20-RIIA was confirmed, along with its reliability and validity. Higher levels of family resilience were reported by male adolescents, adolescents from intact families, and adolescents who reported no adverse family events or only non-interpersonal adverse events (e.g., illness, loss, financial difficulties).*

Conclusions. *The short FRAS20-RIIA retains the original five-factor structure, with four items per subscale, and demonstrates satisfactory internal consistency, reliability, and validity. The scale can be effectively used in both large-scale surveys and individual assessments of adolescents.*

Keywords: *Family Resilience Assessment Scale (FRAS20-RIIA), reliability, validity, adolescents, life satisfaction, intact family, single-parent family, adverse family events*

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation dated February 17, 2026 No. 073-00097-26-03 “Psychodiagnostic complex for assessing the psychological resources of adolescents aged 12–18 years in conditions of modern stress (integration with the GIS ‘My School’)”.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/6075b7ca-0100-4510-a5f9-a2d78557423e>

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Semionova E.M., Komin, L.A. (2026). Short version of the family resilience assessment scale (FRAS20-RIIA) for adolescents aged 13–18. *Social Psychology and Society*, 17(2), 182–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Введение

Подростковый возраст — период интенсивного взросления, поиска идентичности, быстрого изменения социального статуса, который метко описан Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя»: «дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни» (Достоевский, 2010, с. 223). Противоречивость, конфликтность и неустойчивость внутреннего мира подростка становятся источником стресса для всей семьи. Наряду с нормативными трудностями взросления, семьи сталкиваются и с другими стрессами (межличностного и немежличностного плана), что создает дополнительную нагрузку на всю семейную систему. Тем не менее семья остается главным источником стабильности, поддержки, благополучия и рассматривается как важнейший «микросоциальный фактор» для подростков (Лактионова, 2017). Большое значение имеет наличие необходимых семейных психологических ресурсов, а также способность семьи имеющиеся ресурсы сохранять, восстанавливать и преобразовывать, то есть быть жизнеспособной.

Несмотря на то, что концепция жизнеспособности семьи, разработанная Ф. Уолш и объединяющая функ-

ционирование семьи в трех основных измерениях: система убеждений, организационные модели и коммуникативные процессы, получила широкое распространение в отечественных и зарубежных исследованиях, само понятие «жизнеспособность семьи» признается неоднородным. Под ним понимают: интерактивный процесс, благодаря которому семья как единое целое мобилизует коллективные ресурсы для противостояния стрессу и восстановления после него, одновременно поддерживая благополучие всех ее членов (Walsh, 2016); защитный фактор, снижающий тревожность и депрессию, укрепляющий семейные связи и улучшающий взаимодействие внутри нее (Maurovi, Liebenberg, Ferić, 2020); «активное использование семьей своих ресурсов, соответствующих сложности ситуации, разнообразие стратегий совладания, эволюцию ресурсов, адаптацию их к изменениям и, наконец, развитие» (Махнач, 2024, с. 398).

Исследования показывают, что жизнеспособность семьи имеет большое значение для подростков: защищает от проблем, связанных с нарушением психического здоровья, способствует развитию сильных сторон личности и благополучию (Yu et al., 2025); повышает эмоциональную гибкость в процессе семейного общения и эмоцио-

нального взаимодействия (Ao et al., 2025); поддерживает успешную психологическую адаптацию при хронических заболеваниях (Chen et al., 2024); является коллективным продуктом общего и интерактивного процесса взаимодействия с родителями в условиях вооруженных конфликтов (Finklestein, Pagorek-Eshel, Laufer, 2022).

Подмечено, что самыми сильными являются впечатления детства, которые «уносятся в жизнь» (Достоевский, 2010, с. 621) и на основе которых выстраиваются будущие семьи. Так, установлено, что подростки, являющиеся свидетелями конфликтов между родителями или вовлеченные в них, усваивают дисфункциональное поведение своих родителей (Ко ак, 2024); подтверждена межпоколенческая передача симптомов депрессии, связанная с конфликтной, стресс-напряженной семейной средой (Jin et al., 2025); дискриминационный опыт передается подросткам через негативное поведение родителей, влияет на качество семейных отношений и благополучие (Zhang et al., 2024).

В противовес этому ряд других исследований показывает, что жизнеспособность семьи становится фактором жизнеспособности человека на протяжении всей его жизни (Лактионова, 2017); ослабляет воздействие неблагоприятного детского опыта и может прервать межпоколенческую передачу травмы (Polavarapu, Singh, Adhikari, 2025).

Становится очевидным, что жизнеспособность семьи является ключевым ресурсом для развития подростков и поддерживает их в данном сложном переходном периоде. Для глубокого изучения восприятия жизнеспособности семьи самим подростком возникает про-

блема измерения данного многомерного конструкта. В исследованиях жизнеспособности семьи наиболее популярным вариантом является «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) М. Сиксби (Sixbey, 2005), разработанная для взрослых на основе концепции Ф. Уолш. Данная шкала получила широкое распространение, поскольку ее структура иллюстрирует процесс адаптации всей семьи к разным контекстам, но в разных исследованиях включает разное количество пунктов (от 6 до 54). Шкала переведена на китайский (Chiu et al., 2019; Chu et al., 2021; Boqiong-Tian et al., 2024; Tang et al., 2024), польский (Nadrowska, Błazek, Lewandowska-Walter, 2021), турецкий (Kaya, Arıcı, 2012), русский (Гусарова и др., 2021; Гусарова и др., 2024) и другие языки; адаптирована на выборках разных культур (Китай и США) (Chow et al., 2022); используется и для подростков (Chen et al., 2024; Shen et al., 2025).

Метаанализ (Demir, Demircioğlu, 2024) надежности Шкалы оценки жизнеспособности семьи показал, что приводимые авторами хорошие показатели надежности не дают достаточного представления о конструктивных свойствах FRAS, на которые следует ориентироваться при исследованиях более молодых возрастных групп. Следовательно, для проверки психометрических свойств FRAS на выборках подростков требуются дополнительные исследования, на что обратили внимание ученые из Китая (An, Cheng, Yue, Yuan, 2024), Малайзии (Hamzah et al., 2023) и Сингапура (Chew, Naase, 2016). Китайская версия (FRAS-CR) была адаптирована на выборке подростков от 11 до 17 лет из семей мигрантов ($N = 1487$, 47,6% девочек),

включала 40 пунктов и 4 субшкалы: «Семейное общение и решение проблем», «Поддержка позитивного мировоззрения», «Семейная связность» и «Использование социально-экономических ресурсов». Конфирматорный факторный анализ (КФА) показал приемлемое соответствие пересмотренной четырехфакторной модели: $\chi^2/df = 2,39$, $CFI = 0,91$, $TLI = 0,91$, $RMSEA$ (90% ДИ) = 0,047 (0,044–0,050), $SRMR = 0,040$. Результаты не подтвердили исходную структуру из шести факторов, что объясняется культурным контекстом и характеристиками участников. Субшкала «Духовность семьи» сразу была удалена, так как большинство китайцев следуют личным этическим стандартам, не полагаясь на верховное божество. Были удалены и пункты, содержащие поощрение индивидуальности, что противоречит китайской коллективистской культуре. Среди ограничений данного исследования обозначена нестабильность факторной структуры и пунктов некоторых из субшкал. Малазийская версия FRS-Malay (Hamzah et al., 2023), состоящая из четырех пунктов, была разработана для подростков от 10 до 19 лет ($N = 169$) и молодежи от 20 до 24 лет ($N = 182$). На основе инструкции: «Когда ваша семья сталкивается с проблемами, как часто вы будете делать следующее...» предлагалось ответить на 4 утверждения: «Обсуждаем вместе, что делать» (ясность коммуникации), «Работаем вместе, чтобы решить наши проблемы» (совместное решение проблем), «Знаем, что у нас есть сильные стороны, на которые можно опереться» (позитивное мировоззрение), «Сохраняем надежду даже в трудные времена» (осмысление невзгод). Однако в статье не обозначено,

по какому принципу отбирались данные пункты. КФА показал хорошее соответствие модели: $SRMR = 0,023$ ($< 0,08$), $CFI = 0,991$ ($> 0,95$), $TLI = 0,974$ ($> 0,95$), $RMSEA$ (90% ДИ) = 0,076 (0,000–0,187). Проверены психометрические характеристики взрослого варианта FRAS на выборке подростков с эпилепсией из Сингапура (Chew, Haase, 2016). Авторы сохранили 54 пункта, получив семифакторную структуру (смыслообразование и позитивный взгляд на жизнь; духовность; гибкость и семейная связность; ресурсы – сообщество; ресурсы – соседи; ясность и открытое выражение эмоций; совместное решение проблем). Представлены сведения о надежности субшкал, которая варьирует от 0,93 до 0,97. Других вариантов данной методики для подростковой аудитории в доступных источниках не обнаружено.

Таким образом, китайский и сингапурский варианты недостаточно практичны из-за объема, так как возникает риск снижения мотивации подростков. В китайском варианте утрачена субшкала духовности семьи. Малазийская версия чрезмерно упрощает многомерность феномена «жизнеспособность семьи», ориентирована на ее общий уровень. Кроме того, большинство существующих методик жизнеспособности семьи адаптированы для взрослых, но используются для подростков (Chen et al., 2024; Shen et al., 2025) без надлежащей проверки психометрических характеристик, хотя показано, что восприятие семьи взрослыми и подростками существенно различается (Chen et al., 2024).

Для преодоления методологического противоречия между необходимостью сохранить многомерность конструкта

«Жизнеспособность семьи» с учетом оптимального количества утверждений и ограниченностью использования взрослых версий для подростков нами был разработан краткий вариант FRAS20-R1A на основе Шкалы оценки жизнеспособности семьи для взрослых FRAS-R11 (Гусарова и др., 2024). Целью данной работы была проверка психометрических характеристик этого варианта шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS20-R1A) на выборке российских подростков от 13 до 18 лет.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 616 подростков в возрасте от 13 до 18 лет (средний возраст составил $16,2 \pm 1,0$ года; медиана = 17 лет), среди них подростков женского пола 84,7%. Для сравнения по возрасту было выделено две возрастные группы: 13–15 лет ($N = 156$) и 16–18 лет ($N = 460$).

Методики. Участникам исследования была предложена Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-R11 (Гусарова и др., 2024) в варианте для взрослых (40 пунктов и пять субшкал). Неблагоприятные семейные события, о которых необходимо было указать в процессе заполнения методики, были разделены на типы: отсутствие такого события (такого события не было), межличностные (смерть близкого человека, переезд, болезнь и т.п.), межличностные (ссоры, развод родителей, конфликты и т.п.), внутриличностные (апатия, депрессия, переходный возраст), множественные (перечислено несколько событий одновременно) и события, о которых подросток не захотел говорить (это личное, не хочу говорить об этом).

Для проверки внешней валидности использовалась Многомерная шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖИ (Сычев и др., 2018), измеряющая удовлетворенность в разных областях: семья, школа, учителя, я сам, друзья.

Дополнительно к психодиагностическим методикам подростки отвечали на вопросы о социо-демографических характеристиках: возраст, пол, состав семьи (ответы на открытый вопрос «С кем ты живешь?»). Ответы на последний вопрос кодировались по типу семьи: полная («живу с папой и мамой», «с родителями и сестрой» и т.д.; $N = 427$); неполная («с мамой», «с мамой и бабушкой»; $N = 143$); смешанная («с бабушкой, мамой, отчимом», «с мамой, отчимом и моей сестрой» и т.д.; $N = 35$). Ответы: «с кошкой», «с друзьями (закрытая школа)», не кодировались ($N = 11$).

Процедура. Данные собирались с помощью Яндекс-формы. Информированное согласие на участие в исследовании было предоставлено родителями подростков.

Статистический анализ. Для проверки внутренней согласованности методики использовались коэффициенты альфа Кронбаха, коэффициенты половинного расщепления Гутмана и конфирматорный факторный анализ (КФА). Для сравнения групп разного возраста, пола, типа семьи и вида неблагоприятного семейного события по всем пяти субшкалам методики FRAS20-R1A использовался двухфакторный дисперсионный анализ.

Результаты

Для сокращения методики выборка была разделена случайным образом в статистическом пакете SPSS на две при-

мерно одинаковые части: 315 и 301 человек. Две случайные выборки были эквивалентны по возрасту ($t(614) = 0,72$; $p = 0,47$) и полу ($\chi^2 = 0,19$; $df = 1$; $p = 0,67$). Для первой подвыборки ($N = 315$) на основании статистики (минимальные альфы Кронбаха при исключении пункта) и содержания пунктов (максимально вариативное содержание) было отобрано по 4 утверждения для каждой субшкалы методики. Затем были рассчитаны показатели внутренней согласованности для этой подвыборки (табл. 1). Статистический анализ показал высокую внутреннюю надежность: альфы Кронбаха выше 0,80 во всех случаях, кроме субшкалы «Принятие и гибкость»; индексы соответствия КФА показали либо хорошее (CFI , TLI , $SRMR$, $CMIN/DF$), либо приемлемое соответствие (GFI , $RMSEA$).

Показатели внутренней согласованности были рассчитаны для второй подвыборки и для всей выборки (табл. 1). Альфы Кронбаха оказались выше, чем для первой подвыборки, а при объединении выборок показали хорошую согласованность (не ниже 0,75). КФА также обнаружил приемлемое соответствие модели полученным

данным (табл. 1). Показатели CFI и TLI оказались выше 0,90, а в некоторых случаях выше 0,95, что демонстрирует хорошее соответствие; индекс $CMIN/DF$ оказался менее 3 для каждой из подвыборок и менее 3,5 для всей выборки, что является хорошим соответствием, так как этот показатель зависит от размера выборки. Индекс GFI равен 0,89, что немного ниже порогового значения 0,90, но так как для $N > 100$ « $GFI \geq 0,93$ либо $SRMR \leq 0,08$ указывает на приемлемое соответствие» (Cho et al., 2020, с. 197), то в нашем случае модель имеет устойчивую структуру. Кроме того, пятифакторная модель с четырьмя пунктами на каждый фактор оказалась инвариантна как для случайных подвыборок, так и для пола и возраста респондентов (Приложение В, табл. В1).

Таким образом, краткий вариант методики, сохраняющий структуру, но включающий по 4 пункта в каждой субшкале, обладает достаточной внутренней согласованностью и надежностью. Полная версия новой краткой формы методики FRAS20-RIIA представлена в Приложении А.

Для проверки внешней валидности были рассчитаны коэффициенты корреля-

Таблица 1 / Table 1
Показатели внутренней согласованности методики FRAS20-RIIA
Internal consistency indicators of the FRAS20-RIIA

Шкалы методики FRAS20-RIIA / FRAS20-RIIA scales	Выборки / Samples					
	N = 315		N = 301		N = 616	
	α	β	α	β	α	β
Семейная коммуникация и связность / Family Communication and Connectedness	0,87	0,88	0,90	0,90	0,89	0,89
Позитивный прогноз и решение проблем / Positive Outlook and Problem Solving	0,89	0,88	0,90	0,89	0,90	0,89
Принятие и гибкость / Acceptance and Flexibility	0,72	0,70	0,78	0,81	0,75	0,76
Социальные ресурсы / Social Resources	0,89	0,90	0,87	0,91	0,88	0,90

Шкалы методики FRAS20-РИА / FRAS20-RIA scales	Выборки / Samples					
	N = 315		N = 301		N = 616	
	α	β	α	β	α	β
Духовность семьи / Family Spirituality	0,89	0,92	0,91	0,92	0,90	0,92
Жизнеспособность семьи (общий балл) / Family Resilience Assessment Scale overall score	0,95	0,96	0,96	0,97	0,96	0,96
Индексы согласованности КФА / CFA Fit Indices						
<i>GFI</i>	0,89		0,88		0,89	
<i>CFI</i>	0,95		0,95		0,96	
<i>TLI</i>	0,94		0,94		0,95	
<i>CMIN/DF</i>	2,50		2,60		3,49	
<i>SRMR</i>	0,05		0,05		0,04	
<i>RMSEA</i> [-95%; +95%]	0,069 [0,061; 0,078]		0,073 [0,065; 0,082]		0,064 [0,058; 0,069]	

Примечание: α — альфа Кронбаха; β — коэффициент половинного расщепления Гутмана; *GFI* — индекс соответствия; *CFI* — сравнительный индекс соответствия; *TLI* — индекс Такера-Льюиса; *CMIN/DF* — хи-квадрат / степени свободы; *SRMR* — стандартизированный среднеквадратичный остаток; *RMSEA* [-95%; +95%] — среднеквадратичная ошибка аппроксимации с ее 95% доверительным интервалом.

Note: α — Cronbach's alpha; β — Guttman split-half coefficient; *GFI* — Goodness of Fit Index; *CFI* — Comparative Fit Index; *TLI* — Tucker-Lewis Index; *CMIN/DF* — Chi-Square / Degrees of Freedom; *SRMR* — Standardized Root Mean Squared Residual; *RMSEA* [-95%; +95%] — Root Mean Square Error of Approximation with its 95% confidential interval.

ции всех субшкал и общего балла FRAS20-РИА со шкалами Многомерной шкалы удовлетворенности жизнью (табл. 2). Самые сильные связи FRAS20-РИА (от 0,56 до 0,84) были получены со шкалой «Семья», которая характеризует удовлетворенность подростков их отношениями с членами семьи. Следующие по величине связи (от 0,40 до 0,49) обнаружены со шкалой «Я сам», которая описывает удовлетворенность подростка самим собой, позитивное отношение к себе и субъективное представление о мнении о нем других людей.

Статистический анализ не показал различий по возрастным группам (13–15 лет и 16–18 лет): в дисперсионном анализе не обнаружено ни главного эффекта переменной «Возраст» ($F(1,614) = 1,77; p = 0,18$),

ни взаимодействия возраста со Шкалой FRAS20-РИА ($F(4,2456) = 0,46; p = 0,77$).

Сравнения всех субшкал FRAS20-РИА по полу показали отсутствие взаимодействия ($F(4,2456) = 1,05; p = 0,38$), но обнаружено наличие главного эффекта небольшой величины ($F(1,614) = 7,34; p = 0,007; \eta^2 = 0,01$). Это означает, что все характеристики жизнеспособности семьи подростки мужского пола оценивают выше, чем подростки женского пола (рис. 1). Полная описательная статистика по подросткам всей выборки и для разных подгрупп приведена в Приложении В, табл. В2.

Подростки из разных типов семей (полная/неполная/смешанная) поразному оценили жизнеспособность своих семей: самые высокие оценки у

Таблица 2 / Table 2

**Коэффициенты корреляции Пирсона шкал методики FRAS20-RIIA
со шкалами методики ШУДЖИ (N = 616)
Pearson correlation coefficients of the FRAS20-RIIA scales with the MSLSS
scales (N = 616)**

Шкалы методики FRAS20-RIIA / FRAS20-RIIA scales	Многомерная шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ) / Multidimensional scale of life satisfaction of schoolchildren (MSLSS)				
	Семья / Family	Школа / School	Учителя / Teachers	Я сам / Self	Друзья / Friends
Семейная коммуникация и связность / Family Communication and Connectedness	0,82	0,29	0,32	0,45	0,26
Позитивный прогноз и решение проблем / Positive Outlook and Problem Solving	0,77	0,24	0,27	0,45	0,30
Принятие и гибкость / Acceptance and Flexibility	0,75	0,22	0,26	0,40	0,29
Социальные ресурсы / Social Resources	0,56	0,26	0,27	0,41	0,37
Духовность семьи / Family Spirituality	0,80	0,28	0,30	0,44	0,29
Жизнеспособность семьи (общий балл) / Family Resilience Assessment Scale overall score	0,84	0,29	0,32	0,49	0,34

Примечание: все коэффициенты корреляции статистически значимы на уровне $p < 0,01$.
Note: all correlation coefficients are statistically significant at the $p < 0,01$ level.

подростков из полных семей, а самые низкие — из смешанных (с отчимами/мачехами). Дисперсионный анализ показал наличие главного эффекта средней величины ($F(2,602) = 7,95; p < 0,001; \eta^2 = 0,03$) при отсутствии взаимодействия ($F(8,2408) = 1,85; p = 0,06$). Полная описательная статистика по подросткам из разных типов семей приведена в Приложении В (табл. В2).

Таким образом, статистический анализ подтверждает как внутреннюю согласованность методики FRAS20-RIIA, так и ее внешнюю валидность.

Двухфакторный дисперсионный анализ не показал статистически значимого взаимодействия Типа неблагоприятного семейного события и Шкалы FRAS20-

RIIA ($F(4,2440) = 1,17; p = 0,27$), но выявил главный эффект фактора «тип неблагоприятного семейного события» ($F(5,610) = 16,55; p < 0,001; \eta^2 = 0,12$) с большой величиной эффекта. Иными словами, при разных неблагоприятных событиях в семье ее жизнеспособность проявляется по-разному, и это характерно для всех аспектов (шкал) жизнеспособности. Следовательно, закономерность изменения различных характеристик жизнеспособности семьи в зависимости от типа ситуации будет одинакова. На рис. 3 представлена зависимость общего балла FRAS20-RIIA от типа неблагоприятного события в семье (однофакторный дисперсионный анализ $F(5,610) = 16,55; p < 0,001; \eta^2 = 0,12$).

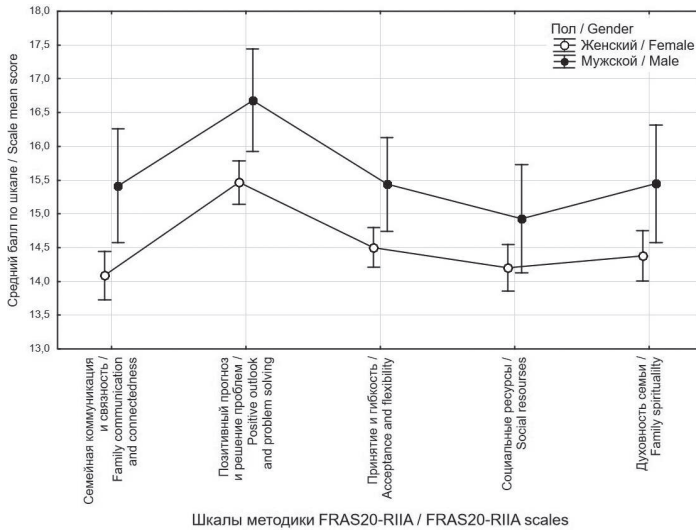

Рис. 1. Средние значения по шкалам методики FRAS20-RIIA для подростков разного пола ($N = 616$): вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал
Fig. 1. FRAS20-RIIA scales means for male and female adolescents ($N = 616$): vertical bars denote 95% confidence intervals

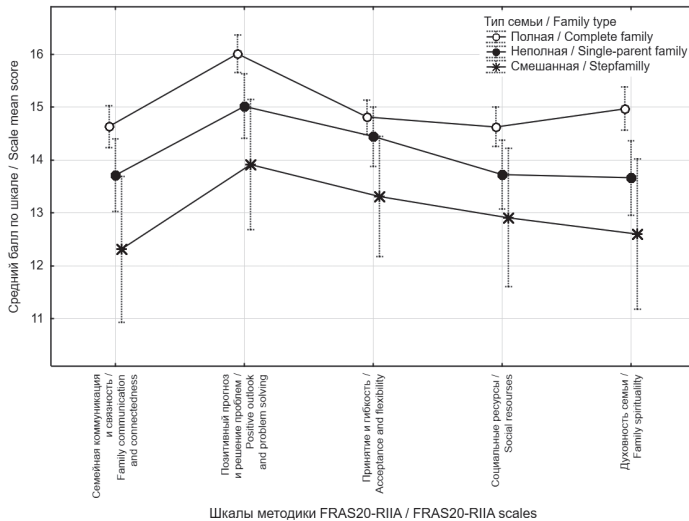

Рис. 2. Средние значения по шкалам методики FRAS20-RIIA в зависимости от типа семьи: вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал
Fig. 2. FRAS20-RIIA scales means depending on the type of family: vertical bars denote 95% confidence intervals

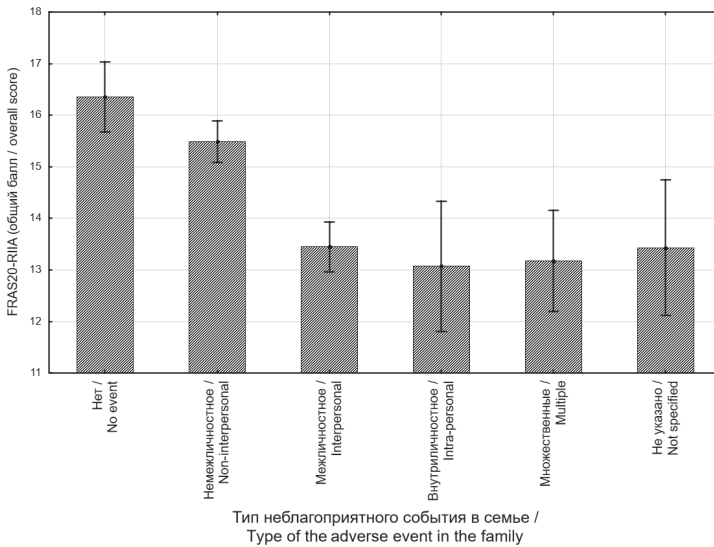

Рис. 3. Средние значения общего балла методики FRAS20-RIIA в зависимости от типа неблагоприятного семейного события ($N = 616$)

Fig. 3. FRAS20-RIIA total score means depending on type of adverse family event ($N = 616$)

Апостериорный критерий Дункана показывает, что жизнеспособность семьи оценивается максимально высоко при отсутствии неблагоприятных событий и при неблагоприятных событиях немежличностного характера (болезни, материальные трудности, утрата). Для неблагоприятных событий (межличностные, внутриличностные, множественные и не указанные) оценка жизнеспособности семьи статистически значимо не различается, но она существенно ниже, чем для первых двух групп.

Обсуждение результатов

Еще Ф.М. Достоевский писал о современном ему состоянии семьи как о «случайном семействе» (Достоевский, 2010, с. 622), которое утратило свой прежний облик, а новый, «удовлетворяющий русское сердце», еще не приобрела. Эта

мысль не потеряла своей актуальности. От современных подростков — завтрашних родителей — зависит будущее российской семьи. Исследуя восприятие жизнеспособности семьи подростками при помощи нового краткого варианта FRAS20-RIIA, мы получаем уникальную возможность понять, какие ресурсы они унесут во взрослую жизнь и какое влияние это может оказать на благополучие следующих поколений, ведь именно «из подростков создаются поколения» (Достоевский, 1975, с. 452). Кроме того, вариант FRAS20-RIIA для подростков позволяет выявить контекстуальные факторы: виды неблагоприятных событий в семьях, уровень их сложности, типы семей, в которых происходит взросление, что является важной составляющей данной методики и часто не учитывается в зару-

бежных исследованиях. Мы сохранили не четыре, как в зарубежных аналогах, а пять альтернативных вариантов ответов на утверждения, что является наиболее оптимальным в плане выбора нейтрального ответа, а также надежности и валидности.

Наши результаты показали, что юноши оценивают жизнеспособность семьи выше, чем девушки, что соответствует ряду исследований. Например, юноши сообщали о большей семейной сплоченности и меньшем количестве проблем, провоцирующих стресс, чем девушки, в новозеландском исследовании (Gervais, Jose, 2024); девушки оказались менее устойчивы и более зависимы от поддержки и безопасности в семье при столкновении с семейными стрессами в бразильском исследовании (Rozemberg et al., 2014); семейный риск в четырех семейных сферах (социально-экономической, психологической, супружеской и сфере воспитания детей) усиливает интернализирующие проблемы в раннем подростковом возрасте только у девочек в США (Buehler, Gerard, 2013).

Возрастных различий в оценках жизнеспособности семьи наше исследование не показало. Возможно, это связано с узким возрастным диапазоном и с относительно устойчивым базовым восприятием семьи на протяжении всего подросткового периода, но требует подтверждения в дальнейшем на больших по объему выборках с детализацией возрастных групп и при контроле других переменных, таких как тип семьи (полная/неполная/смешанная), а также виды неблагоприятных событий в семьях.

Подростки из разных типов семей оценили жизнеспособность своих семей по-разному: самые высокие оценки у подростков из полных семей, а самые низкие — из смешанных. Последние столкнулись с не-

сколькими значимыми для них стрессами: распад одной семьи и создание другой. Так, в большом лонгитюдном 15-летнем исследовании ($N = 5431$) было показано, что развод родителей и взросление в неполной семье становятся важными стрессовыми событиями для 14-летних подростков и имеют последствия для формирования у них нездорового поведения во взрослом возрасте (Varis et al., 2024). В систематическом обзоре (Akshaya, Prabakar, Vorah, 2025) подчеркивается сложность структуры смешанных семей, что приводит к стрессу в повседневной жизни подростков, которые, наряду со сложностями взросления, чувствуют неопределенность в своей принадлежности одновременно к двум семейным системам (семье с кровными родителями и новой — с отчимом/мачехой). Это усиливает конфликт идентичности, отражается на поведении (сложность выстраивания новых привязанностей), сопровождается эмоциональными перегрузками и сказывается на благополучии. Совокупность таких значительных стрессоров для подростков из смешанных семей, вплетенных в ткань внутрисемейных взаимодействий, порождает чувство незащищенности и покинутости. Данные переживания накладываются на социальный контекст, в котором смешанные семьи воспринимаются как «неустоявшийся/неоформившийся» или «вторичный институт» (Cherlin, 1978), который считается непрочным и которому не хватает четко определенных норм (Petren, Ferraro, 2022). Вероятно, совокупность накопленных стрессов от распада прежней семьи и от формирования новой, а также усвоенный подростками стереотип смешанной семьи как «неустоявшейся» находят свое отражение в субъективно более низких оценках жизнеспособности семьи.

Нами было установлено, что подростки довольно высоко оценивают жизнеспособность семьи при отсутствии неблагоприятных событий либо при неблагоприятных событиях немежличностного характера (болезни, материальные трудности, утрата). Оценки жизнеспособности семьи существенно ниже и практически не различаются при столкновении семьи с межличностными (разводы, конфликты с родителями, сиблингами и т.п.), внутриличностными («мое рождение», «вина за смерть близкого», «страх неаттестации», «одиночество» и т.п.), множественными (два и более событий одновременно: «развод родителей и смерть бабушки», «смерть папы и мой диабет», «болезнь мамы, трудности в отношениях с отцом и переезд брата в другую страну» и т.п.) неблагоприятными событиями, а также с событиями, о которых подростки умолчали, но оценили их интенсивность достаточно высоко. Это не противоречит исследованиям, в которых показано, что межличностные стрессы оказывают более существенное негативное влияние на подростков, чем немежличностные (Zhang, Li, 2024); их интенсивность оценивается более высоко (No, Park, 2025). Для подростков, в отличие от взрослых, более важны и разнообразны внутренние стрессы: отношение к себе, отвержение, страхи (Головей, Галашева, 2024), то есть внутриличностные. В целом, показано, что подростки, которые в качестве значимых событий выделяют межличностные отношения или которые сфокусированы на себе и негативных событиях, схожи в проявлении тревожности, депрессии и стресса (Молчанов и др., 2025). Все это связано с особой значимостью социальных контактов и с уязвимостью внутреннего мира в подростковом возрасте. В совокупности описанные в ряде исследований особенности отношения подростков к неблагоприятным

событиям (особенно межличностного и внутриличностного плана) могли отразиться на их оценках жизнеспособности семьи.

Заключение и выводы

На основе шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS) М. Сиксби в мировой практике разработаны различные версии методики для взрослых, иногда используемые и для подростков. Существующие единичные подростковые варианты либо слишком объемны, либо чрезмерно упрощены, что не позволяет получить реальную оценку жизнеспособности семьи. Разработанная нами FRAS20-RIIA позволила преодолеть данные ограничения, а полученные результаты воспроизводятся на двух случайных подвыборках подростков.

Исследование показало, что:

1. Краткий вариант FRAS20-RIIA сохранил пятифакторную структуру, включая субшкалы: семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем, принятие и гибкость, социальные ресурсы, духовность семьи, которые обладают достаточной надежностью и внутренней согласованностью. Методика инвариантна относительно пола и возраста респондентов.

2. Внешняя валидность FRAS20-RIIA подтверждается корреляциями с характеристиками удовлетворенности жизнью подростков в разных областях.

3. Характеристики FRAS20-RIIA различаются в зависимости от пола, типа семьи, вида неблагоприятного события в семьях, что подтверждает пригодность методики для работы с разными категориями подростков и свидетельствует о ее внешней валидности.

Таким образом, FRAS20-RIIA рекомендована к применению как в масштабных, лонгитюдных исследованиях, так и

в индивидуальной работе с подростками и их семьями. Это позволит выстроить процесс взаимодействия психолога с семьей с учетом ее сильных сторон при преодолении подросткового кризиса и неблагоприятных жизненных событий.

Ограничения. Выборка включала относительно небольшое количество подростков мужского пола, а также недостаточное количество подростков разных возрастных групп, что ограничило возможность проведения более дифференцированного анализа жизнеспособности семьи. В частности, это ограничило изучение жизнеспособности семьи в отношении конкретных типов семей и видов неблагоприятных событий. Эти ограничения указывают на перспективные направления

для будущих исследований, включая расширение выборки и более детальную дифференциацию семейных структур, неблагоприятных жизненных событий, а также возрастных и гендерных различий.

Limitations. The sample included a relatively small number of male adolescents, as well as an insufficient representation of adolescents across different age groups, which limited the possibility of conducting a more differentiated analysis of family resilience. In particular, this constrained the examination of family resilience with respect to specific family types and types of adverse events. These limitations indicate promising directions for future research, including the expansion of the sample and a more detailed differentiation of family structures, adverse life events, and age- and gender-related differences.

Список источников / References

1. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Сорокова, М.Г. (2021). Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке. *Психологические исследования*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Sorokova, M.G. (2021). Family Resilience Assessment Scale: Adaptation in a Russian Sample. *Psychological research*, 14(77). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
2. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). Шкала оценки жизнеспособности семьи (FRAS-RII): новая версия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–31. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII): A New Version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
3. Головей, Л.А., Галашева, О.С. (2024). Опросник повседневных стрессоров для подростков. *Психолого-педагогические исследования*, 16(2), 77–97. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160205>
Golovey, L.A., Galasheva, O.S. (2024). Everyday Stressors Questionnaire for Adolescents. *Psychological and Pedagogical Research*, 16(2), 77–97. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.17759/psyedu.2024160205>
4. Достоевский, Ф.М. (2010). *Дневник писателя* / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации.
Dostoevsky, F.M. (2010). *Diary of a writer* / Editor-in-Chief O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization (In Russ.).
5. Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Подросток*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.

- Dostoevsky, F.M. (1975). Complete Works: in 30 volumes. Vol. 13. The Teenager. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. (In Russ.).
6. Лактионова, А.И. (2017). *Жизнеспособность и социальная адаптация подростков*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
 - Laktionova, A.I. (2017). *Resilience and social adaptation of adolescents*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
 7. Махнач, А.В. (2024). Изучение жизнеспособности семьи: динамика интереса и проблемы исследования. *Психология человека в образовании*, 6(4), 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411>
 - Makhnach, A.V. (2024). The study of family resilience: dynamics of interest and research problems. *Psychology in Education*, 6(4), 396–411. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-396-411> (In Russ.).
 8. Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Долгих, А.Г., Султанова, И.В. (2025). Взаимосвязь выделяемых значимых событий и эмоционального статуса подростков в условиях нестабильной социальной ситуации развития. *Культурно-историческая психология*, 21(2), 49–60. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210205>
 - Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., Sultanova, I.V. (2025). The relationship between the identified significant events and the emotional status of adolescents in an unstable social situation of development. *Cultural-Historical Psychology*, 21(2), 49–60. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210205> (In Russ.).
 9. Сычев, О.А., Гордеева, Т.О., Лункина, М.В., Осин, Е.Н., Сиднева, А.Н. (2018). Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601>
 - Sychev, O.A., Gordeeva, T.O., Lunkina, M.V., Osin, E.N., Sidneva, A.N. (2018). Multidimensional scale of life satisfaction for schoolchildren. *Psychological Science and Education*, 23(6), 5–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230601> (In Russ.).
 10. Akshaya, S., Prabakar, S., Borah, P. (2025). Contextualizing the family dynamics in step parent-step child relationship: a comprehensive scoping review. *SN Social Sciences*, 5(11), 187. <https://doi.org/10.1007/s43545-025-01226-2>
 11. An, Y., Cheng, X., Yue, J., Yuan, G. (2024). A psychometric study of the revised Chinese version of the family resilience assessment scale among children disadvantaged due to family migration. *Archives of Psychiatric Nursing*, 50, 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2024.03.013>
 12. Ao, L., Cheng, X., An, D., Yuan, G. (2025). Relationship between Perceived Family Resilience, Emotional Flexibility, and Anxiety Symptoms: a Parent–Adolescent Dyadic Perspective. *Journal of Youth and Adolescence*, 54(2), 510–521. <https://doi.org/10.1007/s10964-024-02083-7>
 13. Boqiong-Tian, Renhong-Shen, Rujun-Huang, Qiong-Xu, S. (2024). Psychometric Properties of the Family Resilience Assessment Scale for Children with Disabilities in China. *Sage Open*, 14(4). <https://doi.org/10.1177/21582440241288727>
 14. Buehler, C., Gerard, J.M. (2013). Cumulative Family Risk Predicts Increases in Adjustment Difficulties across Early Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 42(6), 905–920. <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9806-3>
 15. Chen, M., Ren, L., Jiang, H., Wang, Y., Zhang, L., Dong, C. (2024). Discrepancies in perceived family resilience between adolescents with chronic illness and parents: using response surface analysis to examine the relationship with adolescents' psychological adjustment. *BMC Psychiatry*, 24, 475. <https://doi.org/10.1186/s12888-024-05917-7>

16. Cherlin, A. (1978). Remarriage as an incomplete institution. *American Journal of Sociology*, 84(3), 634–650.
17. Chew, J., Haase, A.M. (2016). Psychometric properties of the Family Resilience Assessment Scale: A Singaporean perspective. *Epilepsy & Behavior*, 61, 112–119. <https://doi.org/10.1016/j.yebeh.2016.05.015>
18. Chiu, S.J., Chou, Y.T., Chen, P.T., Chien, L.Y. (2019). Psychometric properties of the Mandarin version of the family resilience assessment scale. *Journal of Child and Family Studies*, 28, 354–369. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1292-0>
19. Cho, G., Hwang, H., Sarstedt, M., Ringle, C. (2020). Cutoff criteria for overall model fit indexes in generalized structured component analysis. *Journal of Marketing Analytics*, 8, 189–202. <https://doi.org/10.1057/s41270-020-00089-1>
20. Chow, T.S., Tang, C.S.K., Siu, T.S.U., Kwok, H.S.H. (2022). Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese Samples. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 845803. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.845803>
21. Chu, A.M.Y., Tsang, J.T.Y., Tiwari, A., Yuk, H., So, M.K.P. (2021). Measuring family resilience of Chinese family caregivers: psychometric evaluation of the Family Resilience Assessment Scale. *Family Relations*, 70, 1297–1302. <https://doi.org/10.1111/fare.12601>
22. Demir, E., Demircio lu, H. (2024). A reliability generalization meta-analysis of the family resilience assessment scale (FRAS). *Journal of Pediatric Nursing*, 77, 150–157. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2024.04.003>
23. Finklestein, M., Pagorek-Eshel, S., Laufer, A. (2022). Adolescents' individual resilience and its association with security threats, anxiety and family resilience. *Journal of Family Studies*, 28(3), 1023–1039. <https://doi.org/10.1080/13229400.2020.1778504>
24. Gervais, C., Jose, P. (2024). Relationships Between Family Connectedness and Stress-Triggering Problems Among Adolescents: Potential Mediating Role of Coping Strategies. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 52, 237–251. <https://doi.org/10.1007/s10802-023-01122-4>
25. Hamzah, H., Tan, C.S., Ramlee, F., Zulkifli, S.S. (2023). The 4-item family resilience scale: psychometric evaluation and measurement invariance of the Malay version in adolescents and young adults. *BMC Psychology*, 13;11(1), 392. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01435-5>
26. Jin, Y., Liu, J., Li, P., Hu, Y., Hong, X., Li, X., Teng, Y., Huang, M., Wang, Y. (2025). Longitudinal associations between family conflict, intergenerational transmission, and adolescents' depressive symptoms: evidence from China Family Panel studies (2016–2020). *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 19(1), 10. <https://doi.org/10.1186/s13034-025-00866-9>
27. Kaya, M., Arici, N. (2012). Turkish version of shortened Family Resiliency Scale (FRAS): the study of validity and reliability. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 55, 512–20. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.531>
28. Koçak, A. (2024). Unravelling the family curse: How parental depressive symptoms link to adolescents' depressive symptoms through interparental conflict and adolescent triangulation. *Current Psychology*, 43, 32735–32746. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06823-7>
29. Maurović, I., Liebenberg, L., Feri, M. (2020). A review of family resilience: understanding the concept and operationalization challenges to inform research and practice. *Child Care in Practice*, 26, 337–357. <https://doi.org/10.1080/13575279.2020.1792838>
30. Nadrowska, N., Błazek, M., Lewandowska-Walter, A. (2021). Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS). *Community Mental Health Journal*, 57, 153–160. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00626-3>

31. No, B., Park, S. (2025). Latent Profiles of Daily Stress and Related Factors in South Korean Multicultural Adolescents. *Applied Research in Quality of Life*. <https://doi.org/10.1007/s11482-025-10425-1>
32. Petrens, R.E., Ferraro, A.J. (2022). Fathering in Diverse Family Structures: Separation, Divorce, and Stepfamilies. In: Molloy, S., Azzam, P., Isacco, A. (eds.). *Handbook of the Psychology of Fatherhood*, 151–170. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14498-1_9
33. Polavarapu, M., Singh, S., Adhikari, M. (2025). Breaking the Cycle: Investigating Family Resilience as a Pathway to Better Adolescent Mental, Emotional, Developmental, and Behavioral Health Outcomes. *Journal of Child & Adolescent Trauma*. <https://doi.org/10.1007/s40653-025-00792-0>
34. Rozemberg, L., Avanci, J., Schenker, M., Pires, T. (2014). Resiliência, gênero e família na adolescência [Resilience, gender and family during adolescence]. *Ciencia & Saude Coletiva*, 19(3), 673–684. <https://doi.org/10.1590/1413-81232014193.21902013>
35. Shen, J., Zhou, S., Du, M., Xia, B., Jiang, Y. (2025). Cluster analysis of family resilience in adolescents with emotional disorders: a cross-sectional study. *BMC Psychiatry*, 25(1), 804. <https://doi.org/10.1186/s12888-025-07269-2>
36. Sixbey, M.T. (2005). Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs [Doctoral dissertation]. University of Florida, USA.
37. Tang, C.S.K., Siu, T.S.U., Chow, T.S., Kwok, S.H. (2024). A 6-Item Family Resilience Scale (FRS6) for Measuring Longitudinal Trajectory of Family Adjustment. *Behavioral Sciences*, 14(3), 251. <https://doi.org/10.3390/bs14030251>
38. Varis, H., Hagnäs, M., Mikkola, I., Nordström, T., Taanila, A., Keinänen-Kiukaanniemi, S., Heikkala, E. (2024). Association between childhood family structure and longitudinal health behaviour changes in adulthood –Northern Finland birth cohort 1966 study. *BMC Public Health*, 24(1), 1774. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-19266-3>
39. Walsh, F. (2016). Family resilience: A developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3), 313–324. <https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035>
40. Yu, L., Zhou, X., Shek, D.T.L., Wang, Y. (2025). Family Resilience and Adolescent Mental Health in Chinese Families: The Mediating Role of Personal Strengths. *Applied Research Quality of Life*. <https://doi.org/10.1007/s11482-025-10453-x>
41. Zhang, J., Wen, W., Du, Y., Shen, Y., Coulter, K.M., Yan, J., Calder n, M.P.Y., Kim, S.Y. (2024). Parental Discriminatory Experiences and Ethnic Minority Adolescent Adjustment: A Systematic Review of Family Perspectives. *Adolescent Research Review*, 9, 587–620. <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00238-y>
42. Zhang, X., Li, C. (2024). Predictors of Adolescents' Psychological Distress and Internet Addiction: the Role of Interpersonal Stress and School Burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 33, 1070–1082. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02635-8>

Приложение / Appendix

Приложение А. Текст методики FRAS20-RIIA и ключ Appendix A. The text of the FRAS20-RIIA and the key

Каких людей ты считаешь членами своей семьи? Перечисли их. Твоя семья может включать в себя любых людей по твоему усмотрению.

С кем ты живешь?

Вспомни и напиши одно из неблагоприятных событий в твоей семье. Примерами таких событий могут быть: развод родителей, конфликты, смерть близкого, переезд, материальные трудности в семье и т.д.

Какой уровень интенсивности, по твоему мнению, это событие имело для твоей семьи? Где 1 — отсутствующая или низкая интенсивность, а 10 — высокая.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

После этого события почувствовал ли ты, что твоя семья (выбери тот ответ, который наиболее характерен для твоей семьи):

- стала менее дружной (все члены семьи отделились друг от друга)
- осталась такой же
- стала еще дружнее (все члены семьи стали ближе друг к другу)

Пожалуйста, внимательно прочти каждое утверждение. Реши, насколько хорошо оно описывает твою семью теперь по шкале:

Никогда — 1 балл
Редко — 2 балла
Иногда — 3 балла
Часто — 4 балла
Всегда — 5 баллов

1. То, что мы делаем друг для друга, помогает нам почувствовать себя одной семьей
2. Мы справимся, если возникнет еще одна проблема
3. Наша семья гибко реагирует на неожиданные трудности
4. Мы можем рассчитывать на поддержку других людей
5. В нашей семье есть общие ценности: взаимное уважение, честность, доброта, поддержка, и мы придерживаемся их
6. Мы все участвуем в принятии важных семейных решений
7. Мы можем справляться с трудностями всей семьей
8. Мы принимаем стрессовые события как часть нашей жизни
9. Мы уверены, что люди вокруг нас помогут нам, если случится трудная ситуация
10. Мы соблюдаем семейные традиции
11. В нашей семье все честны и откровенны друг с другом
12. Когда у нас возникают серьезные проблемы, мы чувствуем в себе силу их преодолеть
13. Мы вместе переживаем даже самые тяжелые времена и находим взаимопонимание
14. Мы знаем, что если возникнут проблемы, другие люди нам помогут
15. Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности
16. Мы можем пойти на взаимные уступки, когда возникают проблемы
17. Даже в трудные минуты мы верим, что все наладится

18. В нашей семье мы можем открыто уточнить, если не понимаем смысла высказывания
19. Мы знаем, что мы важны для друзей нашей семьи
20. Когда мы сталкиваемся с трудностями, мы опираемся на внутренние ресурсы нашей семьи: любовь, взаимное уважение, взаимную помощь, доверие, доброту и понимание

Ключ

Шкала 1. Семейная коммуникация и связность = B1 + B6 + B11 + B16

Шкала 2. Позитивный прогноз и решение проблем = B2 + B7 + B12 + B17

Шкала 3. Принятие и гибкость = B3 + B8 + B13 + B18

Шкала 4. Социальные ресурсы = B4 + B9 + B14 + B19

Шкала 5. Духовность семьи = B5 + B10 + B15 + B20

Жизнеспособность семьи (общий балл) = сумма баллов всех шкал

Приложение В. Результаты психометрического анализа методики FRAS20-RIIA.
<https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Appendix B. FRAS20-RIIA psychometric analysis results. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170211>

Информация об авторах

Мария Антоновна Одинцова, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Наталья Павловна Радчикова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Елена Михайловна Семёнова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-1024>, e-mail: elsem507@gmail.com

Леонид Андреевич Комин, студент магистратуры, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8668-755X>, e-mail: lkominnn@gmail.com

Information about the authors

Maria A. Odintsova, Candidate of Science (Psychology), Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Elena M. Semionova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-1024>, e-mail: elsem507@gmail.com

Leonid A. Komin, Master's Degree Student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8668-755X>, e-mail: lkominnn@gmail.com

Вклад авторов

Одинцова М.А. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчикова Н.П. — применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Семёнова Е.М. — написание и оформление рукописи.

Комин Л.А. — сбор данных для исследования, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Odintsova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nataly P. Radchikova — application of statistical methods for data analysis; conducting the experiment; visualization of research results; writing and design of the manuscript.

Elena M. Semionova — writing and drafting the manuscript.

Leonid A. Komin — data collection for the study, writing and drafting the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено родителями подростков.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 16.01.2026

Поступила после рецензирования 23.03.2026

Принята к публикации 24.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.01.16

Revised 2026.03.23

Accepted 2026.06.24

Published 2026.06.30

Научная статья | Original paper

Разработка методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)»

Т.Ю. Базаров, А.Ф. Гасимов ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ gasimov.artem@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Раннее выявление проблем для предотвращения кризиса в группе, что традиционно входит в перечень задач антикризисного управления, сегодня становится важным социально-психологическим качеством гибкого стиля руководства различного типа групп. Подобная отзывчивость организационного лидера определяется вниманием к группе как способностью замечать «слабые сигналы», отдельные противоречия функционирования группы.

Цель. Описание этапов разработки и психометрической проверки авторского инструмента, направленного на измерение параметров отзывчивости личности по отношению к группе.

Гипотеза. Авторская методика «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)» характеризуется высоким уровнем содержательной валидности, надежности и внутренней согласованности.

Методы и материалы. Ответы 70 руководителей современных организаций относительно понимания феномена отзывчивости лидера позволили разработать пункты методики, выступившие основой формулировки аспектов отзывчивости членов группы: совместная деятельность группы, межличностные отношения в группе, я как член группы. Для выявления содержательной валидности осуществлен опрос 16 экспертов. В психометрической оценке участвовали 762 респондента от 19 до 70 лет (226 мужчин и 536 женщин). Определена однофакторная структура модели. Для определения конструктивной валидности были применены «Методика оценки осознанного присутствия» и «Групповая осознанность в организации».

Результаты. Оценка факторной структуры, содержательной и конструктивной валидности, внутренней согласованности, подсчет ретестовой надежности свидетельствуют о валидности и надежности созданного опросника и являются эмпирическим подтверждением теоретического конструкта отзывчивости на группу.

Выводы. Использование общего показателя отзывчивости как интегральной характеристики обосновано при выделении ее однофакторной структуры.

Ключевые слова: отзывчивость, группа, конструктивная валидность, содержательная валидность, надежность, согласованность, слабые сигналы

Для цитирования: Базаров, Т.Ю., Гасимов, А.Ф. (2026). Разработка методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)». *Социальная психология и общество*, 17(2), 202–220. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170212>

Development of the methodology “Method for assessing the quality of personal responsiveness”

T. Yu. Bazarov, A. F. Gasimov ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ gasimov.artem@gmail.com

Abstract

Context and relevance. *Early identification of problems to prevent a crisis in a group, which is traditionally included in the list of tasks of crisis management, is now becoming an important socio-psychological quality of a flexible leadership style for various types of groups. This responsiveness of an organizational leader is determined by their attention to the group as the ability to notice “weak signals” and individual contradictions in the group’s functioning.*

Objective. *Description of the stages of development and psychometric testing of the author’s tool aimed at measuring the parameters of an individual’s responsiveness to a group.*

Hypothesis. *The author’s “Method for Assessing the Quality of Personality Responsiveness” is characterized by a high level of content validity, reliability, and internal consistency.*

Methods and materials. *The responses of 70 heads of modern organizations regarding the understanding of the phenomenon of the leader’s responsiveness allowed the development of the methodology’s items, which served as the basis for the formulation of the aspects of the group members’ responsiveness: the group’s joint activities, interpersonal relations in the group, and oneself as a group member. To identify the content validity, a survey of 16 experts was conducted. The psychometric assessment involved 762 respondents aged 19 to 70, including 226 men and 536 women. The one-factor structure of the model was determined. The “Methodology for Assessing Mindful Presence” and “Group Mindfulness in an Organization” were used to determine construct validity.*

Results. *The assessment of factor structure, content and construct validity, internal consistency, and retest reliability indicates the validity and reliability of the created questionnaire and provides empirical evidence for the theoretical construct of group responsiveness.*

Conclusions. *The use of the general index of responsiveness as an integral characteristic is justified by highlighting its one-factor structure.*

Keywords: *responsiveness, group, construct validity, content validity, reliability, consistency, weak signals*

For citation: Bazarov, T.Yu., Gasimov, A.F. (2026). Development of the methodology “Method for assessing the quality of personal responsiveness”. *Social Psychology and Society*, 17(2), 202–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170212>

Введение

Описание системы лидерства не теряет своей актуальности и сегодня в связи с усилением разнообразия видов групп, усложнением их деятельности, специфической структурных особенностей, тактик и способов межличностного влияния, условий функционирования социальных объединений, гибкости стиля лидерства, вариативности лидерских задач. В частности, отмечается, что «лидерство синтезирует в себе практически все изменения, происходящие как на уровне личности, так и на уровне общества. Это означает, что спада интереса к данной проблеме ожидать не приходится, а значимость этой проблематики будет только расти» (Филонович, 2003, с. 20).

К новым актуальным управленческим навыкам относят необходимость предугадать изменения и преодолевать пока еще потенциальные проблемы для группы (Базаров, Гасимов, 2025), что согласуется с разрабатываемыми в менеджменте теориями управления по «слабым сигналам». Понятие «слабых сигналов» становится элементом организационного контекста функционирования группы, они воспринимаются в качестве предвестника будущих перемен и угроз внутренней стабильности деятельности группы как психологического субъекта (Laclemence, Richard, Delatour, 2017). К характеристикам «слабого сигнала» относят сложность интерпретации, неожиданность, невероятность и предвосхищение события, требующие организационной бдительности и внимательности, помогающие избежать серьезных ошибок и просчетов (Козлов, Третьяк, 2016; Le Houx, Lhostis, lallement, 2013; Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2008). Хотя важность

профилактики и раннего выявления проблем для предотвращения кризиса в группе традиционно входит в перечень задач антикризисного управления, на современном этапе развития различного типа групп и организаций становится необходимым элементом эффективного и гибкого управления в целом (Базаров, Шевченко, 2012). Существенным вопросом выступают психологические основания выделения субъектом новой, противоречивой информации и обнаружения источника этой информации, в частности, исходя из когнитивных возможностей воспринимающего субъекта (Bédard, Ebrahimi, Saives, 2011). Одним из таких оснований может выступить характеристика отзывчивости личности, способствующая выявлению отдельных противоречий в функционировании группы, которая с позиции социальной психологии одновременно включает когнитивный компонент (внимательность, осознанность), ценностно-смысловой компонент (значимость группы для субъекта), поведенческий компонент (готовность откликнуться).

Постановка проблемы

Рассмотрение когнитивных оснований выделения субъектом неявной информации представлено в разных областях психологической науки. Так, в общей психологии в рамках смысловой теории мышления разработан феномен чувствительности личности к проблеме, предполагающий «способность субъекта к обнаружению и разрешению познавательного противоречия», что определяется ценностно-смысловой характеристикой ситуации встречи субъекта с проблемой (Красноярцева, 2009,

с. 15). Свободная инициация мышления при самопроизвольном переходе личности к мыслительной деятельности вне заданных ситуативных рамок становится формой самореализации личности (Акылбаева, 1999; Бакурова, 2010; Галажинский, 2012 и др.).

В организационной психологии представлена модель экстраролевого поведения сотрудника, предполагающая проявление сверхнормативной активности субъекта труда на основе его идентификации с рабочей группой, лояльности организации (Климов, 2015). Индивидуальная инициатива максимизации личного вклада в эффективность организации может стать основанием внимательности по отношению к состоянию функционирования группы, гражданственности поведения ее участников (Базаров, Штроо, Климов, 2012).

В социально-психологических исследованиях недостаточно полно представлены подходы к обоснованию необходимых для участника группы характеристик, способствующих проявлению подобной чуткости, наблюдательности, внимательности к информации. Одним из возможных качеств члена группы может выступить отзывчивость личности, в классическом понимании (особенно в педагогической и возрастной психологии) трактуемая как эмпатийная готовность прийти на помощь. Отзывчивость активно рассматривается в рамках педагогической психологии и психологии развития в аспекте личностного развития и нравственного воспитания, в основном дошкольников и младших школьников, в частности, эмоциональной отзывчивости на музыкальные, живописные, литературные произведения (Анисимов, 2011;

Вербовская, 2013; Пиджоян, 2023 и др.). Описаны уровни и компоненты эмоциональной отзывчивости ребенка, развитие которых осуществляется через вовлечение его в разные виды художественного творчества (Славская, 2005 и др.).

Предложено несколько методических инструментов выявления отзывчивости в поведении личности. Разработана методика «Шкала сопричастности красоте», измеряющая эстетическое восприятие красоты природы, искусства, идеи и нравственного поведения субъекта, в русскоязычной версии дополненная восприятием красоты техники как части эстетической отзывчивости (Сабадош, 2017). Существует методика «Шкала родительской отзывчивости (ЕСРП)» (Галасюк, Митина, 2020). Среди компонентов отзывчивости как показателя детско-родительского взаимодействия выделены следующие элементы: а) эмоциональный компонент — вербальные и невербальные эмоциональные реакции; б) познавательный компонент — поддержка исследовательской активности ребенка и разделенное внимание; в) физический компонент — отражение, отзеркаливание действий ребенка и синхронность, близость действий родителя и ребенка; г) действенный компонент — совместная деятельность, коммуникация и реакция родителей на потребности ребенка.

Нам представляется, что отзывчивость члена группы в организационной психологии включает не только эмоциональный отклик, но и когнитивный компонент — способность замечать «слабые сигналы». В данном исследовании задача состояла не в противопоставлении нашего понимания феномена отзывчивости традиционному, а в расширении этого

понятия применительно к организационному контексту и феномену лидерства при его операционализации для нового класса задач – антиципации групповых кризисов. Отзывчивость личности по отношению к группе рассматривается нами как интегральная характеристика, проявляющаяся в сфокусированном внимании субъекта на содержании совместной деятельности, межличностных отношениях и собственной роли в группе с целью раннего обнаружения противоречий в ее функционировании.

В рамках социально-психологического изучения лидерства отзывчивость включена в перечень индивидуально-личностных и профессионально важных качеств лидера для осуществления продуктивного взаимодействия с последователями с целью эффективного решения групповой задачи (Глазов, 2017; Виханский, Катлевский, 2024; Мажженов, 2021; Rouleau, 2015; Sumanasiri, 2020; Yamabe, 2025 и др.). В современных организационных условиях лидерская позиция не закреплена жестко за формальной ролью, поэтому разрабатываемая методика ориентирована на оценку качества любого члена группы, обладающего лидерским потенциалом. Ценной характеристикой лидера становится его внимательное отношение к самому себе и к окружению в данный момент времени функционирования организации, что позволяет замечать небольшие изменения и своевременно реагировать на них.

В психологической литературе предложены на сегодняшний день ряд диагностических инструментов для определения внимательности, целью которых выступает выявление особенностей внимательного присутствия личности в ситуации

без ее последующей оценки, конкретизируемого в феномене Mindfulness (Brown, Ryan, 2003). В частности, «Пятифакторный опросник осознанности (FFMQ)», нацеленный на измерение пяти аспектов этого психологического конструкта, таких как наблюдение за внешним и внутренним опытом, описание в словах этого опыта, осознанность действий, безоценочность и нереагирование на появляющиеся мысли (Юмартова, Гришина, 2016). Вариантом адаптации на русский язык Mindful Attention Awareness Scale (MAAS) является разработка «Опросника внимательности и осознанности», направленного на определение полноты сознания субъекта (Голубев, 2012). Обоснована «Методика оценки осознанного присутствия (МООП)», позволяющая описывать процесс саморегуляции внимания через непосредственность получаемых впечатлений, обеспечивая личности непрерывность отслеживания своих мыслей, чувств и ощущений (Митина, Леонтьев, Александрова, Костенко, Кошелева, 2021). Оценки внимательности и осознанности личности являются объектом в «Шкале осознания настоящего момента (РМАQ)», рассматриваемым в качестве фактора здоровой и счастливой жизни личности (Елшанский, Ануфриев, Камалетдинова, Сапарин, Семенов, 2016; Atkinson, 2011). Помимо индивидуальной осознанности предложен инструментарий для исследования групповой осознанности, например, «Методика групповой осознанности» (Багратиони, 2017; Багратиони, Волков, Прилипко, Урвачев, 2022).

Однако, несмотря на разнообразие методик выявления близких, но не идентичных содержательных категорий феномена отзывчивости в разных

аспектах и областях психологического знания, недостаточно разработаны методические средства для оценки выраженности отзывчивости личности на группу (Responsiveness) как интегрального качества субъекта, несводимого к обсуждаемым выше показателям, что повлекло за собой необходимость специальной разработки самостоятельного диагностического инструментария.

Отзывчивость как системное качество личности включает следующую иерархию конструкторов: базовый уровень — внимательность (способность фиксировать детали, «слабые сигналы»); интегративный уровень — отзывчивость, которая включает не только восприятие (внимательность), но и готовность реагировать на замеченные противоречия в интересах группы.

Целью данной статьи является описание разработки и психометрической проверки авторского инструмента измерения внимательности члена группы к процессам ее функционирования как когнитивно-перцептивного уровня отзывчивости личности по отношению к группе, который должен соответствовать требованиям содержательной, дискриминантной валидности, а также внутренней согласованности.

Последовательность разработки авторской методики, этапы сбора данных и выборка

Процедура разработки и психометрической проверки методики включала ряд последовательных этапов. Первоначально было проведено исследование особенностей понимания феномена отзывчивости лидера, участниками которого стали 70 руководителей современных органи-

заций. Содержание деятельности респондентов связано со сферами образования, производства, логистики, транспортом, психологией, гостиничным делом, оказанием жилищно-коммунальных услуг. Целью пилотажного исследования стало выявление ассоциаций на слово-стимул «отзывчивое лидерство» с последующим выделением содержательных категорий и частотным их распределением. Были сформулированы пункты методики на основании разработанных маркеров отзывчивости личности к группе, которые выступили основой для подбора индикаторов аспектов отзывчивости члена группы по отношению к своей социальной общности: совместная деятельность группы, межличностные отношения в группе, я как член группы.

Для оценки содержательной валидности пунктов методики был осуществлен экспертный опрос 16 экспертов — кандидатов и докторов наук в области социальной и организационной психологии, а также руководителей структурных подразделений частных и государственных предприятий с последующим вычислением коэффициента конкордации Кендалла. Экспертам предлагалось оценить соответствие утверждений исследуемой проблематике через отнесение пунктов опросника к трем сферам отзывчивости на группу, а также однозначность и непротиворечивость формулировок утверждений по пятибалльной шкале, где 1 — полностью не соответствует, а 5 — полностью соответствует. Процедура экспертного опроса была осуществлена в ходе двух стадий.

На следующем этапе была осуществлена психометрическая оценка методики на выборке из 762 респондентов, половозрастной состав которых отражен в

Приложении В, табл. В1. По уровню образования респонденты распределились следующим образом (см. Приложение В, табл. В2). Отбор респондентов был осуществлен с учетом пола, трудоспособного возраста, уровня образования, а также наличия опыта работы. Все респонденты на момент исследования продолжали профессиональную деятельность. Важно отметить, что, несмотря на количественное преобладание женщин, последующее применение статистических тестов (проверка распределения, факторный анализ, альфа Кронбаха) проводилось на общей выборке, и влияние пола на внутреннюю структуру методики не было выявлено как критическое. В то же время разница в мужской и женской компонентах выборки может быть рассмотрена в качестве ограничения данного исследования, что требует уточнения в дальнейшем.

Материалы и методы

Сбор данных относительно отзывчивости личности по отношению к группе осуществлялся с помощью методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)». Респонденты выражали степень своего согласия с утверждениями по пятибалльной шкале Р. Ликерта, от «Совершенно не согласен» — 1 балл до «Полностью согласен» — 5 баллов.

С целью проверки конструктивной валидности разрабатываемой авторской шкалы использовались две методики. «Методика оценки осознанного присутствия (МООП)» (K.W. Brown, R.M. Ryan), адаптация О.В. Митиной, Д.А. Леонтьева, Л.А. Александровой, В.Ю. Костенко, Н.В. Кошелевой (Митина, Леонтьев, Александрова, Костенко, Кошелева, 2021; Brown, Ryan, 2003).

Методика включает в себя 15 пунктов, описывающих единую шкалу осознанного присутствия личности, утверждения которой распределяются по блокам «Деавтоматизация», «Сосредоточенность» и «Распределенность внимания». Респондентам предлагается оценить свои повседневные переживания по шкале от 1 до 6 баллов на основании частоты испытываемых описанных в утверждении ощущений. Сумма полученных баллов свидетельствует об уровне осознанного присутствия личности.

Методика «Групповая осознанность в организации» состоит из 20 пунктов, распределенных на 5 блоков: «Сосредоточенность сотрудников на ошибках», «Отказ от упрощений» при анализе проблемных ситуаций в команде, «Внимательность к бизнес-процессам» в организации при своевременности управления рисками, «Устойчивость» сотрудников как их готовность вносить вклад в адаптацию организации к непредвиденным обстоятельствам, а также «Децентрализация процессов принятия решений» через перенос ответственности за организацию в пользу наиболее опытного сотрудника, а не наиболее статусного по должности (Багратиони, 2017; Ray, Baker, Plowman, 2011). Респонденты должны выразить степень согласия с утверждениями относительно команды сотрудников-коллег, с которыми респондент взаимодействует при решении профессиональных задач по шкале от 1 балла — «совершенно не согласен» до 5 баллов — «полностью согласен».

Результаты

Анализ результатов осуществленного пилотажного исследования 70 руководителей организаций различной професси-

ональной направленности относительно их представлений об отзывчивости лидера в группе позволил выявить ключевой элемент образа отзывчивого лидера в восприятии руководителей организации, которым стала характеристика его внимательности. Далее было изучено, кто или что выступает фокусом внимания отзывчивого лидера. В 46% ответов объектом внимания выступает решение поставленной перед группой задачи. Внимание к условиям функционирования группы конкретизировано в таких характеристиках, как «предусмотрительность», «дальновидность», «наблюдательность». В 34% ответах фокус внимания отзывчивого лидера определяется личностью сотрудников и подтверждается такими характеристиками, как «проницательность», «душевность», «предупредительность». Для 20% респондентов объектом внимательности стала решаемая группой задача, содержание совместной деятельности, что было конкретизировано признаками «прогностичность», «догадливость», «осмотрительность».

Интересно, что при ответе на дополнительный вопрос о способностях, необходимых для рачительного отношения и сбережения персонала организаций, 77% участников исследования предложили параметр отзывчивости лидера. Этот факт убедительно подтверждает необходимость диагностики феномена отзывчивости членов группы и уточнения ее аспектов, которые определялись теоретическими рамками описания направленности лидерской активности (на задачу и на межличностные отношения в группе), а также понятием лидерского потенциала как оценки личностью себя в качестве возможного лидера в группе.

На первом этапе разработки методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)» был создан пул утверждений, сформулированных на основании выделения маркеров трех аспектов отзывчивости на группу. Каждый пункт опросника представлял собой утверждение, степень своего согласия с которым участники исследования должны были оценить по шкале от «Совершенно не согласен» до «Полностью согласен», выбрав один из предложенных вариантов: «Совершенно не согласен» — 1 балл, «Скорее согласен» — 2 балла, «Затрудняюсь ответить» — 3 балла, «Скорее согласен» — 4 балла и «Полностью согласен» — 5 баллов. Первоначальный вариант авторской методики содержал 66 утверждений, распределенных по трем шкалам в соответствии с теоретической моделью отзывчивости личности на группу.

Результаты экспертного опроса, направленного на оценку содержательной валидности методики и вычисление коэффициента конкордации Кендалла, продемонстрировали, что в ходе первой стадии экспертного опроса, в котором приняло участие 9 экспертов, анализ согласованности ответов позволил исключить пункты методики, по которым средний балл был менее 4, а также были скорректированы некоторые формулировки с учетом рекомендаций экспертов. В итоге из перечня пунктов методики были исключены 16 утверждений. Это позволило достичь большего соответствия методики исследуемой проблематике. Далее была проведена повторная экспертная оценка, в которой приняли участие 7 экспертов. Выявлен высокий уровень согласованности мнений экспертов относительно всех пунктов методики ($W = 0,681$). По ито-

гам экспертного анализа в методике были оставлены 50 пунктов.

Для определения согласованности суждений для понимания единства измеряемого психологического параметра был подсчитан коэффициент альфа Кронбаха, величина которого составила $\alpha = 0,924$. Были определены вопросы, изъятие которых могло бы увеличить показатель данного коэффициента и усилить надежность входящих в методику пунктов. В результате были исключены 6 вопросов. После этого были определены утверждения методики, которые при удалении не снижают общий показатель коэффициента альфа Кронбаха, а их исправленная корреляция поэлементно с итоговой величиной оказалась ниже 0,4. Поэтому было принято решение исключить эти пункты из методики. Таким образом, итоговый показатель коэффициента альфа Кронбаха составил $\alpha = 0,938$ (Приложение В, табл. В3). После проверки данных на нормальность распределения, полученных на выборке из 762 респондентов, с использованием показателя асимметрии ($-0,157$), а также отношения асимметрии и эксцесса к их стандартным ошибкам ($-1,164$ и $0,536$ соответственно) можно говорить о нормальности распределения исследуемого параметра (Наследов, 2012). Поэтому для исследования дискриминативности методики был использован параметрический коэффициент корреляции Пирсона. Выявлена значимая корреляция всех пунктов методики между собой при $p \leq 0,01$, что свидетельствует о тенденции зависимости ответов по пунктам между собой и достаточной дискриминативности всех пунктов авторской методики.

Был проведен анализ половых различий в ответах респондентов (Приложе-

ние В, табл. В4). Использование t-критерия Стьюдента подтвердило отсутствие статистически значимых различий у респондентов-мужчин и респондентов-женщин (асимптотическая значимость = $0,178$). Эксплораторный факторный анализ показателей по параметрам методики продемонстрировал: «Внимание к содержанию групповой деятельности» (факторная нагрузка – $0,892$), «Внимание к межличностным отношениям в группе» (факторная нагрузка – $0,864$), «Внимание к себе в группе» (факторная нагрузка – $0,860$). Обнаружено, что три параметра проявления отзывчивости на группу объединяются в один компонент, объясняющий 76% результатов. Изучение корреляции измеренных вопросов, образующих элементы отзывчивости, между собой показало их высокую статистически значимую связь (по коэффициенту Спирмена). А именно: между элементами наблюдательности к задаче и к межличностным отношениям $P_0 = 0,723$ при $p \leq 0,001$; между наблюдательностью к задаче и к себе $P_0 = 0,743$ при $p \leq 0,001$; между наблюдательностью за собой как членом группы и межличностными отношениями в ней $P_0 = 0,729$ при $p \leq 0,001$. Столь высокая корреляция аспектов отзывчивости может свидетельствовать об объединении переменных в один фактор. Таким образом, в модели опросника выявлен один фактор, описывающий интегральную характеристику отзывчивости личности.

Для проверки выявленной однофакторной модели был осуществлен конфирматорный факторный анализ (КФА) с использованием программы Jamovi, основные критерии которого показали противоречивое соответствие теоретической модели эмпирическим данным ($CFI = 0,784$; $SRMR = 0,059$).

Обсуждение результатов

Однофакторная теоретическая модель изучаемого конструкта показывает хорошую структуру в ЭФА, но недостаточное соответствие в КФА (CFI – недостаточный, а SRMR – приемлемый), так как авторский опросник содержит много содержательно разнородных пунктов, для анализа которых мог бы подойти метод эксплораторного структурного моделирования (ESEM) (Xiao, Liu, Hsu, 2019), проведение которого рассматривается как перспектива дальнейшего изучения.

В заключительный вариант вошли 39 пунктов, отражающих аспекты проявления отзывчивости на группу исходя из фокуса сосредоточения внимания субъекта: «Внимательность к содержанию групповой деятельности» (14 пунктов), «Внимательность к межличностным отношениям в группе» (15 утверждений), «Внимательность к себе в группе» (10 пунктов), каждая из которых, являясь элементами отзывчивости личности, не существуют отдельно, а выступают как единое целое процесса ее проявления во внутригрупповом общении.

Для определения конструктивной валидности были подсчитаны корреляции, полученные по показателям авторской методики и шкалам «Методики оценки осознанного присутствия (МООП)», а также методики оценки «Групповой осознанности в организации», с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В целом выявлена значимая, но слабая связь компонентов авторской методики со шкалами двух других методик при уровне значимости $p \leq 0,01$. Феномены отзывчивости, осознанности на индивидуальном и групповом уровнях являются семантически близкими, но не

идентичными психологическими характеристиками. На это указывает величина коэффициента корреляции Спирмена, не превышавшая по всем, кроме одного показателя в 0,213, уровня коэффициента в 0,17. Обнаруженная слабая связь свидетельствует о том, что разрабатываемая авторская методика направлена на выявление несхожих с двумя существующими методиками аспектов внимательности и осознанного присутствия. Обратимся к анализу взаимосвязей, выявленных между показателями, отражающими различные аспекты осознанности по «Методике оценки осознанного присутствия» и методике «СОКОЛ». Учитывались показатели общей шкалы осознанного присутствия, включающей в себя дезавтоматизацию собственных действий и сосредоточенности на них, а также распределенность внимания. Фокус внимания сосредоточенности и внимательности в данной методике направлен на субъекта, выполняющего определенные действия в данный момент времени. Фокус внимательности и сосредоточенности в авторской методике направлен вовне, на группу, реализуемую в группе задачу совместной деятельности, характер межличностных отношений коллег и самого себя как участника группового взаимодействия. При этом, действительно, сосредоточенность на отдельных компонентах функционирования группы предполагает полноту внимания на этих объектах.

Методика «Групповая осознанность в организации» в целом направлена на выделение общей групповой характеристики, складывающейся из ответов всех сотрудников. Авторская методика ставит задачу оценки способности члена группы подмечать и выделять отдельные

аспекты группового функционирования как отклик, чуткость к происходящим в группе процессам. Субшкала «Сосредоточенность на ошибках» направлена на измерение процесса управления рисками через активность в поиске ошибок. Внимательность к деталям может сближать данный аспект с отзывчивостью на группу, что обосновывает обнаруженную слабую связь показателей обеих методик. Шкала «Отказ от упрощений» предполагает стремление сотрудников ставить под сомнение известные способы решения задачи в условиях внутригруппового доверия и поддержки руководства. Данный аспект не измеряется в методике «Способ оценки качества отзывчивости личности».

Содержание вопросов по субшкале «Внимательность к бизнес-процессам» связано с описанием условий понимания текущего состояния организации всеми сотрудниками и их осведомленности о том, что происходит. Отзывчивость на группу предполагает внимательность к проблемным точкам организационного функционирования, но не в групповом, а в индивидуальном формате. Субшкала «Устойчивость» раскрывает возможность организации адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам. Отзывчивость направлена на обнаружение потенциальной склонности сотрудника сохранять индивидуальную устойчивость в пока неявной для группы проблемной ситуации. Наконец, субшкала «Децентрализация принятия решений» выявляет динамику центров принятия решений в организации. Методика «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)» не содержит утверждений, содержание которых нацелено на

оценку характеристик процесса принятия группового решения.

Результаты позволяют утверждать, что внимательность как проявление отзывчивости, выявляемая с помощью авторской методики «СОКОЛ», имеет собственную специфику диагностики этого феномена. На основе выделенных показателей авторской методики была осуществлена проверка тест-ретестовой надежности, которая была реализована на подгруппе испытуемых через 10 недель после первоначального заполнения анкеты. В состав выборки были включены 75 респондентов из той же группы участников исследования (40 женщин — 54%, 35 мужчин — 46%). Возраст респондентов варьировал от 24 лет до 56 лет, средний возраст составил 41 год. Применение коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволило сделать вывод о наличии высокой ретестовой надежности ($P_0 = 0,745$ при $p \leq 0,001$).

Таким образом, данные, полученные в ходе психометрической оценки методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)», свидетельствуют о ее надежности, согласованности и валидности. На следующем этапе была представлена описательная статистика разработанного методического инструмента (Приложение В, табл. В5). Итак, для выявления когнитивно-перцептивного уровня как основы для проявления отзывчивости личности на группу, выражающегося во внимании к деловой и межличностной сфере группового функционирования при непосредственном участии в них, разработана авторская методика «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)», включающая 39 пунктов (Приложение А).

Заключение

В статье описана последовательность разработки и психометрической проверки методики «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)». Оценка факторной структуры, содержательной и конструктивной валидности, внутренней согласованности авторского инструментария, подсчет ретестовой надежности позволяют говорить о валидности и надежности предлагаемого опросника и являются эмпирическим подтверждением теоретического конструкта отзывчивости на группу.

Показано, что использование общего суммарного показателя отзывчивости в аспектах внимательности к содержанию совместной деятельности группы, межличностным отношениям и к себе как члену группы, как интегральной характеристики субъекта, обосновано. Параметры отзывчивости личности на группу могут быть использованы в практической деятельности социального психолога с целью более глубокого понимания ключевых аспектов проявления отзывчивости и дифференцированного вклада отдельных компонентов в интегральное качество индивидуальной отзывчивости в контексте группового функционирования, а также могут быть учтены при анализе различных аспектов взаимодействия личности и группы в разнообразных профессиональных сферах.

В современной организационной психологии (в частности, в теориях распределенного лидерства и лидерства в самоуправляемых командах) лидерская позиция не закреплена жестко за формальной ролью. Отзывчивость как качество может быть

распределена среди членов группы. Разработанная методика может применяться для оценки лидерского потенциала рядовых сотрудников, поскольку способность замечать изменения в группе и реагировать на них — это предиктор выдвижения в неформальные лидеры.

Дальнейшая проверка методики возможна через уточнение ее надежности и валидности на более сбалансированных по полу выборках в организациях с разными структурными особенностями, формами реализации профессиональной активности, в частности, удаленно-го и гибридного характера организации труда, а также потенциала снижения влияния специфики количества вопросов в методике для разработки, наряду с полным вариантом опросника, более короткой, сокращенной версии с проверкой ее психометрических данных на других выборках.

Ограничения. К ограничениям нашего исследования можно отнести выборку, составленную только из сотрудников организации без привлечения руководителей. Не была прослежена динамика проявления отзывчивости в зависимости от содержания и форм организации совместной деятельности, а также таких характеристик группы, как ее структура, особенности групповой атмосферы и стиль руководства.

Limitations. Limitations of our study include the fact that the sample consisted solely of employees, without involving managers. We were unable to track the dynamics of responsiveness based on the content and forms of cojoint activities, nor on group characteristics such as structure, group atmosphere, and leadership style.

Список источников / References

1. Акылбаева, Г.Ж. (1999). *Особенности чувствительности к проблемам у людей с выраженными специальными способностями*. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. Барнаул. Akylbaeva, G.Zh. (1999). *Features of sensitivity to problems in people with pronounced special abilities*. Abstract of dissertation of candidate of psychological sciences. Barnaul. (In Russ.).
2. Анисимов, В.П. (2011). Эмоциональная отзывчивость как предмет компетенции арт-педагога. *Фундаментальные исследования*, 8-3, 496–499. Anisimov, V.P. (2011). Emotional responsiveness as a subject of art teacher's competence. *Fundamental research*, 8-3, 496–499. (In Russ.).
3. Багратиони, К.А. (2017). Социально-психологическая обусловленность групповой осознанности в организации. *Организационная психология*, 7(3), 8–36. Bagrationi, K.A. (2017). Social and psychological determinacy of group awareness in the organization. *Organizational psychology*, 7(3), 8–3. (In Russ.).
4. Багратиони, К.А., Волков, О.С., Прилипко, А.Г., Урвачев, С.А. (2022). Сопротивление цифровой трансформации компании: роль социального капитала. *Труды Института системного анализа РАН*, 72(1), 15–25. DOI:10.14357/20790279220102 Bagrationi, K.A., Volkov, O.S., Prilipko, A.G., Urvachev, S.A. (2022). Resistance to the digital transformation of a company: the role of social capital. *Proceedings of the Institute of Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences*, 72(1), 15–25. DOI:10.14357/20790279220102 (In Russ.).
5. Базаров, Т.Ю., Гасимов, А.Ф. (2025). Основания динамики современных представлений о стилях лидерства в группе. *Человеческий капитал*, 2(194), 25–34. Bazarov, T.Y., Gasimov, A.F. (2025). Foundations of the dynamics of modern ideas about leadership styles in a group. *Human capital*, 2(194), 25–34. (In Russ.).
6. Базаров, Т.Ю., Шевченко, Ю.С. (2012). Особенности изменения индивидуальных решений в ходе групповой дискуссии в виртуальных группах. *Вестник Московского университета*. Серия 14. Психология, 1, 106–114. Bazarov, T.Y., Shevchenko, Y.S. (2012). Features of Change in Individual Decisions during Group Discussion in Virtual Groups. *Bulletin of Moscow University*. Series 14. Psychology, 1, 106–114. (In Russ.).
7. Базаров, Т.Ю., Штроо, В.А., Климов, А.А. (2012). Организация сквозь призму индивидуальности. *Организационная психология*, 4, 68–70. Bazarov, T.Y., Shtroo, V.A., Klimov, A.A. (2012). Organization through the prism of individuality. *Organizational psychology*, 4, 68–70. (In Russ.).
8. Бакурова, О.Н. (2010). *Развитие чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении учебных задач с профессиональным содержанием*. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. Брянск. Vakurova, O.N. (2010). *Developing sensitivity to the problem of psychology students in solving educational problems with professional content*. Abstract of diss. candidate of psychological sciences. Bryansk. (In Russ.).
9. Вербовская, В.С. (2013). Эмоциональная отзывчивость: содержание и структура понятия. *Вестник Нижневартковского государственного университета*, 4, 74–78. Verbovskaya, V.S. (2013). Emotional responsiveness: content and structure of the concept. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 4, 74–78. (In Russ.).
10. Виханский, О.С., Катлевский, Л.Ю. (2024). *Возрастающая отдача в бизнесе: стратегии управления высокотехнологичными компаниями*. М.: Магистр.

- Vikhanskiy, O.S., Katlevskiy, L.Y. (2024). *Increasing returns in business: management strategies for high-tech companies*. Moscow: Magister. (In Russ.).
11. Галажинский, Э.В. (2012). *Детерминация и направленность самореализации личности*. Томск, Изд-во Томск. ун-та.
Galazhinskiy, E.V. (2012). *Determining and directing self-realization of the individual*. Tomsk, Tomsk University Publishing House. (In Russ.).
 12. Галасюк, И.Н., Митина, О.В. (2020). Взаимодействие родителя с ребенком раннего возраста: структура и динамика родительской отзывчивости. *Культурно-историческая психология*, 16(4), 12–22. DOI:10.17759/chp.2020160408
Galasyuk, I.N., Mitina, O.V. (2020). Interaction of a parent with a young child: the structure and dynamics of parental responsiveness. *Cultural-historical psychology*, 16(4), 12–22. DOI:10.17759/cpp.2021290206 (In Russ.).
 13. Глазов, А.Ю. (2017). Лидер как транслятор этических принципов в менеджменте. *Вестник РУДН. Серия Философия*, 21(3), 407–410. DOI:10.22363/2313-2302-2017-21-3-407-410
Glazov, A.Y. (2017). Leader as a Translator of Ethical Principles in Management. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Philosophy Series*, 21(3), 407–410. DOI:10.22363/2313-2302-2017-21-3-407-410 (In Russ.).
 14. Голубев, А.М. (2012). Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности MAAS. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*, 6(2). <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/3365>.
Golubev, A.M. (2012). The nature of full consciousness. Adaptation of the MAAS questionnaire of mindfulness and awareness. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology*, 6(2). <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/3365>. (In Russ.).
 15. Елшанский, С.П., Ануфриев, А.Ф., Камалетдинова, З.Ф., Сапарин, О.Е., Семенов, Д.В. (2016). Психометрические показатели русскоязычной версии шкалы осознания настоящего (текущего) момента М. Аткинсона. *Alma mater (Вестник высшей школы)*, 3. DOI:10.20339/AM.03-16.043 <https://almavest.ru/ru/archive/1543/3407>.
Yelshanskiy, S.P., Anufriyev, A.F., Kamaletdinova, Z.F., Saparin, O.Y., Semenov, D.V. (2016). Psychometric indicators of the Russian-language version of M. Atkinson's scale of awareness of the present (current) moment. *Alma mater. Bulletin of Higher School*, 3. DOI:10.20339/AM.03-16.043 <https://almavest.ru/ru/archive/1543/3407>. (In Russ.).
 16. Климов, А.А. (2015). *Идентификация с организацией и рабочей группой как фактор экстраролевого поведения работника*: автореф. дисс. ... канд. психол. н. Москва.
Klimov, A.A. (2015). *Identification with the organization and work group as a factor in extra-role behavior of an employee*. Abstract of diss. candidate of psychological sciences. Moscow. (In Russ.).
 17. Краснорядцева, О.М. (2009). Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности. *Сибирский психологический журнал*, 33, 13–18.
Krasnoryadtseva, O.M. (2009). Sensitivity to problems as a characteristic of the individual's innovative potential. *Siberian Psychological Journal*, 33, 13–18. (In Russ.).
 18. Козлов, В.А., Третьяк, В.П. (2016). Место теории слабых сигналов в технологии Форсайта. *Отраслевые рынки*, 5-6(44). http://www.virtass.ru/admin/pics/31-01_IO.pdf.
Kozlov, V.A., Tretyak, V.P. (2016). The Place of Weak Signal Theory in Foresight Technology. *Industry markets*, 5-6(44). http://www.virtass.ru/admin/pics/31-01_IO.pdf. (In Russ.).
 19. Мажженов, С.А. (2021). Ценностно-целевая модель лидерства. *Лидерство и менеджмент*, 8(1), 31–52. DOI:10.18334/lim.8.1.111362

- Mazhkenov, S.A. (2021). Value-target model of leadership. *Leadership and Management*, 8(1), 31–52. DOI:10.18334/lim.8.1.111362 (In Russ.).
20. Митина, О.В., Леонтьев, Д.А., Александрова, Л.А., Костенко, В.Ю., Кошелева, Н.В. (2021). Осознанность в структуре саморегуляции: структура и психодиагностические возможности методики оценки осознанного присутствия. *Психологические исследования*, 14(76). DOI:10.54359/ps.v14i76.140 <http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n76/1861-mitina76.html>.
- Mitina, O.V., Leont'yev, D.A., Aleksandrova, L.A., Kostenko, V.Y., Kosheleva, N.V. (2021). Mindfulness in the structure of self-regulation: structure and psychodiagnostic capabilities of the method for assessing conscious presence. *Psychological research*, 14(76). DOI:10.54359/ps.v14i76.140 <http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n76/1861-mitina76.html>. (In Russ.).
21. Наследов, А.Д. (2012). *Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных*. СПб.: Речь.
- Nasledov, A.D. (2012). *Mathematical methods of psychological research: data analysis and interpretation*. S-Pb.: Rech. (In Russ.).
22. Пиджоян, Л.А. (2023). К проблеме развития эмоциональной отзывчивости дошкольника на музыкальных занятиях в детском саду. *Тенденции развития науки и образования*, 96–99. DOI:10.18411/trnio-09-2023-24 <https://doicode.ru/doifile/lj/101/trnio-09-2023-24.pdf>.
- Pidzhoyan, L.A. (2023). On the Problem of Developing Preschooler's Emotional Responsiveness during Music Lessons in Kindergarten. *Trends in the development of science and education*, 96–99. <https://doicode.ru/doifile/lj/101/trnio-09-2023-24.pdf>. (In Russ.).
23. Сабадош, П.А. (2017). Русская версия шкалы сопричастности красоте EBS (The engagement with beauty scale): многочертная-многометодная модель. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 1, 7–21. DOI:10.17323/1813-8918-2017-1-7-21
- Sabadosh, P.A. (2017). Russian version of the engagement with beauty scale (EBS): a multi-trait, multi-method model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 7–21. DOI:10.17323/1813-8918-2017-1-7-21 (In Russ.).
24. Славская, А.В. (2005). *Развитие эмоциональной отзывчивости у младших школьников в процессе обучения игре на фортепиано*: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар.
- Slavskaya, A.V. (2005). *Development of emotional responsiveness in primary school students in the process of learning to play the piano*: author's abstract: Abstract of diss. candidate of pedagogical sciences. Krasnodar. (In Russ.).
25. Филонович, О.В. (2003). Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы. *Российский журнал менеджмента*, 2, 3–24.
- Filonovich, O.V. (2003). Leadership Theories in Management: History and Prospects. *Russian Journal of Management*, 2, 3–24. (In Russ.).
26. Юмартова, Н.М., Гришина, Н.В. (2016). Осознанность (Mindfulness): Психологические характеристики и инструменты измерения. *Психологический журнал*, 37(4), 105–115.
- Yumartova, N.M., Grishina, N.V. (2016). Mindfulness: Psychological characteristics and measurement tools. *Psychological journal*, 37(4), 105–115. (In Russ.).
27. Atkinson, M.G. (2011). *True Happiness. Your Complete Guide to Emotional Health*. London: Piatkus.
28. Bédard, M.G., Ebrahimi, M., Saives, A.-L. (2011). *La socié t l 're du savoir*. Montréal: Ed. C. Éducation.
29. Brown, K.W., Ryan, R.M. (2003). The benefits of being present: Mindfulness and its role in psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(4), 822–848. DOI:10.1037/0022-3514.84.4.822

30. Laclemece, P., Richard, P.-H., Delatour, G. (2017). *Sécurité globale, anticipation, initiative: le rôle des signaux faibles*. <https://www.geostrategia.fr/securite-globale-anticipation-initiative-le-role-des-signaux-faibles/>.
31. Le Houx, G., Lhostis, A., Lallement, G. (2013). *Alerte et signaux faibles*. Paris: Conseil général de l'environnement et du développement durable.
32. Ray, J.L., Baker, L.T., Plowman, D.A. (2011). Organizational mindfulness in business schools. *Academy of Management Learning & Education*, 10, 188–203.
33. Rouleau, V. (2015). *La flexibilité du leadership et ses relations avec la présence attentive et les facteurs de personnalité conscience et ouverture*. Mémoire de la thèse de de la maîtrise en sciences de la gestion. Montréal.
34. Sumanasiri, E.G. (2020). Value-based organisational leadership: A literature review. *Journal of Economics, Management and Trade*, 26(4), 92–104. DOI:10.9734/jemt/2020/v26i430259
35. Weick, K.E., Sutcliffe, K.M., Obstfeld, D. (2008). Organizing for high reliability: Processes of collective mindfulness. *Crisis management*, 3, 81–123.
36. Xiao, Y., Liu, H., Hau, K-T. (2019). A Comparison of CFA, ESEM, and BSEM in Test Structure Analysis, Structural Equation Modeling. *A Multidisciplinary Journal*, 1–13. DOI:10.1080/10705511.2018.1562928 <https://www.sci-hub.ru/10.1080/10705511.2018.1562928>
37. Yamabe, M. (2025). *Pursuing responsiveness at the frontline of social service delivery: Dilemmas and improvisations in organizational deliberations*. Social Policy Association and East Asian Social Policy Research Network Joint Annual Conference. UK: University of York. https://www.researchgate.net/publication/393479967_Pursuing_responsiveness_at_the_frontline_of_social_service_delivery_Dilemmas_and_improvisations_in_organizational_deliberations

Приложение / Appendix

Приложение А. Методика «Способ оценки качества отзывчивости личности (СОКОЛ)»

Appendix A. Method for assessing the quality of personal responsiveness

ИНСТРУКЦИЯ: Пожалуйста, оцените степень вашего согласия с представленными ниже утверждениями. Необходимо выбрать один вариант ответа в соответствии со шкалой.

- 1 – совершенно не согласен
- 2 – скорее не согласен
- 3 – затрудняюсь ответить
- 4 – скорее согласен
- 5 – полностью согласен

Утверждения	Оценка				
1) Я замечаю ошибку в действиях коллеги до того, как это создаст проблемы в работе	1	2	3	4	5
2) Я могу выделить индикаторы успешности выполняемой в подразделении работы	1	2	3	4	5
3) Мне легко оценить степень завершенности работы	1	2	3	4	5

Утверждения	Оценка				
4) В ситуации организационных изменений я могу определить отдельные этапы их внедрения	1	2	3	4	5
5) У меня получается фиксировать начало изменений в организации до того, как о них официально сообщат	1	2	3	4	5
6) Когда наше подразделение сталкивается с проблемой, я стараюсь выявить сущность этой проблемы	1	2	3	4	5
7) Когда ставится новая задача, я могу с высокой долей вероятности сказать, насколько эффективно она будет решена	1	2	3	4	5
8) Я могу детально описать рабочую обстановку	1	2	3	4	5
9) Я знаю, какими способами будет решаться поставленная перед подразделением задача	1	2	3	4	5
10) Я могу назвать факторы, которые больше всего сказываются на эффективности работы моего подразделения	1	2	3	4	5
11) Я могу выделить ошибку в решении рабочих задач до того, как ее заметит руководитель	1	2	3	4	5
12) Если на работе возникают сложности при решении профессиональных задач, я заранее могу сказать, каким образом эти сложности будут разрешаться	1	2	3	4	5
13) Я замечаю, когда рабочие задачи выполняются другими в спешке	1	2	3	4	5
14) Мне понятны принципы принятия профессиональных решений в моей организации	1	2	3	4	5
15) Я обращаю внимание на перемены настроений коллег, еще не зная, что с ними случилось	1	2	3	4	5
16) Коллеги говорят, что со мной можно поделиться своими личными переживаниями	1	2	3	4	5
17) Для меня важно поддерживать начинания моих коллег	1	2	3	4	5
18) Я поддерживаю коллег в сложных ситуациях	1	2	3	4	5
19) Я хорошо знаю сильные и слабые стороны моих коллег	1	2	3	4	5
20) Я могу предугадать, как поведут себя мои коллеги в непредвиденной ситуации на работе	1	2	3	4	5
21) Я замечаю в своих коллегах то, что не видят другие	1	2	3	4	5
22) Я чувствую, когда перед моими коллегами ставят больше задач, чем они могут решить	1	2	3	4	5
23) Мне не составит труда назвать коллег, которые пользуются большей популярностью, чем другие сотрудники	1	2	3	4	5
24) Еще до начала обсуждения рабочих вопросов я знаю, кто из коллег будет активно участвовать, а кто будет отмалчиваться	1	2	3	4	5
25) Я могу сказать, во имя чего работает каждый из моих коллег	1	2	3	4	5
26) Я могу сказать, к чему стремятся в работе мои коллеги	1	2	3	4	5
27) Мне не составляет труда замечать малейшие изменения в эмоциональном настрое коллег	1	2	3	4	5

Утверждения	Оценка				
	1	2	3	4	5
28) В ситуации конфликта на работе я знаю, как каждый из коллег будет себя вести	1	2	3	4	5
29) Я могу назвать характеристики моих коллег, которые делают их незаметными	1	2	3	4	5
30) Мне нравится находить нестандартные решения	1	2	3	4	5
31) Конструктивную критику в свой адрес я воспринимаю как важный и полезный для себя опыт	1	2	3	4	5
32) Я знаю, как мой индивидуальный вклад как сотрудника влияет на общий результат	1	2	3	4	5
33) На работе у меня возникает ощущение, что что-то пошло не так, еще до того, как это заметят начальство и коллеги	1	2	3	4	5
34) Когда я вижу, что на работе начинается происходить что-то не то, у меня возникает желание разобраться, в чем дело	1	2	3	4	5
35) Если у нашего подразделения возникают трудности, что-то не получается, то я стремлюсь к продуктивному обсуждению сложившейся ситуации	1	2	3	4	5
36) Когда я ошибаюсь на работе, я пытаюсь понять, что привело к этому, чтобы избежать повторения	1	2	3	4	5
37) Я одним из первых начинаю решать проблему, если на работе происходит что-то непредвиденное	1	2	3	4	5
38) Мне говорят, что я замечаю проблему еще до того, как об этом станет всем известно	1	2	3	4	5
39) Для меня важно быть в курсе того, что происходит на работе	1	2	3	4	5

Ключ для подсчета результатов по методике:

Подсчет результатов осуществляется суммированием баллов по всем пунктам.

39–132 балла – низкий уровень отзывчивости,

133–171 балл – средний уровень отзывчивости,

172–195 баллов – высокий уровень отзывчивости.

Приложение В. Демографические характеристики выборки и описательные статистики переменных <https://doi.org/10.17759/sps.2026170212>

Appendix B. Demographic characteristics of the sample and descriptive statistics for the variables <https://doi.org/10.17759/sps.2026170212>

Информация об авторах

Тахир Юсупович Базаров, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Базаров Т.Ю., Гасимов А.Ф. (2026)
Разработка методики «Способ оценки качества
отзывчивости личности (СОКОЛ)»
Социальная психология и общество,
17(2), 202–220.

Bazarov T.Yu., Gasimov A.F. (2026)
Development of the methodology “Method for assessing
the quality of personal responsiveness”
Social Psychology and Society,
17(2), 202–220.

Артём Фаритович Гасимов, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8708-139X>, e-mail: gasimov.artem@gmail.com

Information about the authors

Tahir Yu. Bazarov, Doctor of Science (Psychology), Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Artem F. Gasimov, Post-Graduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8708-139X>, e-mail: gasimov.artem@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Участие в исследовании имело добровольный характер. Все участники были проинформированы о целях и ходе исследования, а также анонимности при обработке данных. Все результаты представлялись в обобщенном и анонимном формате.

Ethics statement

Participation in the study was voluntary. All participants were informed of the study's objectives and progress, as well as anonymity during data processing. All results were presented in a summarized and anonymized format.

Поступила в редакцию 27.01.2026

Received 2026.01.27

Поступила после рецензирования 29.05.2026

Revised 2026.05.29

Принята к публикации 24.06.2026

Accepted 2026.06.24

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Научная статья | Original paper

Счастье как индивидуальное переживание и идеологический императив

Рецензия на книгу Е. Иллуз, Э. Кабанаса
«Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует
нашу жизнь». Москва: Издательство АСТ, 2023. 352 с.

Е.П. Белинская ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ elena_belinskaya@list.ru

Резюме

Рецензируемая книга представляет социально-философский анализ современной тенденции психологизации социального, свойственной как научному, так и массовому сознанию, а также ее политическим, экономическим и социальным следствиям. На примере концепции позитивной психологии авторы убедительно демонстрируют, как конкретная научная идея (задача изучения счастья) превращается в действенный инструмент различных институтов власти, развиваясь во все большей кооперации с ними, проникая практически во все сферы человеческой жизни и приводя в итоге к новой социальной нормативности индивидуального бытия, где собственно человеческому уже нет места. Этот незаметный переход внимания от индивидуального переживания к превращению последнего в идеологический императив, тотально ограничивающий человеческую аутентичность, авторами объясняется объективными социально-экономическими и политическими механизмами, характерными для неолиберального общества, действие которых подкрепляется проникновением психотерапевтического дискурса в быденное сознание. Авторы доказывают, что в сложные времена непредсказуемости и нелинейности векторов социального и культурного развития, нарастания глобальных рисков и множественной дестабилизации доминанта идеала личного психологического благополучия позволяет не только превратить счастье в товар, но и ограничивает возможности для коллективной разработки социально-политических изменений, для социальной солидаризации и активного действия.

Ключевые слова: позитивная психология, счастье, концепция эмоционального капитализма, коммодификация эмоций, психотерапевтический дискурс, психологическое благополучие, «счастьекратия»

Для цитирования: Белинская, Е.П. (2026). Счастье как индивидуальное переживание и идеологический императив. *Социальная психология и общество*, 17(2), 221–228. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170213>

Happiness as an individual experience and an ideological imperative

Review of the book “Happycracy: How the Industry of Happiness

Controls Our Lives” by E. Illouz and E. Kabanас. Moscow:

AST Publishing House, 2023. 352 p.

E.P. Belinskaya ✉

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

✉ elena_belinskaya@list.ru

Abstract

The book under review provides a socio-philosophical analysis of the current trend of psychologization of the social, which is characteristic of both scientific and mass consciousness, as well as its political, economic, and social consequences. Using the example of positive psychology, the authors convincingly demonstrate how a specific scientific idea (the study of happiness) becomes an effective tool for various institutions of power, developing into ever greater cooperation with them, penetrating almost every aspect of human life, and ultimately leading to a new normativity of individual existence where the human element no longer has a place. According to the authors, this subtle transition from attention to individual experience to the transformation of the latter into an ideological imperative that totally limits human authenticity is explained by the objective socioeconomic and political mechanisms characteristic of neoliberal society, which are reinforced by the penetration of psychotherapeutic discourse into everyday consciousness. The authors argue that in the challenging times of unpredictability and nonlinearity in social and cultural development, increasing global risks, and multiple destabilization, the dominant ideal of personal psychological well-being not only turns happiness into a commodity, but also limits the possibilities for collective social and political change, social solidarity, and active engagement.

Keywords: *positive psychology, happiness, the concept of affective capitalism, commodification of emotions, psychotherapeutic discourse, psychological well-being, “happycracy”*

For citation: Belinskaya, E.P. (2026). Happiness as an individual experience and an ideological imperative. *Social Psychology and Society*, 17(2), 221–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170213>

Книга известного социолога Евы Иллуз и ее молодого коллеги психолога Эдгара Кабанаса выпущена в 2023 году в издательстве АСТ, войдя в проект «Лед», ставший своей целью знакомство отечественных читателей с современными зарубежными естественно-научными

и гуманитарными исследованиями, дополнив серию «Слово современной философии» (Иллуз, Кабанас, 2023). Вышедшая на языке оригинала в 2018 году и переизданная в 2019 году, книга частично сменила название — от «счастьекратии» к «фабрике счастливых

граждан» (Cabanas, Plouz, 2018; Plouz, Cabanas, 2019), что в определенной степени усилило ее основной смысловой акцент: не только показать социально-экономическую и политическую востребованность отдельных психологических идей, но также проследить их постепенное «сращивание» с миром капитала, государственными интересами, задачами идеологии и политики, а в результате — оказать системное влияние на современное социальное пространство в целом.

В качестве таких идей авторы рассматривают содержание позитивной психологии М. Селигмана и его последователей. С точки зрения Е. Иллуз и Э. Кабанаса, быстрое развитие в начале 2000-х годов «науки о счастье», декларирующей заманчивые возможности концептуальной операционализации и количественного измерения столь феноменологически разнообразного и трудноуловимого индивидуального переживания, каковым является счастье, удивительным образом пересеклось с соответствующим социальным контекстом — наступившим временем экономической и политической дестабилизации, глобальных рисков, непредсказуемости и нелинейности векторов социального и культурного развития. А для каждого отдельного человека — со сложным временем онтологической неопределенности, максимальной индивидуальной уязвимости, дефицита личностных смыслов, роста тревожности и депрессий. Именно такой социальный и психологический фон был покрыт обманчивым блеском гуманизма позитивной психологии. Подобная позиция авторов представляется, с нашей точки зрения, максимально интересной и актуальной: убедительная демонстрация того, как

научная идея превращается в действенный инструмент различных институтов власти, развиваясь во все большей кооперации с ними, неизбежно ставит перед любым гуманитарно-ориентированным читателем (философом, социологом, экономистом, психологом) вопрос о социальной ответственности современных наук о человеке, об их конституирующей роли для массового сознания и общества в целом. И потому книга Е. Иллуз и Э. Кабанаса гораздо больше, чем критика (пусть всеобъемлющая, вплоть до фактологических разоблачений) одной конкретной концепции в рамках психологического знания. Фактически она есть анализ того, как нарастающая тенденция психологизации социального пространства парадоксальным образом приводит к новой социальной нормативности индивидуального бытия, где собственно человеческому уже нет места; как обращение к социально-психологическому изучению индивидуального переживания (а что может быть более индивидуальным и даже интимным, чем счастье?) превращается в идеологический императив, ограничивающий аутентичность каждого из нас. Именно в этом плане рецензируемая книга представляется интересной с социально-психологической точки зрения: ведь для предметного самоопределения социальной психологии более, чем для других областей психологического знания, по-прежнему доминирующим остается акцент на анализе социального контекста, в котором проявляется любая психологическая феноменология. И потому, думается, в современном мире множественных, внутренне противоречивых, плохо прогнозируемых социальных контекстов не стоит забы-

вать о сформулированном более полувека назад требовании С. Московичи к социальным психологам: отдавать себе отчет в том, кто задает вопросы науке, и кто дает на них ответы (Moscovici, 1972).

Свою ключевую задачу авторы формулируют предельно четко еще в предисловии: показать, что доминирующая сегодня в социо-гуманитарном анализе тенденция рассматривать конкретную социальную ситуацию только и исключительно с точки зрения «вклада» в нее индивидуальных психологических факторов, а не влияния каких-либо социо-структурных процессов, приводит к опасным заблуждениям относительно природы человека и общества. Повсеместные требования все большего и большего индивидуального усилия для какого-либо достижения, акцент на исключительно индивидуальной вине и ответственности за те или иные жизненные выборы и решения, повышенное внимание к чувственной стороне индивидуального бытия, которое «хорошо» при позитивных переживаниях и «плохо» в случае их отсутствия, заставляют людей не обращать внимания на объективные социальные и политические процессы: практическое отсутствие работающих «социальных лифтов», нарастающее социальное неравенство, угрозы военных конфликтов и т.п. Это, очевидно, затрудняет любые возможности социальной солидаризации и активного совместного действия. С точки зрения авторов, существенный вклад в подобные тенденции (а также в общую идею психологизации социального) внесла концепция М. Селигмана и его последователей.

На протяжении пяти глав Е. Иллуз и Э. Кабанас последовательно разбирают,

как положения позитивной психологии проникали в самые разные сферы жизни западного общества. Прежде всего, они оказались востребованы в области политики, превратившись в один из узаконенных критериев принятия политических решений и связанных с ними манипуляций общественным сознанием (глава 1 «Эксперты вашего благополучия»). С точки зрения идеологических основ посткапиталистической формации, принципы позитивной психологии сыграли свою роль в легитимации неоллиберализма (глава 2 «Возрождение индивидуализма»). Став одним из способов оценки соответствия работников ценностям современной корпоративной культуры (глава 3 «Позитив на работе»), они одновременно превратились в универсальный товар, пользующийся неограниченным спросом (глава 4 «Счастливые Я в продаже всегда и сейчас»). И, наконец, будучи рассмотрены с психологической и социально-психологической позиции, идеи позитивной психологии, по мнению авторов, не только привели к доминированию дискурса индивидуальной функциональности, но и создали новый идеологический императив (глава 5 «Счастье — новая норма»). Эта логика является своеобразным итогом размышлений одного из авторов книги о закономерностях процесса психологизации социального, ранее представленным на другом материале в других ее работах (Иллуз, 2020; Иллуз, 2022), на которые уже выходили рецензии в журнале (Белинская, 2020; Белинская, 2022).

Будучи создателем концепции эмоционального капитализма, Е. Иллуз утверждает, что существует конститутивная взаимосвязь социально-экономи-

ческих структур (докапиталистических, собственно капиталистических и характерных для эпохи неолиберализма) с механизмами формирования определенных эмоциональных состояний человека, что в итоге создает основу для постепенного перехода «внешнего/внутреннего», для смещения общей *frame of reference* — от анализа объективных социальных условий жизнедеятельности человека к обращенности только и исключительно в мир его субъективных переживаний. В этом «внешнем/внутреннем» мире продолжают, однако, действовать законы спроса и предложения, благодаря которым человеческие эмоции превращаются в товар (коммодифицируются), становясь «эмодуктами» — то есть товарами/услугами, потребление которых позволяет человеку пережить тот или иной эмоциональный опыт (например, счастье). На индивидуально-психологическом уровне это ведет, как минимум, к двум следствиям: во-первых, формирует отношение к эмоциям как к универсальному личностному ресурсу, который подлежит рациональному контролю и, соответственно, оптимизации; во-вторых, формирует представление человека о себе как требующем постоянного улучшения (самовершенствования, личностного роста и т.п.) ради достижения все большей личной функциональности. Как отмечают авторы, счастье стало таким важным и эффективным товаром в том числе потому, что все «эмодукты» счастья предлагают человеку не только моменты непродолжительной радости и надежды, но и «преобразуют погоню за счастьем в стиль жизни, склад ума и сердца и, в конечном итоге, в модель аутентичности» (Иллуз, Кабанас, 2023, с. 207).

Но у подобного процесса есть и социальные следствия: повсеместное распространение идеала личного психологического благополучия превращает «эмодукты» счастья в абсолютный товар, неограниченное потребление которого (так как сложно представить более бесконечный процесс, нежели личное самосовершенствование) приводит к изменениям в социальной субъектности человека, превращая граждан в «психождан» — крайне индивидуализированных членов неолиберальных обществ, для которых постоянная погоня за личным счастьем и психологическим благополучием становится смыслом жизни. «Психождане» не только разделяют новую социально-нормативную модель аутентичности, которая определяется исключительно в психологических понятиях, но и стремятся постоянно воссоздавать ее в процессе потребления «эмодуктов» счастья. На этом, в свою очередь, возникает и развивается «счастьекратия» — способ управления людьми на основе обещания достижения счастья и принудительного установления стандартов позитивных эмоций. При подобном способе социального управления категорически сужается пространство свободного личного выбора, а счастье из индивидуального переживания незаметно превращается в идеологический императив, в *идею* счастья, служащую (как и любая идеология) способом отвлечения человека от критического анализа объективной действительности и подчинения существующему социальному порядку. В итоге «счастье стало представляться сутью и олицетворением современного образа идеального и примерного гражданина» (Иллуз, Кабанас, 2023, с. 19).

Как и в других своих исследованиях, посвященных социологическому анализу мира человеческих чувств, Е. Иллуз обращает внимание на тот факт, что подобные процессы психологизации социального сегодня подкрепляются бурным развитием различных форм психологической и психотерапевтической помощи и все большим проникновением психотерапевтического дискурса в обыденное сознание. Возникновение социального норматива потребления счастья и массовое подчинение всех сфер жизнедеятельности человека идеологии «самоулучшения» закономерно сопровождаются появлением многочисленных «продавцов счастья», к которым авторы относят людей достаточно разных профессий: менторов, коучей, академических психологов, консультантов, психотерапевтов любых модальностей. Потребление их услуг, в свою очередь, запускает маховик нарастающей коммерциализации чувств, влияя на экзистенциальные стороны жизни человека: интимный мир человеческих переживаний становится все более публичным и подлежит продаже, — так, саморефлексия и самораскрытие в социальных сетях превращаются в расчетливое самопредъявление и развитие личного бренда. Но представляется, что в большей степени, нежели констатация этого факта, интересными являются рассуждения авторов о его следствиях, затрагивающих содержательные аспекты идентичности современного человека. Они обозначают их как «неоднозначность нарратива аутентичности» (Иллуз, Кабанас, 2023, с. 249), отмечая, что если развитие Я происходит постоянно в си-

туации желания достижения «лучшей версии себя», то оно неизбежно в своей основе должно опираться на фундаментальную дефицитарность этого Я, на постоянное чувство собственной неполноценности. В итоге возникает определенный психологический парадокс, в котором идентичность нашего современника конструируется как принципиально внутренне противоречивая: стремление к счастью, будучи основой создания более «благополучных» вариантов Я, порождает нарративы, в которых личная нереализованность и отсутствие психологического благополучия это же Я и определяют.

В заключение хочется отметить, что основная идея авторов книги — о том, что в сложные времена непредсказуемости векторов социального развития, нарастания глобальных рисков и множественной дестабилизации доминанта идеала личного психологического благополучия позволяет не только превратить счастье в товар, но и ограничивает возможности для коллективной разработки социально-политических изменений, для солидаризации и активного совместного действия, — не может не вызвать у отечественного читателя ассоциаций с открытым финалом известной повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Пикник на обочине». Завершая путь по Зоне к золотому шару, исполняющему заветные желания, главный герой целенаправленно жертвует своим молодым и наивным напарником, произнося известное «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» (Стругацкий, Стругацкий, 1999, с. 182) не в радостном утверждении надежды, а в отчаянии и бессмысленности одиночества.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2020). Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности. Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с. *Социальная психология и общество*, 11(2), 204–208. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110213>
Belinskaya, E.P. (2020). Paradoxes of the Age of Emotional Uncertainty. Review of the Book by E. Illouz “Why Does Love Hurt? Sociological Explanation”. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p. *Social Psychology and Society*, 11(2), 204–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110213>
2. Белинская, Е.П. (2022). Онтологическая неопределенность и отношения «нелюбви». Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 352 с. *Социальная психология и общество*, 13(2), 209–215. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130214>
Belinskaya, E.P. (2022). Ontological Uncertainty and the Relationship of “Dislike” Review of the Book by E. Illouz “Why Does Love Go Away? Sociology of Negative Relations”. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022. 352 p. *Social Psychology and Society*, 13(2), 209–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130214>
3. Иллуз, Е. (2020). Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с нем. С.В. Сидоровой. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
Illouz, E. (2020). Why Does Love Hurt? A Sociological Explanation / Translated from German by S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing. (In Russ.).
4. Иллуз, Е. (2022). Почему любовь уходит? Социология негативных отношений / Пер. с нем. С.В. Сидоровой. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
Illouz, E. (2022). Why Does Love Leave? The Sociology of Negative Relationships / Translated from German by S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing. (In Russ.).
5. Иллуз, Е., Кабанас, Э. (2023). Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М.: Издательство АСТ.
Illouz, E., Cabanas, E. (2023). The Factory of Happy Citizens. How the Happiness Industry Controls Our Lives. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.).
6. Стругацкий, А., Стругацкий, Б. (1999). Пикник на обочине; Отель «У погибшего альпиниста»; Улитка на склоне: Фантастические романы. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica.
Strugatsky, A., Strugatsky, B. (1999). Picnic on the Sidelines; The Hotel of the Dead Mountaineer; The Snail on the Slope: Fantastic Novels. Moscow: AST Publishing House; St. Petersburg: Terra Fantastica. (In Russ.).
7. Cabanas, E., Illouz, E. (2018). *Happycracy: How the Industry of Happiness Controls Our Lives*. Cambridge: Polity Press.
8. Illouz, E., Cabanas, E. (2019). *Manufacturing Happy Citizens*. Cambridge: Polity Press.
9. Moscovici, S. (1972). Society and Theory in Social Psychology. In: Tajfel H., Israel J. (eds.). *The Context of Social Psychology*. N.Y.: London.

Информация об авторах

Елена Павловна Белинская, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Белинская Е.П. (2026)
Счастье как индивидуальное переживание
и идеологический императив
Социальная психология и общество,
17(2), 221–228.

Belinskaya E.P. (2026)
Happiness as an individual experience
and an ideological imperative
Social Psychology and Society,
17(2), 221–228.

ва (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 22.03.2026

Поступила после рецензирования 13.05.2026

Принята к публикации 24.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.22

Revised 2026.05.13

Accepted 2026.06.24

Published 2026.06.30

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Научная статья | Original paper

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: тенденции развития и перспективные направления исследований в социальной психологии

П.А. Бабанин ✉, С.А. Никулин

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ babaninpa@mgppu.ru

Резюме

В статье представлена информация об основных результатах одиннадцатой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся 14–15 мая 2026 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Отражены перспективные направления социально-психологических исследований, а также их практическая значимость.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, социальная психология личности, возрастная социальная психология, практическая этнопсихология, киберпсихология, социальная психология групп, психология социального взаимодействия

Для цитирования: Бабанин, П.А., Никулин, С.А. (2026). Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: тенденции развития и перспективные направления исследований в социальной психологии. *Социальная психология и общество*, 17(2), 229–237. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170214>

Conference in memory of M. Yu. Kondratiev: development trends and promising research areas in social psychology

P.A. Babanin ✉, S.A. Nikulin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ babaninpa@mgppu.ru

Abstract

The article presents information about the main results of the eleventh International Scientific and Practical Conference in Memory of M. Yu. Kondratiev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice”

© Бабанин П.А., Никулин С.А., 2026

CC BY-NC

held on May 14–15, 2026, at the Moscow State University of Psychology and Education. This work outlines promising directions in socio-psychological research and highlights their practical significance.

Keywords: *conference, social psychology, social psychology of personality, developmental social psychology, practical ethnopsychology, cyberpsychology, social psychology of groups, psychology of social interaction*

For citation: Babanin, P.A., Nikulin, S.A. (2026). Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: development trends and promising research areas in social psychology. *Social Psychology and Society*, 17(2), 229–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170214>

14–15 мая 2026 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) состоялась одиннадцатая Международная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», организованная факультетом «Социальная психология». Заявленная цель конференции заключалась в развитии профессионального сотрудничества в сфере социальной психологии на основе конструктивного обсуждения актуальных практических и теоретико-методологических проблем.

Конференция уже традиционно стала площадкой для встречи и общения студентов, аспирантов, а также профильных специалистов, научная и практическая деятельность которых тесно связана с вопросами взаимодействия и коммуникации между людьми. Были представлены как отечественные, так и иностранные делегации. Основным объединяющим фактором стала система взглядов, разработанная М.Ю. Кондратьевым в рамках научной школы академика РАО А.В. Петровского и психологической теории коллектива. У коллег была возможность обменяться опытом научно-исследовательской и научно-практической деятельности, обсудить результаты новейших отечественных и за-

рубежных исследований, познакомиться с новейшими социально-психологическими технологиями, провести конструктивные дискуссии о подходах к решению современных социально-психологических проблем. Эти и другие задачи решались участниками прошедшей конференции.

Пленарное заседание открыла декан факультета «Социальная психология» Т.Ю. Маринова, к.биол.н., профессор кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Татьяна Юрьевна отметила, что ежегодная конференция, которая впервые была проведена в 2016 году, за эти 11 лет стала площадкой для обмена опытом отечественных и зарубежных исследователей.

Первый доклад представил Т.Ю. Базаров, д.психол.н., профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова на тему: «Отзывчивость, лидерство и готовность к грядущему: вызовы социальной психологии в эпоху неизвестности». Тахир Юсупович отметил значимость общих идей между коллегами — социальными психологами. Далее с докладом выступил А.В. Махнач, д.психол.н., член-корреспондент Российской академии образования, заместитель директора по научной работе Института психологии РАН (ФГБУН ИП РАН) с темой: «Жизнеспособность и резилент-

ность: два термина для одного понятия?». О современном положении социальной психологии личности рассказала Е.П. Белинская, д.психол.н., профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Также в рамках пленарного заседания были заслушаны доклады, посвященные искусственному интеллекту и цифровизации населения: Е.Н. Волковой, д.психол.н., ведущего научного сотрудника ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» на тему: «Психология коммуникации с искусственным интеллектом: метафора диалога в новой социальной реальности»; А.А. Нестеровой, д.психол.н., профессора кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» на тему: «“Цифровое бессмертие” как социально-психологический феномен: от патологизации горя к постмортальной социализации». Не обошлось и без традиционных тем для социальной психологии — Р.И. Суннатова, д.психол.н., профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО МГПУ выступила с темой: «Мотивация подростков к социально значимой деятельности: разработка и апробация авторской методики».

После выступлений на пленарном заседании состоялась работа в рамках секций. Основные направления работы конференции: «Социальная психология личности», «Возрастная социальная психология», «Практическая этнопсихология», «Киберпсихология и общество», «Социальная психология групп», «Психология социального взаимодействия».

В ходе работы секции «Социальная психология личности» (ведущие:

Н.Н. Толстых, д.психол.н., профессор; П.А. Бабанин, к.психол.н.) были заслушаны доклады, посвященные межличностным отношениям. О.А. Екимчик, д.психол.н., доцент кафедры общей и социальной психологии и Е.А. Дорьева, к.психол.н., старший научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» представили доклад на тему: «Поиск партнера и начало близких отношений в контексте смешанной реальности и цифровой повседневности», посвященный поиску партнера с помощью сервисов онлайн-знакомств. Показано, что такая стратегия поиска партнера для близких отношений в условиях цифровой повседневности более популярна у мужчин и женщин в юношеском и взрослом возрасте. Доклад на тему: «Межличностная детская травма как фактор посттравматических изменений во взрослом возрасте» был представлен К.В. Пырковой, к.мед.н., зам. декана факультета общей и клинической психологии и А.Н. Поляничко, студентом НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа». Авторами получены данные, свидетельствующие о том, что структура посттравматических изменений взрослому человеку не является прямым следствием самого факта травмы, а опосредуется спецификой межличностных нарушений в родительской семье, полнотой семьи и характеристиками актуальной социальной среды. И.Г. Гордиенко, студент Государственного университета просвещения и М.М. Гордон, старший преподаватель Российского православного университета св. Иоанна Богослова поделились результатами исследования в докладе на тему: «Взаимосвязь восприятия социальной

поддержки с самоотношением». Авторы делают вывод, что для экстеральной группы восприятие всех видов социальной поддержки имеет позитивную взаимосвязь, а для интеральной группы факт восприятия социальной поддержки является скорее негативным феноменом.

Доклады на секции «Возрастная социальная психология» (ведущие: Н.С. Денисенкова, к.психол.н., доцент; А.К. Нисская, к.психол.н.) были посвящены детской медиаактивности, просоциальному поведению, речевому развитию детей, лидерству, карьерным интересам взрослого поколения, способам преодоления стресса пожилыми людьми. В докладе Ю.И. Зеленёвой, студента факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ на тему: «Взаимосвязь личностной адаптации к школе и экранного времени у первоклассников» представлены результаты исследования, демонстрирующие, что с увеличением количества часов детской медиаактивности уровень личностной адаптации к школе снижается. При этом чем больше времени первоклассник проводит с гаджетами, тем ниже уровень его мотивации к обучению и выше его самооценка. Также А.Н. Кириш, ассоциированный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях и Н.С. Павлова, к.психол.н., ФГБУН ИП РАН, выступили с докладом на тему: «Роль контроля поведения при проживании повседневного стресса у людей позднего онтогенеза». Показано, что более высокий когнитивный контроль поведения помогает людям пожилого возраста проживать повседневный стресс с меньшими последствиями для своего самочувствия и жизнедеятельности.

На секции «Практическая этнопсихология» (ведущие: О.С. Павлова, к.пед.н., доцент; В.В. Гриценко, д.психол.н., профессор) доклады были посвящены различным аспектам этнической идентичности. Слушатели и руководители секции отметили доклад Д.В. Погонцевой, к.психол.н., доцента Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» на тему: «Динамика отношения к женщине в хиджабе на Юге России». Автор частично воспроизвел собственное исследование десятилетней давности, в котором методом повторного анкетирования было предложено выразить свое отношение к девушкам в хиджабе. Спустя десять лет отношение к девушкам в хиджабе сменилось со скорее негативного на нейтральное или положительное.

В рамках секции «Киберпсихология и общество» (ведущие: Н.В. Кочетков, к.психол.н., доцент; Т.Ю. Маринова, к.биол.н., доцент) обсуждались вопросы использования искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности. Наибольший интерес вызывал доклад А.А. Нестеровой, д.психол.н., профессора кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» и В.Ю. Липеевой, аспиранта того же университета на тему: «Роль цифровой среды в формировании страха упущенных возможностей (FoMO)». Авторы пришли к выводу, что страх упущенных возможностей (FoMO) трансформируется из ситуативного переживания в устойчивый паттерн, ослабляющий как субъективное благополучие, так и функциональную зрелость личности в условиях цифровой среды. Также вызвал интерес доклад Н.В. Самородова, аналитика Фундамен-

тальной библиотеки, ассистента кафедры «Цифровое образование» ФГБОУ ВО МГППУ на тему: «Цифровое детство: предварительные результаты анализа научных трендов». По результатам анализа научной литературы автор делает вывод, что в настоящее время существует потребность в изучении влияния цифровой среды на переходный возраст, что может стать перспективным направлением для дальнейших исследований; также необходима популяризации тем, связанных с психологией детей младшего возраста.

В ходе работы секции «Социальная психология групп» (ведущий: М.Е. Сачкова, д.психол.н., профессор) заслуживает отдельного внимания доклад И.А. Гревцева, аспиранта факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ на тему: «Цифровая социализация и роль фэндомов в становлении личности современной молодежи». Анализ исследований показал, что фэндомы представляют собой один из наиболее сложных и противоречивых феноменов цифровой социализации современной молодежи. С одной стороны, они функционируют как полноценные сообщества, в которых подростки обретают чувство принадлежности, развивают творческие навыки, осваивают цифровую грамотность, а с другой — цифровая логика платформ и механизмы парасоциальной привязанности создают риски токсичного фанатства, диффузной идентичности и психологической уязвимости. В докладе А.А. Нестеровой, д.психол.н., профессора кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» и А.А. Шурыгина, аспиранта того же университета была представлена «Программа социально-

психологической реадaptации ветеранов через развитие жизнеспособности». Разработанная программа социально-психологической реадaptации включает четыре модуля: первый модуль — снижение острых посттравматических реакций в работе с кризисным психологом; второй модуль — организация психологического сопровождения групп участников СВО и ветеранов; третий модуль — психологическая помощь родственникам ветеранов; четвертый модуль — психологическая поддержка матерей и жен ветеранов и участников СВО. Результаты проведения данной программы свидетельствуют, что при ее применении возможно снижение уровня проявления симптомов ПТСР, значительное улучшение качества жизни и, как следствие, помощь ветеранам в реадaptации к гражданскому обществу.

В рамках секции «Психология социального взаимодействия» (ведущий: О.Б. Крушельницкая, к.психол.н., доцент) доклады были посвящены различным сферам социального взаимодействия. Хотелось бы отметить доклад О.И. Даниленко, доктора культурологии, профессора кафедры общей психологии и Н.Ю. Дмитриевой, соискателя ученой степени, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», на тему: «Проявления дружбы как факторы удовлетворенности дружескими отношениями». Исследователи поставили перед собой цель определить, какие именно проявления дружбы оказываются наиболее значимыми для оценки субъектом степени удовлетворенности дружескими отношениями. С помощью авторской анкеты были опрошены 1160 человек. Результаты показали, что наиболее значимыми проявлениями дружбы являют-

ся надежность, ощущение собственной значимости, доверие, понимание чувств и взаимопомощь. С.В. Руденко, к.психол.н., доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» представила доклад на тему: «Социальная идентичность студентов в условиях военного конфликта». Автор исследовал идентичность студентов донецкого университета, проживающих в условиях военного конфликта. Результаты показали, что большинству студентов присуща позитивная этническая идентичность; культурная идентичность характеризуется верностью традициям, законопослушностью, взаимовыручкой, добротой, сердечностью и открытостью.

В программе первого дня работы конференции были заявлены и проведены два мастер-класса: мастер-класс «Конструирование профессиональной идентичности студентов-психологов в группе: нарративный подход» (ведущий: Е.В. Новоселова, психолог-консультант ООО «Лучи Здоровье»), целью которого было раскрыть социально-психологический потенциал нарративного подхода в процессе формирования профессиональной идентичности студентов-психологов в условиях учебной группы, и мастер-класс «Конструирование временной перспективы личности как ресурс совладания с травматическим опытом» (ведущий: О.Е. Панич, к.психол.н., ведущий аналитик отдела научно-методического обеспечения ФКЦ МГППУ, доцент кафедры возрастной и социальной психологии НИУ «БелГУ»), посвященный профилактике травматического стресса у студентов, проживающих на территориях, где велись боевые действия.

Первый день конференции завершился проведением круглого стола «Основные

направления развития социальной психологии в зеркале журнала «Социальная психология и общество»» (ведущий: Н.Н. Толстых, д.психол.н., профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ). Участниками беседы стали И.В. Вачков, д.психол.н., профессор кафедры общей психологии факультета психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»; О.И. Даниленко, доктор культурологии, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; Т.Л. Крюкова, д.психол.н., профессор, научный руководитель магистратуры НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»; Т.И. Шульга, д.психол.н., профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». За «круглым столом» участники обсудили особенности и перспективы дальнейшего развития социальной психологии в свете публикаций журнала «Социальная психология и общество».

В рамках второго дня работы конференции, который проходил полностью в онлайн-формате на секции «Киберпсихология и общество» (ведущие: Н.В. Кочетков, к.психол.н., доцент; Т.Ю. Маринова, к.биол.н., доцент), наибольший интерес вызвал доклад И.А. Филенко, к.психол.н., доцента кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и С.В. Моисеева, ассистента кафедры организационной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета на тему: «Влияние использования искусственного интеллекта на эффективность критического мышления». Результаты проведенного

исследования свидетельствуют о том, что регулярное делегирование интеллектуальных задач ИИ-системам приводит к снижению уровня критического мышления, самооценки и способности к принятию эффективных решений.

Секция «Возрастная социальная психология» (ведущие: Н.С. Денисенкова, к.психол.н., доцент; А.К. Нисская, к.психол.н.) включала в себя несколько актуальных докладов. В.В. Катунцова, к.биол.н., доцент кафедры общей и клинической психологии и С.В. Абдуллина, студент ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России поделились своим исследованием на тему: «Копинг-стратегии как предиктор девиантного поведения у детей младшего школьного возраста», посвященным выявлению особенностей взаимосвязи копинг-стратегий и признаков девиантного поведения у детей младшего школьного возраста, а также определению специфических паттернов совладающего поведения в группах с разным уровнем выраженности девиаций. О.В. Кружкова, к.психол.н., заведующая лабораторией перспективных социосредовых исследований ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» выступила с докладом на тему: «Воспринимаемая безопасность вандализированной городской среды в пожилом возрасте». Согласно результатам исследования, пожилые люди наиболее чувствительны к неблагоприятным факторам окружающей городской среды, подверженной вандальным преобразованиям, при условии низкой удовлетворенности их базовой потребности в безопасности, повышенной личностной и ситуативной тревожности, потребности в активных социальных контактах и негативного отношения к одиночеству.

В рамках секции «Практическая этнопсихология» (ведущие: О.С. Павлова, к.пед.н., доцент; В.В. Гриценко, д.психол.н., профессор) руководители секции отметили доклад И.И. Кауненко, доктора психологии, доцента факультета социальных наук и образования Независимого Международного Университета Молдовы (ULIM) и Л.Ф. Хорозовой, доктора психологии, доцента Комратского государственного университета на тему: «Социальные представления молодежи о своем поколении (на примере Республики Молдова)». В исследовании приняла участие студенческая молодежь разных этнических групп. Результаты показали, что социальные представления молдавской, гагаузской, украинской и болгарской молодежи о своем поколении характеризуются ориентацией на позитивное будущее и субъектностью, а также одновременно отражают тревогу и амбивалентность, что свидетельствует о специфике жизненного опыта молодежи, проживающей в условиях общества незавершенного транзита. А.В. Рубцова, студент Санкт-Петербургского государственного университета и В.Г. Павенков, к.ист.н., доцент кафедры социальной психологии и конфликтологии Университета при межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС выступили с докладом на тему: «Культурные особенности японского информационного поведения», посвященным анализу культурных особенностей японского информационного поведения через призму отношения к киберпространству и практикам поиска информации. Эмпирические исследования показывают, что характерной чертой японского информационного поведения становится ориентация на индивидуализированное потребление контента; киберпространство в японском обществе описывается культурно закрепленными установками на аноним-

ность, сохранение дистанции и осторожность в самораскрытии.

На секции «Психология социального взаимодействия» (ведущий: О.Б. Крушельницкая, к.психол.н., доцент) особый интерес вызвал доклад Н.В. Богданович, к.психол.н., доцента кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, А.Е. Завражновой, выпускника факультета дошкольной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, А.К. Соковец, психолога отдела взаимодействия с медицинскими организациями Московской службы психологической помощи населению на тему: «Гендерные типы личности и представления о взаимоотношениях современных мужчин и женщин». Авторами обнаружено, что исследуемая выборка характеризуется общей ориентацией на андрогинную идентичность и гибкость в распределении ролей: образ идеального партнера у женщин является андрогинным, а у мужчин — феминным. Реальная же идентичность в выборке мужчин преимущественно феминная. Это свидетельствует о рассогласовании между собственными установками мужчин и ожиданиями, которые предъявляют к ним женщины, что можно рассматривать как фактор риска для гармонизации отношений.

Также в онлайн-формате во второй день конференции был проведен мастер-

класс «Цифровая идентичность. Психологические особенности аватаров» (ведущий: Е.А. Верченлова, руководитель курса «Когнитивно-поведенческая терапия» ООО «Психодемия»), который помог участникам сформировать представление о понятии цифровой идентичности и психологических функциях аватаров, а также продемонстрировать возможности применения этих знаний в психологической практике.

По итогам проведения одиннадцатой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева можно отметить, что в процессе ее работы были рассмотрены современные и перспективные вопросы и проблемы социальной психологии. Результаты проведенных исследований, выполненные квалифицированными специалистами в области социальной психологии, наглядно демонстрируют практическую применимость концептуальных положений научной школы А.В. Петровского—М.Ю. Кондратьева в современных условиях.

Сборник материалов одиннадцатой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» опубликован на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к нему по ссылке: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2026>.

Список источников / References

1. Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы XI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14–15 мая 2026 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. 974 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2026> (дата обращения: 28.05.2026). Social psychology: issues of theory and practice. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference in memory of M.Y. Kondratiev «Social psychology: issues of theory

and practice» (May 14–15, 2026). Moscow: MSUPE, 2026. 974 p. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2026> (viewed: 28.05.2026).

Информация об авторах

Петр Алексеевич Бабанин, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1656-6733>, e-mail: babaninpa@mgppu.ru

Станислав Алексеевич Никулин, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3578-0879>, e-mail: nikulinsa@mgppu.ru

Information about the authors

Petr A. Babanin, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1656-6733>, e-mail: babaninpa@mgppu.ru

Stanislav A. Nikulin, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3578-0879>, e-mail: nikulinsa@mgppu.ru

Вклад авторов

Бабанин П.А. — написание, редактирование и оформление текста рукописи.

Никулин С.А. — написание текста рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Petr A. Babanin — writing, editing, and formatting of the manuscript text.

Stanislav A. Nikulin — writing the text of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 04.06.2026

Поступила после рецензирования 11.06.2026

Принята к публикации 24.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2026.06.04

Revised 2026.06.11

Accepted 2026.06.24

Published 2026.06.30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс — 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*
Переводчик *П.Д. Мурзина*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index — 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor *A.A. Butorina*
Maker-up *M.A. Baskakova*
Translator *P.D. Murzina*